Витаутас Петкявичус

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

ОБ АВТОРЕ

(Биографическая справка)

Известный литовский писатель–прозаик, лауреат множества литературных премий Витаутас ПЕТКЯВИЧЮС родился 28 мая 1930 года в Каунасе. Окончил Высшую комсомольскую школу в Москве, затем — истфак Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работал в комсомольском и партийном органах, в газете «Теса», в Союзе писателей Литвы.

Печататься начал в 1955 году. Автор переведенных на русский язык романов «Люди предместья», «О хлебе, любви и винтовке», сборников рассказов. Большим успехом пОЛЬЗ0валась его книга «Группа товарищей».

Произведения Петкявичюса для детей «Приключения Желудя», «Аршин, сын Вершка», «Великий охотник Микас Пупкус», «Почемучка» и др.) полны захватывающих приключений, народной мудрости, фантазии, юмора.

В его книге очерков «Мой край Литвой зовется», вышедшей сначала на русском (1974) и лишь год спустя (1975) на литовском языке, представлен новаторский подход к освещению истории литовского народа, многие аспекты которой замалчивались или искажались официальной историографией.

Книги Витаутаса Петкявичюса переведены на языки многих на родов мира.

На долю писателя выпала богатая бурными событиями жизнь. Это полные драматизма послевоенные годы классовой борьбы, хрущевская «оттепель», брежневский «застой», горбачевская «перестройка» и политическая лихорадка современной независимой Литвы. И во все периоды жизни он не прятался от событий, всегда был«на линии огня», постоянно нарываясь на этот огонь, но все равно не изменяя самому себе. «Безумству храбрых поем мы песню!» Витаутасу, родившемуся в грозовую ночь под вой бушевавшего над Каунасом урагана, мать впоследствии объясняла: «Потому и вся твоя жизнь такая беспокойная».

Многие современные литовские, и не только литовские, писатели любят по рассуждать о том, как они клеймили пороки

советского строя, указывали на них обществу, закрывали своим телом амбразуру. «И везде меня сопровождали священные, ставшие в ту пору почти заклинанием, слова: «Так надо!» Но, оказалось, много чего было не надо. Немало очень близких и дорогих мне людей тогда погибло понапрасну», — писал В. Петкявичюс. Но, в отличие от нынешних«героев», он это писал не в 1996–м и даже не в 1986–м, когда из амбразуры уже не стреляли, а почти сорок лет назад, в 1966 *году. Заклинание «Так надо!» осталось при нем на всю жизнь синонимом писательского служения своему народу. Надо было защитить дарованное природой народное достояние — Куршскую косу – от бездушных и бездумных людей, намеревавшихся при помощи дрянного оборудования разрабатывать на дне морском рядом* с *уникальной песчаной косой скудные запасы нефти, — Петкявичюс на передовой; надо было лечить общество от скверны и гнили брежневского «застоя» — Петкявичюс* у *истоков «Саюдиса»; пришла пора показать народу, куда его повели лидеры «Саюдиса», вынырнувшие изпены национального возрождения, — Петкявичюс идет против течения* с *книгой «Корабль дураков», которая всего за два месяца выдержала три издания! Вот так всегда, при любых зигзагах общественной жизни, В. Петкявичюс смеет обо всем «свое суждение иметь», поэтому и остается свободным, и учит быть свободным и других.*

Писатель и сегодня остается самим собой — искренним перед людьми, резким, ироничным и независимым.

От переводчиков

Попранные идеалы

Писателя, который бы попытался раскрыть подноготную государственных переворотов в нашей стране начала девяностых годов XX века, в России не нашлось. Но такой нашелся в Литве – это один из главных зачинателей движения за выход Литвы из состава СССР, за государственный суверенитет своей родины, известный литовский писатель Витаутас Петкявичюс.

В своей книге «Корабль дураков» писатель показывает лишь собственное, субъективное видение фактов и событий, возможно, не всегда неоспоримое. Он и сам это говорит, не притязая на абсолютную истину. Но рассказанное им позволяет вдумчивому читателю с особой отчетливостью увидеть, как преданных своем у народу идеалистов оттесняют на обочину политические хищники, использующие для достижения своих шкурных интересов их благородные устремления.

События того времени в Литве не были изолированными от России и других республик, входивших в состав СССР, они были лишь частью бурно развивавшихся общих для всех нас процессов. Поэтому они представляют интерес не только для литовских читателей.

Зачастившие в период горбачевской «перестройки» в Литву из Москвы эмиссары, выдававшие себя за приверженцев демократии, несли в Россию вести о происходящих здесь «демократических процессах», расхваливали движение за независимость — «Саюдис». А лидеры этого «Саюдиса» умело им подсовывали в качестве типичных представителей противоборствующей стороны, якобы мешающей демократическим преобразованиям, всякого рода закосневших в политических догмах людей: партократов, солдафонов, амбициозных аферистов и просто интеллектуально ущербных субъектов, каких, кстати, вдоволь было и в самом «Саюдисе». Может быть, и по этой причине, других, находившихся от «Саюдиса» по ту сторону баррикад, залетные российские «демократы» не желали слушать, тем более — слышать: ни о лже демократии, ни о разгуле гнуснейшей русофобии.

Что ж, давайте с помощью писателя взглянем на ту же, любезную их сердцу, сторону, только не на ее репрезентативную часть, а на изнанку. Может быть, тогда станет яснее, что же произошло в России.

Читая книгу, не надо забывать, что писатель представляет галерею шаржей на политиков Литвы. Но не забудем и то, что шарж подчеркивает характерные особенности личности, не заботясь о точном отображении не существенного.

Однако это не только шарж, но и попытка сохранить для будущих поколений высокие нравственные ценности, которые нынче кто–то усиленно старается изгнать из памяти и душ людских.

Автор как бы бросает перед читателем запутанный клубок из фактов и имен, дат и событий. Читая книгу, не всегда получишь ответ на вопросы: что, где, когда? Но такова авторская манера, он делает это намеренно, как бы подчеркивая, что ясных ответов не, было ни в начале, ни в конце, нет и самого конца. Только автор постепенно вытягивает из этого клубка ниточку за ниточкой, предлагая посмотреть на каждую в отдельности, пока сильно не похудеет и сам клубок.

Своеобразие ироничного, близкого к народному, языка автора, который не связывает себя строгими нормативными канонами, создавало для переводчиков дополнительные сложности. Но переводчики видят свою задачу в том, чтобы наиболее точно передать смысл, дух произведения, не особенно заботясь о точной передаче слов.

В настоящем издании русское написание литовских имен и фамилий, названий местностей дано в соответствии с традиционными правилами, принятыми в России.

Примечания в сносках принадлежат переводчикам.

В конце книги приводится указатель фамилий наиболее значительных персонажей, с краткими справками о них.

От автора

Патриотическое кощунство

Память человеку дается для того, чтобы он совершенствовался и не повторял былых ошибок, сопоставлял их с современностью и думал о своем будущем. Но случается, и нередко, что некий мелкий человечек переусердствует, забывая, кто он таков в действительности. Так сказать, «переплюнет» самого себя и, одержимый как им то комплексом, начинает юродствовать, искажать факты, исправлять историю, пока, наконец, не влюбится в собственную особу и не начнет строить из себя Божьего избранника. Такой деятель практически полностью созрел для психиатрической больницы, но, как это ни странно, миру еще неведома глупость, не находившая последователей. С этого все и начинается…

Так появляются на свет всякого рода мессии, пророки, вожди и самозванцы. Создаются невероятнейшие теории, слащавые легенды об их необычайной доброте и мудрости; простого человека отгораживают от действительности, одурачивают, а впоследствии, подразгул, вакханалию лжи, впутывают в какую–нибудь авантюру, с которой и начинаются все прочие беды: насилие, войны, убийства и духовное опустошение.

В своем вступлении я хочу процитировать первый провозглашенный «Саюдисом» документ, который впоследствии подвергся такому искажению, надругательству и лжи, что на третьем съезде «Саюдиса» он уместился в одну подлейшую фразу: «В Литве нужно поставить к стенке 200 000 коммунистов и будет порядок». А все начиналось так чисто, так душевно, по–христиански… Цитирую:

Заявление доброй воли

Политическая ситуация бывает благоприятной или неблагоприятной по отношению к нравственности и доброй воле… Мы, жители Литвы, в свою очередь, сделали многое, чтобы эти понятия утвердились в жизни. Мы, участники литовского движения за перестройку «Саюдис», понимая ответственность, которую возлагает происходящее сегодня социально–политическое обновление, духовное и национальное

возрождение, выступаем:

ЗА ЕДИНСТВО — ПРОТИВ РАСКОЛА,

ЗА ДОВЕРИЕ — ПРОТИВ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ, ЗА СОЗИДАНИЕ — ПРОТИВ РАЗРУШЕНИЯ,

ЗА ОЖИВЛЕНИЕ — ПРОТИВ ПОДАВЛЕНИЯ.

Мы исполнены решимости добиваться во всех областях жизни Литвы: мира там, где увидим вражду, правды там, где увидим обман, порядка там, где увидим беспорядок, света там, где увидим тьму. Мы одобряем дух и шаги перестройки, дающие надежду нашим чаяниям. На каждый конкретный шаг по осуществлению провозглашаемой политики МЫ всегда ответим духом доброй воли, потому что все мы–ЛИТВА и наше будущее — ЛИТВА.

Принято единогласно.

Здесь приведена первая политическая декларация перестройки, которая сегодня звучит издевкой, а само слово «Саюдис» уже десять лет Литве произносится как ругательство. Та волна патриотического энтузиазма, которую оно когда–то вызвало, подобно мощному цунами разрушила сложившийся уклад жизни, а на его руины выплеснула политиканов, спекулирующих народной свободой, и снова схлынула, разбившись о духовную немощь перевертышей, о постоянно нарастающую нищему, самоубийства, самоуправство чиновников и захлестнувший всю страну бандитизм. А сам «Саюдис» во главе со своим почетным председателем скатился с высот поэзии Ю. Марцинкявичюса к сатанизму бездуховных керосерюсов и полному умопомрачению.

Сегодня не многие из членов Инициативной группы «Саюдиса» осмеливаются давать трезвые оценки собственным поступкам и признать, что благодаря им «поющая революция» в истории нашей страны стала лишь началом невиданного для литовского народа экономического, культурного и нравственного падения. С гуманитарной точки зрения она нам вовсе не удалась, слишком быстро выродилась и стала антигуманной. Это революция меньшинства за счет большинства, отбросившая нас к меж военному периоду. Ландсбергистское безвременье не только не закрепило независимости, восстановленной с такой легкостью, оно отняло у наших граждан их основные свободы — свободу жить, питаться, свободу трудиться, творить, растить грамотных детей. Душевное спокойствие людей, о котором мы, зачинатели движения, тогда даже не задумывались, в

сегодняшней Литве полностью разрушено, и помешать этому не могла даже церковь.

В погоне за привилегиями бывшие деятели «Саюдиса» разбежались по разным партиям, клубам и союзам. Они все еще митингуют, важничают, тешат себя мнимыми успехами и заслугами, обсуждают, кто у кого и что украл, кто был первым, а кто вторым, — но так и не находят в себе мужества признать, что подлинными зачинщиками были не они, а генерал госбезопасности Э. Эйсмонтас, замысливший стравить эту наспех сколоченную организацию с идейно закаленными диссидентами, которых «поющие» моментально высмеяли, растоптали, не давая им по сию пору приноровиться к необольшевистскому курсу.

Многие исследователи «Саюдиса» почему–то удивляются, откуда появились так вдруг и в таком количестве доселе неизвестные и не замеченные ни в какой общественной деятельности люди? Почему их дела были всего лишь эпизодами? Почему после их ухода с политической арены никто по ним не спохватился? Но ни один из исследователей не заинтересовался, каким образом 3 июня 1988 года мотыльки–однодневки, будто под лучами мощного прожектора, внезапно сбились в один рой. Почему не знавшие до этого момента друг друга новоиспеченные народные витии так быстро сошлись, с такой энергией поддерживали друг друга, выдвигали в выборную группу или втихаря вычеркивали неугодных? Почему на том собрании место секретаря занимал не какой–нибудь уважаемый деятель того времени, а вытащенный неведомо откуда Зигмас Вайшвила? Тем более что собрание проходило в Академии наук и вел его академик Э. Вилкас, который тоже не с луны туда свалился…

В ту пору разрешения на подобные собрания давал главный партийный идеолог Л. Шепетис. Каждое заявление он согласовывал с КГБ, вместе с которым назначал такую дату проведения, чтобы спецслужбам хватило времени на подготовку. В нашем случае собрание откладывалось несколько раз, пока, наконец, не появилась «нужная молодежь» и не было найдено подходящее название для будущей деятельности. Из нескольких вариантов — общество, организация, союз, движение, форум, лига — было выбрано наименее претенциозное «саюдис»l. Потом к нему приклеивали политические цели: Движение за активизацию общества, в помощь партии и, наконец, Движение в поддержку перестройки. Движению полагалось быть неформальным, общественным и непременно непартийным, как требовала

присланная из Москвы инструкция, после того как во всем СССР было официально разрешено создавать самодеятельные организации.

Эту инструкцию, уже доработанную под условия Литвы, К. Прунскене назвала «Черным сценарием», переуступив почему–то авторство названия В. Ландсбергису, хотя прекрасно знала, что этот документ тайком распространился среди нас после «знакомства» с некоторыми бумагами В. Чепайтиса и А. Чекуолиса. Да, сценарий несколько раз меняли, но каждый раз его основная идея оставалась той же: органы безопасности обязаны через своих людей влиять на все появляющиеся движения и постепенно перенимать инициативу; допустимы всевозможные словесные, лозунговые отклонения, даже перегибы, но непосредственные действия должны согласовываться…

Подготовка к этой работе началась еще задолго до объявления всех свобод перестройки. За подписью Ю. Петкявичюса, предшественника Э. Эйсмунтаса, в некоторые места заключения были разосланы письма о возможности досрочного освобождения части диссидентов. В число этих счастливчиков попали П. Печелюнас и А. Терляцкас. Поскольку последний до первой «отсидки» работал в подведомственном КГБ Главлите, ему заготовили роль в запланированной двойной игре.

Таким было начало, но понимание этого пришло гораздо позднее, после многолетнего собирания по крупицам всех подробностей, анализа различных документов, изучения весьма противоречивых высказываний самих деятелей движения, тайной и гласной их болтовни. Теперь мне понятно, кого из членов инициативной группы «Саюдиса» побуждали к действию и готовили заранее, кто знал, на какое собрание идет и что должен там делать. Но это уже история. В сегодняшней Литве после воцарения спланированной право» вой анархии и бесправия рядового человека, после специально организованной экономической разрухи никому нет дела ни до того начала, ни до конца. Главная цель достигнута: нет государства, призванного защищать нас, каждый гражданин борется только за себя. Словом, никакого суверенитета мы так и не добились, поскольку развернули свою жизнь в соответствии с мифами «Черного сценария» И за десятилетие оказались в положении обычной колонии.

Даже величайшие лжецы не могут сегодня разобраться, чья ложь была ближе к истине и кто теперь занимается новыми выдумками. Ясно одно: над крупнейшей фальсификацией истории

потрудились те, кто стоял за спиной В. Ландсбергиса, а также его команда. Они создали, при активной поддержке костела, одну из самых мерзостных разновидностей культа личности. Немало претерпев от власти Сметоны, Сталина, Гитлера и прочих обожествленных правителей, литовцы вдруг обо всем забыли и ударились в очередную крайность идолопоклонства. Под воздействием массового психоза они, подобно алкоголикам, принялись лечиться тем же дурманом, от которого еще не успели протрезветь. Уже после первых возгласов «Ландсбергис — Литва!», которые скандировались нанятыми на деньги «Саюдиса» «вязаными беретами», было ясно, что в культе человека не было никакого национального, политического или хотя бы религиозного содержания, что здесь днем с огнем не сыщешь никакой реальной государственной программы или новой идеи возрождения. Имя и личность этого человека стали для авантюристов и перевертышей гнусной индульгенцией безыдейности, которая заняла место политической мудрости, гражданской совести и чувства ответственности. Помолись, восславь этого новоиспеченного идола — и делай что угодно. Более губительного для возрождающейся Литвы явления не могли бы придумать и самые ярые ее враги.

Даже после победы на выборах прорвавшиеся к высшей власти ландсбергисты и их вождь продолжали пользоваться тайными квартирами КГБ, информаторами и советниками этой организации. Б. Кузмицкас, К. Мотека, В. Чепайтис, А. Чекуолис, З. Вайшвила, Р. Озолас, А. Буткявичюс, Л. Сабутис, К. Урба, К. Прунскене, В. Томкус, Р. Дапкуте и многие другие активисты так или иначе имели отношение к этой мощной, но уже начавшей разлагаться организации.

Наверное, не меньше десяти раз я прослушивал магнитофонную запись учредительного собрания «Саюдиса», и с каждым разом все больше убеждался, что к нему готовились заблаговременно. Многие из его организаторов свои предложения и конкретные фамилии принесли в карманах и зачитывали их по бумажке. В конце концов, откуда эта запись у меня? За небольшой гонорар мне ее одолжил полковник госбезопасности, поскольку все члены Инициативной группы еще до сих пор божатся, что таких записей не делали, опасались. Таким путем у меня в руках оказался и «Черный сценарий», или «Молитвенник Чепайтиса». Но жизнь распорядилась более жестоко, чем планировали «специалисты».

Мы корчимся в агонии. Сегодня наша социальная деградация

становится неуправляемой. Ландсбергисты превратили нашу жизнь в социальный дарвинизм. В малых городах Литвы, как на полигоне висекции, исчезает жизнь. У литовцев подорвана вера в себя. Интеллигенция совсем отвернулась от своего народа и его проблем, поэтому сама стала ненужной. Надвигается демографическая катастрофа.

Кто ответит за те «огромные заслуги и достижения»? Таких героев не будет. Может быть, только один А. Юозайтис, надув в очередной раз щеки, приручит какого–то политика, вцепится в него и без всякого на то права передаст ему полномочия «Саюдиса», а сам уже в третий раз попадет в десяток крупнейших неудачников.

Утвердилось глупейшее мнение, будто все за нас сделают другие: американские пенсионеры, клерки Европейского союза, еврей с обанкротившегося предприятия или хромой немец. Поэтому я в своем повествовании не собираюсь выяснять или уточнять каждый факт либо событие, которое всяк видел по–своему. Не собираюсь искать и единой для всех правды, которой никогда не было. Моя цель — люди, которых встречал на слякотных изгаженных дорогах и проселках «возрождения». Иной раз, даже и при большом желании, не мог я разминуться с нежданно появившимися представителями «новой элиты», издающими дурной запашок, а другой раз не мог найти общий язык с порядочными и уважаемыми мною людьми. Все диктовалось массовым психозом и паническим бегством от прошлого. Казалось, что вся Литва в отместку за этот пятидесятилетний советский период будет сослана куда–нибудь в Варняй или Димитравас. Бывало всякое, но каждый раз я пытался понять, какие ветры, какие черты характера и цели согнали людей в этот холодный, бесчувственный снежный сугроб политики, какие следы оставила их деятельность в сознании нации и в ее отчаянной борьбе за существование.

Как говорится, да будет Господь свидетелем, а люди — судьями. Но судить будет некому. Сейчас уже ясно и младенцу, что копируемая нами демократия «западного типа» в такой же мере цинична, эгоистична и беспощадна, как и прочие системы, поэтому попытки насильно пристегнуть нас к американскому образу жизни столь же аморальны, сколь и навязывание сталинского метода строительства всеобщего блага. В одной системе — справедливо все, что служит диктатуре партократии, а в другой – оправдывается только то, что прислуживает доллару, то есть материальное и духовное

ограбление большинства ради горстки миллионеров.

В борьбе с любым из этих двух зол за десятилетие мы ничего хорошего не достигли. Но в ходе этой бесплодной борьбы люди, наконец, осознали, что, несмотря на все сталинские извращения и ужасы, советский строй, по большому счету, был гораздо более гуманным. Миллионам он давал право на бесплатное образование, лечение и духовное совершенствование. Он обеспечивал общественный порядок и защиту личности. Между тем, ландсбергистская необольшевистская революция за невиданно короткое время переродилась в сектантскую идеологию избранных, готовых во имя интересов своих вожаков вершить суд над всей страной, всем ее населением и переписывать историю в свою пользу.

На примере упомянутых в книге людей я хочу показать, что ландсбергизм не является каким–то новым изобретением. Это периодически повторяющийся в нашей истории и широко используемый нашими народными вожаками способ удержания захваченной власти: как можно сильнее раздуть навязанные нам якобы только чужеземцами беды, нагнать повыше волну плаксивого патриотизма, подхлестываемую костелом, перессорить народ и, поживившись на этом, искать сочувствия за рубежом, удобнее все2О — в Америке. Вот почему, пользуясь таким оружием, ландсбергизм без особ02О труда отнял у народа гораздо больше реальных ценностей, чем их дал. Распоясавшись, он замахнулся даже на главное достояние нации — еелюдей. Прикрываясь борьбой с так называемой номенклатурой, он ликвидировал десятилетиями выпестованных специалистов почти во всех сферах государственной деятельности, а на их место протолкнул верных ему честолюбивых пустышек–экспериментаторови амбициозных невежд, сосредоточив всю вредительскую деятельность маргиналов в одно гадкое понятие — новую национальную элиту. В этой клике подобралась очень пестрая публика: резистентыl, полицаи, специализировавшиеся на евреях, министры, партийные лидеры, разбогатевшие мошенники, вилиямпольские бандиты 2, перекрасившиеся функционеры и американские пенсионеры. Их сплотила горячая любовь к доллару, и Родина здесь ни при чем.

Но куда подевалась лелеявшая традиции В. Кудирки и Й. Басанавичюса интеллигенция — ум и совесть нации? Мне кажется, она в глубоком шоке. Она все еще боится признаться, что здорово промахнулась и не тех князьков одарила своей патриотической невинностью. Ведь интеллектуалам,

получившим образование и понимание жизни в двадцатом веке, не так просто внезапно воскреснуть и пробудиться в замызганной постели девятнадцатого века, тем более — понять, что виной всему она сама и выбранный ею супер патриотический, но чрезвычайно узкий и своекорыстный курс, совсем не похожий на серьезную политику и с каждым днем все больше и больше напоминающий заразу от беспутной любви.

Так в очередной раз элита нации предала свой народ: когда–то он ополячился, потом обрусел, обамериканился, а сейчас — объевропился. Нация противилась этим предательствам, рождая отряды самоотверженных светочей, которые напоминали литовцам, кто они такие и куда должны идти… Но сейчас и село в глубоком обмороке, оно стало для властителей Литвы камнем на шее!.

В качестве основной мысли моего вступления я хотел бы процитировать философа С. Шалкаускиса, который утверждает, что мы, литовцы, являемся нацией, которая никогда не была тем, чем бы могла быть. В 1990 году история в очередной раз подарила нам уникальный шанс для возрождения и национального расцвета, но из–за исторической ошибки, из–за глупых амбиций политиков, провинциальнога невежества и жадности государственных мужей, корчащих из себя аристократов, мы остались окраиной Европы, которую кормят политическим и всяким прочим дурманом, порождающим духовную немощь нации, стали провинцией, в которую без особого труда можно направлять все стоки, уже не очищаемые западным обществом.

Установилась странная двойственность: с одной стороны, современные политики всеми силами, не жалея миллионов, продолжают создавать миф о крепнущем государстве, а с другой, практической стороны, разваливают это государство до самого основания.

ПРИНЮХИВАЕМСЯ

Глас народа — глас Божий. Наконец он услышан. По его воле нас выбрали в Инициативную группу «Саюдиса». После первой разминки и робких речей ни у кого из нас еще нет никакой ясности. По чьему–то замыслу мы должны что–то совершить, что–то улучшить, что–то объяснить народу. Но по какой–то причине эта неопределенность светилась в глазах некоторых членов группы сильным допингом. Поначалу мне показалось, что это опьянение уже не стесненной никакими правилами свободой. Она горячила людям мозг, растворяла ответственность и уважение к иным мнениям. Она была несколько искусственной, требовавшей, чтобы в кармане имелся про пуск, поэтому в наших первых протоколах пестрели только лозунги, клятвы и россыпи романтических обещаний, почему–то называвшихся «мировой практикой». Каждый член группы изо всех сил старался быть увиденным, услышанным, выделенным среди прочих. «Так начинается любой заговор неполноценных деятелей», — записал я тогда в своем дневнике и, как потом оказалось, ничуть не ошибся.

Уже в первые дни среди молодежи выделялся Арвидас Юозайтис. На его доме в районе Жверинаса[1], словно на здании какого–то посольства, постоянно развевался триколор. Юозайтиса неизменно сопровождал кружок каких–то неизвестных людей. Сам он был строг, ироничен, категоричен. Но, помимо всех положительных и отрицательных качеств, в нем еще таилось что–то очень еврейское. В каждом выступлении, в каждом деле он умел придать себе необычайно большое значение, превознести себя. Хотя, услышав похвалу, отзывался на нее неохотно, с некой само иронией, как будто сочинял еврейский анекдот, но стоило кому–то подыграть этой его «самоиронии» кончено, Юозайтис становился непримиримым врагом этого человека. *Как говорил один остряк: задень еврея в Москве, его дух не простит тебе и во Владивостоке.*

Такое его поведение многим не нравилось, ему за это даже намяли бока, а с А. Снечкусом они сцепились, как джентльмены ринга, — до первой крови. Мне это казалось ребячеством. У меня уже был конфликт с этим необыкновенно амбициозным

человеком, поэтому я старался не обращать на него внимания, но иногда не выдерживали советовал:

— Арвидас, политик должен научиться прощать другим хотя бы собственные прегрешения.

Такие замечания приводили Юозайтиса в бешенство. В то же время он через своих друзей и соседей долго искал возможность со мной познакомиться. В конце концов мы встретились на семейном празднике Стасиса Буткуса, директора комбината древесных плит в КазлуРуде. Арвидас был очень учтив и старался нам понравиться. Он подарил мне свой автореферат о незначительном событии 1918 года, касающемся отношений В. Капсукаса–Мицкявичюса с Москвой, которое, по его мнению, советские историки трактовали неправильно. Вручая мне свой ТРУД, Юозайтис похвастался:

— Это мой знаменитый доклад, зачитанный в академии историкам. Он вызвал необычайный интерес и много споров.

Прочитав это творение, я усомнился в его особом значении. Мне реферат показался дилетантским. Не понравились и содержавшиеся в посвящении дифирамбы в мой адрес. Нашел несколько неточностей. Мы поспорили. Когда я его как следует прижал, этот молодой стройный спортсмен внезапно побледнел, задрожал и, поднявшись, окинул меня уничтожающим взглядом. Не сказав ни слова, он горделиво удалился. Но важно не это. Меня поразили его холодные бесчувственные глаза, остекленевший взгляд и мертвые зрачки. «Ведь это первый признак, — мелькнуло у меня в голове, — мертвые зрачки!.. Ведь это…» Я отогнал недобрые мысли и забыл.

Впоследствии такие уничтожающие собеседников взгляды и тихое удаление стали нормой поведения молодого философа. Поначалу меня только удивляла почти языческая привязанность Арвидаса к собственным изречениям, а потом стала злить. Такие отношения мешали нашей работе. Заметив это, Буткус принялся меня успокаивать:

— Молодой, горячий, кроме того, на Олимпийских играх он перенес такие страшные физические и психические перегрузки, что пришлось долго лечить нервы. На государственных экзаменах снова отключился.

Во избежание осложнений я уступил, тем более что в Инициативной группе тогда шло осторожное принюхивание. Каждый старался узнать о других побольше, а о себе говорил вполголоса, каждому хотелось повернее прощупать, на что

способен его друг, как он сюда попал и кто за его спиной. Все были подчеркнуто вежливы, осторожны, поскольку прекрасно понимали, что запущенная не без их помощи центрифуга набирает обороты и постепенно, понемногу выносит легкие сливки на поверхность, а более тяжелые фракции — честь, достоинство, авторитет и компетентность — медленно погружает вглубь и удаляет вместе с сывороткой. Поэтому многие из молодых быстро сообразили, что постоянство в политике вовсе не требуется, что мера всему — громкие слова, обещания, медоточивая ложь и, конечно, надежный тыл, так называемая своя «хевра»l.

Несмотря на эту раскованность, в отношениях между членами группы все еще сохранялись напряженность, неуверенность и страх. В глазах любого можно было прочесть немой вопрос: сколько еще будет продолжаться вся эта музыка? Заметут или нет? Мы — какой–то все еще запретный плод, поэтому интересны и сами себе. А если прижмут?.. Я им был нужен как наиболее обстрелянный в политической борьбе. Мы постоянно меняли места своих собраний, прятались в разваливающемся Дворце пионеров.

— Зачем это нужно? — спрашивал я каждый раз, так как часто меня выбирали председательствовать.

— Нас могут подслушивать. Нас могут выдать.

— Любезный, кто нас выдаст? Кому? Ведь все легально.

— Не строй из себя наивного.

— Слушай, подполковник Чекуолис, ведь ты — кадровый кагэбист. Если ты принимаешь участие, все слышишь, и никто не влип, значит, все в порядке.

Еще не размяв как следует ног, я обрел нового очень опасного врага, который потом мстил мне на каждом шагу. В припадке гнева в своем журнале «Гимтасис краштас» (<<Родимый край»), редактор Чекуолис, подготовив заранее опровержение, опубликовал заметку В. Скирюса «Очевидец» — О том, что я, будучи народным защитником, якобы отрубал концы пуль и этими обрубками дробил людям кости, топил их детей в колодцах и что за это пострадавшие прозвали меня «Петькой дум–дум». Эти факты, мол, может подтвердить некий проживающий в Германии Й. Кведаравичюс. Какой неразборчивый плевок кагэбешника! Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят.

На сторону весьма доверчивого и всезнающего Альгимантаса

Чекуолиса стал склоняться и Виргилиюс Чепайтис. Ему вторил Ромуалдас Озолас. Вокруг этих, как будто очень радикальных, деятелей стала собираться молодежь. Но, как впоследствии выяснилось, и тот, И другой были кукушатами, подброшенными опытной рукой в большое гнездо доверчивых синиц.

Чекуолис в поле зрения КГБ попал довольно давно, когда из российской глубинки пригнал «Зим» И устроил в нем бордель на колесах. Для прикрытия этого передвижного заведения он приобрел милицейскую форму. Завербован он был в то время, когда устроился на работу в Союзе писателей. В одной из командировок этот пронырливый эмиссар сопровождал Э. Межелайтиса в Западный Берлин на заседание Пенклуба и был задержан на немецкой границе. В его багаже таможенники обнаружили 14 фото кассет, в которых вместо пленки были спрятаны доллары. Бедолагу по этапу вернули домой, а нам прислали документы с требованием исключить его из партии и Союза писателей. Уже было подготовлено собрание, пролито море крокодиловых слез, когда отправители неожиданно забрали свои бумаги, а провинившегося направили на спецкурсы. Спустя некоторое время он уехал на Кубу.

На Острове Свободы новый корреспондент оказался чересчур болтливым и даже собирался отправиться в горы Боливии к Че Геваре. Его снова вернули домой. Здесь он, как и сегодня, вцепился в телевидение, организовал передачу «Беспокойные меридианы» и, как и сегодня, наболтал людям горы всякой чепухи. Вмешались его патроны, передачу закрыли, автора же — то ли для острастки, то ли для усовершенствования — отправили подучиться на курсы. Несколько позднее Альгимантас попал в Португалию, оттуда — в Испанию, где в очередной раз погорел на комбинациях с казенными деньгами. Поскольку через него там оказывалась материальная помощь подпольной коммунистической печати, он ухитрился платить печатникам вдвое дороже, а те часть пожертвованных денег возвращали ему лично. И опять пришлось очень тихо вернуть его домой и устроить в журнал «Гимтасис краштас». Здесь он при помощи точных комбинаций и интриг, которым его специально обучали, одолел всех коллег, стал главным и заслужил почетное прозвище «Известный журналист Альгимантас Чекист».

Его соратник Виргилиюс Чепайтис основательно наследил в Москве во время учебы на курсах переводчиков. Он даже вступал в контакт с немецкой разведчицей, поэтому в Вильнюс

вслед за ним приехал, как тогда говорили, огромный воз мелко наколотых дров. После вербовки он был обязан следить за писателями. Ему была предоставлена тайная квартира и присвоен псевдоним «Юозас», поскольку это было его второе имя. В своих доносах Чепайтис немало внимания уделил и мне, а его коллеги у меня на даче в Бирштонасе одно время понатыкали более десятка «жучков» для подслушивания.

Чепайтиса вербовал капитан Витаутас Петнюнас, одобряющую резолюцию поставил полковник М. Мисюконис. Новоиспеченный агент писал не только обо мне, но и о Й. Вайчюнайте, П. Яцкявичюсе–МорКусе, Т. Вянцлове, о своем патроне Й. Авижюсе, тесте Ю. Балтушисе ио других. Согласно служебной характеристике, «в своей работе не признает никаких сантиментов, за исключением денег».

В поле зрения этого стукача я попал не за свои сочинения или писательскую деятельность, а за то, что отказался от услуг переводчика Чепайтиса.

— Ты не знаешь русского языка, — сказал я ему. — Московские писатели смеются над твоими переводами и называют их еврейско–русскими. Ты исказил Йонаса Авижюса, и поэтому он тебя прогнал.

— Ах, так! — рассердился он. — Я подожду, когда ты начнешь писать свои поэмы в подходящем месте!

— Интересно, где это?

— В одиночке. — Сел в машину и умчался.

Ромас Озолас в то время от писателей несколько отдалился и шпионил за своим непосредственным начальником А. Чеснавичюсом, у которого работал помощником. Когда заместитель премьер–министра пронюхал, кого он должен «благодарить» за утечку очень деликатной информации, «великий Пинкертон» был переведен в издательство «Минтис», в котором немедленно начал новый круг интриг и «съел» главного редактора. Было намерение сунуть его куда–нибудь преподавателем, но оказалось, что знаменитый философ не смог защитить научную работу и сдать кандидатские экзамены.

Озолас на заседаниях группы тоже очень много и бессвязно говорил, но, к счастью, никто его толком не понимал, поэтому ему не мешали, ждали только, чтобы он поскорее закончил. Однажды я пошутил:

— Ромас, а ты сам понимаешь, что говоришь?

Такой исполненный презрения взгляд мог бросить только

очень хороший актер, так сказать, одновременно улыбаться и метать молнии. Некоторое время спустя я очень неудачно попробовал исправиться. Из одного его выступления я вычеркнул все международные, латинские, греческие слова, и… от выступления ничего не осталось. Никакого смысла, никакой мысли! Этого он мне простить не мог, так как подобным же образом поступил какой–то рецензентс его диссертацией. После таких неудачных попыток следовало провести серьезную работу или все обратить в шутку, но и во мне сидел какой–то бес.

— Тот, кто много говорит, не успевает услышать того, что он уже сказал, — пошутил я, но этим только подлил масла в огонь. Он устроил против меня публичное заявление и обвинил в подрыве «Саюдиса» изнутри.

Эта находка ему так понравилась, что в дальнейшем он сам все уничтожал и разваливал изнутри. К такой политике пресыщенной гусеницы он прибегал в президиуме партии Бразаускаса, в правительстве Прунскене, в Сейме, в верхах партии центристов — так что однажды объевшись мякотью, шлепнулся на землю, но так и не превратился даже в куколку, тем более — в легкокрылую бабочку.

Словом, эта троица с самых первых дней очень сблизилась, просто слиплась. Хотя поначалу В. Ландсбергис не проявлял никакой активности и старался никуда не встревать, спустя некоторое время он вдруг сошелся с этой троицей и обратил ее себе на пользу. С некоторого момента, видимо, после получения определенного приказа, трое болтунишек повели себя, словно телохранители профессора — куда он, туда и они, что бы он ни сказал, они хотя бы покивают головой. Это сильно меня удивляло, ибо я очень хорошо знал этого типа. Он все чаще стал бывать у меня дома, что–то проверять, о чем–то расспрашивать, предлагать всевозможные планы. О себе не говорил, предпочитал помалкивать. По словам его жены Гражины, *Витулис был* очень замкнутым и осторожным, еще никогда и никому не говорил всей правды, еще никогда и ни для кого не пошевелил пальцем без определенной корысти. Я и сам прекрасно знал об этом, потому не очень стремился сблизиться с ним. Заискивая, он любил пускать пыль в глаза, поскольку страдал манией преследования, которая впоследствии очень ему пригодилась в житейских гонках.

Однажды он зашел ко мне, собрав в консерватории кучу подписей под требованием прекратить строительство моста через реку Нерис напротив улицы Шило. В тексте

предусматривались пикеты, демонстрации… Видите ли, это строительство очень повредит Антакальнисскому заповеднику, распугает здешних косуль, перепортит раскидистые сосны…

— Тебе удалось прекратить добычу нефти в районе Ниды, помоги и живущим здесь интеллигентам…

— Но на улице Шило живут Насвитисы, Й. Белинис, работники ЦК… ОНИ сильнее.

— Но ты есть ты, — мямлил Ландсбергис, оглаживая бородку, однако всей правды так и не сказал.

Я позвонил в консерваторию В. Лаурушасу.

— Консерватория тут ни при чем, — был ответ. — Насколько мне известно, на улице Шило ему обещают квартиру.

— Какая подлость!

— Ты что, еще его не знаешь? Для него подлость — лишь первый шаг к успеху, а все прочее он использует потом, раздувая, как талантливый интриган, до огромных размеров ошибки других людей. Будь осторожен, он умеет улавливать такие моменты.

Я насторожился. Но когда этот «бедняжка» притащил в «Саюдис» кадрового работника КГБ Кястутиса Урбу и порекомендовал его на место казначея, а потом начал проворачивать с ним всякие делишки, покупать на наши деньги музыкальные синтезаторы и прочие нужные ему вещи, возмущение пришлось сдерживать и по серьезнее присмотреться к прошлому этого деятеля.

Порывшись в собственной памяти и воззвав к памяти друзей, я нашел множество «жемчужин» из прошлого. Их хватило бы на несколько портретов этого деятеля. При взгляде на послевоенный период выяснилось, что рекомендацию в комсомол В. Ландсбергису дали не только комсомольцы гимназии. На заседании бюро кто–то высказал сомнение в новом кандидате:

— При немцах его отец был министром и посылал Гитлеру приветственные телеграммы.

Члены бюро заколебались, тогда комсорг мужской гимназии «Аушра», впоследствии — гимназии им. Комсомола, А. Раманаускас уверил, что он сам лично изучил дело «где следует» и что под текстом телеграммы Гитлеру подписи старика Ландсбергиса нет. Это заявление произвело впечатление, тем более что оно подтверждалось заранее

заготовленной вырезкой из фашистской газеты «И лайсве»за 26 июня 1941 года.

— А сейчас, только между нами, — таинственно произнес Раманаускас, — так сказать, не для печати. Витаутас нам нужен. Он помог раскрыть созданную в гимназии подпольную организацию. Это наш человек.

Как нам потом объяснили на совещании каунасского актива, эта подпольная организация читала и распространяла запрещенную литературу, а один, самый нахальный, писал тайные письма и воззвания и вербовал кадры для будущей организации. Этим грамотеем, поверившим в солидарность друга *Витулиса,* был его товарищ и сосед по парте Алоизас Сакалас. О важности происшествия свидетельствует и тот факт, что дело гимназистов вел не какой–то там, как обычно, начинающий лейтенантик, а сам начальник отдела Н. Душанскис.

— Хоть ты, Петька, и ходячая энциклопедия, но в политике еще сопляк. Газету нужно уметь читать между строк. Его старик и сейчас кое с кем поддерживает связи. Он помог найти в Германии Плехавичюса и Кубилюнаса, — воспитывали меня после собрания актива уже двое — сам Раманаускас и секретарь Сталинского райкома города Вильнюса В. Рочка.

— А чего ты раньше ругал его — аж весь корчился?

— Что было, то было, а сейчас мы его как следует заломали.

И все–таки было! В. Ландсбергису приглянулась подружка товарища, получив от которой «от ворот поворот», он стал распространять о ней всякие слухи и писать ей непристойные письма. Когда девушка пожаловалась товарищам, те отвели провинившегося донжуана на Кармелитский пляж, уложили на живот, прижали к песку руки и ноги, спустили штаны и как следует отстегали крапивой егоры царскую задницу.

— Знаешь, за что? — спросили участники экзекуции.

— Приблизительно.

Экзекуцию повторяли, пока преступник не припомнил всех подробностей.

Этот факт получил в среде гимназистов широкую огласку и стал популярным в борьбе с доносительством, а сам Раманаускас хвалился, что вместе со знакомым графологом он долго изучал написанные левой рукой записки и определил, что их автор, пачкавший бумагу такими мелкими, похожими на блошек буквами, — жадный, мстительный и очень мелочный

человек. Конечно, что–то уже забыто, поэтому такой ничтожный сынок отвечать за героического отца не мог.

«Наш человек», «проверенный человек», «лояльный человек» и прочие слова–характеристики В. Ландсбергиса не раз приходилось слышать из уст Ленгинаса Шепетиса, когда его подшефный музыковед стал часто разъезжать по за границам с определенными обязанностями «независимого туриста». Для него был даже постоянный приют в Нью–Йорке у финансового туза Паулаускаса. До 1946 года этот «американец» торговал в Каунасе мороженым, а потом каким–то образом очутился «за бугром». Несколько освоившись со своим новым положением и навестив отца в Австралии, Ландсбергис составил отчет–донос на нашу музыкальную знаменитость Саул юса Сондецкиса, который якобы поддерживает деятельность своего отца Сонды во Всеобщем комитете освобождения Литвы! (VLIK), тогда как он, Витаутас Ландсбергис, уговорил своего отца вернуться домой.

Узнав об этом, Сильва и Саул юс Сондецкисы обратились ко мне за сочувствием. Они считали, что я как «изобретатель «*Саюдиса*»» причастен к беде, поэтому чуть не со слезами объясняли, какая это ужасная несправедливость. Выслушав их, я пригласил редактора газеты «Теса»2 Д. Шнюкаса, и все вместе мы «настрочили» опровержение. Глядя на пострадавших друзей, я и сам немало переживал, поскольку изведал на собственной шкуре, что значит для художника оправдываться, доказывать, что он не верблюд, что для него означает приносить извинения за свою жизнь, искренне посвященную людям. Я писал от души: такого растерянного и удрученного Саулюса Сондецкисая видел только один раз, потрясенного смертью отца, когда старый Сонда, сопровождаемый сыном домой, еще в аэропорту умер у него на руках. И сейчас Саул юс дрожал и не мог написать ни слова. Он все еще объяснялся, оправдывался, хотя ни в чем не был виноват. Доносчик и сегодня хихикает в кулак, а публично не только отрицает этот свой «подвиг», но и не стесняется строить из себя единственного покровителя литовской культуры.

От себя могу добавить, что эти нападки были подстроены специально, поскольку младшему Ландсбергису нужно было как–то прикрыть деяния отца. Никто этого человека не агитировал и не звал в Литву. Как отработавшего разведчика его вернула домой Москва, несмотря на возражения А. Снечкуса и М. Шумаускаса. Еще позднее в Москве была издана книжица о

необыкновенных подвигах этого человека — о том, как у него на квартире скрывался легендарный разведчик Юозас Витас (Вайткунас), который некогда на Алитусском мосту послал меткий выстрел в офицера Юозапавичюса. После проверки выходных данных книжки нетрудно было убедиться, что заказчиком ее была всемогущая госбезопасность. .

Потом все перевернулось вверх ногами. Паулаускаса сменил ромас Мисюнас, который на деньги цру издавал журнал «ВаШс forum»и сколотил вокруг себя группу литовских «диссидентов» во главе с Т. Вянцловой И А. Штромасом. Интересно, что советолог Р. Мисюнас был арестован в Москве как американский разведчик, а потом его обменяли на русского. После обретения независимости этот «диссидент» стал послом Литвы в Израиле, хотя наше законодательство строго запрещает работникам спецслужб других государств занимать подобные посты. Все решили старые связи и совместные подвиги «на благо нации».

Но вернемся к «Саюдису». В то время я сам относился к его деятельности с большим скептицизмом: ну выбрали, ну выполню свой долг — и точка… Но мне очень понравилась перспектива работы независимого журналиста — проникновение в сущность только что зародившегося явления и поиск какой–то общей правды. Порой заигрывался, перегибал палку или только для виду скромничал, поэтому некоторые из коллег на меня стали коситься: Вот–де, и этот лезет во власть. Но это всего лишь предположение, сочиненное Витаутасом Бубнисом и другими писателями. Я всегда старался быть в оппозиции любой власти и не только тогда, но и сейчас считаю, что святой долг человека творчества — быть на стороне обиженных.

Когда мне в очередной раз предложили председательствовать, я попробовал отказаться, заявив, что эту обязанность должен выполнять каждый из нас согласно установленной очереди. Предложение приняли, против были только Бронюс Гензялис, Ю. — Буловас и еще несколько человек.

— Ты очень хорошо дирижировал борьбой против добычи нефти в Ниде. С тебя и началось все наше движение.

— Пускай работает молодежь.

— Они только грызутся и никак не могут разобраться, кто из них главнее, — возразил Бронюс. — Кроме того, они запачканы.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь, из какого чистилища человек выходит еще более грязным.

— Правильно, — поддержал и самый старший член нашей группы Буловас. — Если мы — какая–то организация, движение, то пора принять соответствующий документ, положение, представить программу.

Мы образовали рабочую группу для подготовки этих документов. Мне и Озоласу было поручено составление политической программы «Саюдиса», другим достались правовой, экономический, культурный, экологический и иные разделы.

Однажды, сидя у Ромаса дома во время шлифовки уже сделанной работы, я сцепился с ним не на шутку:

— В политическую программу такую бредятину я писать не буду, — заявил я категорически. — Никаких революций, ни поющих, ни свистящих. Довольно, люди от них устали. Все нужно начинать с общечеловеческих, цивилизованных реформ. — В то время я читал П. Столыпина и выучил наизусть азбуку различных реформ, которую впоследствии изложил на совете у М. Горбачева.

Озолас выскочил из–за стола, стал кричать, топать ногами, потом затрясся и упал на пол. Я поднял и уложил его на диван, смочил водой лицо и грудь. Мое первое впечатление было очень странным: Господи, какой он легкий!.Полупустой. Но часы показывали половину второго ночи! Мы перетрудились, поэтому я не вытерпел и разбудил его жену:

— Извиняюсь, — говорю, — не знаю, что делать. Надо немедленно вызвать «скорую».

— Не надо, — спокойно ответила она, — с ним такое случается.

Она принесла какие–то лекарства, специальную воронку, я разжал стиснутые зубы… Лекарство подействовало. Когда Ромас совсем пришел в себя, я попрощался и посоветовал:

— Тебе нельзя напряженно работать, особенно по ночам. Нужно лечиться. Подорвешь здоровье — никакой «Саюдис» тебе не поможет.

— Нет! — категорически возразил он. — Этот вопрос обсуждению не подлежит. Чувствуешь важность момента? Если не мы, то кто? Я поставлю «Саюдис» на ноги. Смотри, Ландсбергис здоровехонек, а я прихворнул. Заключим мужской союз? — протянул мне руку.

— За чужими спинами не привык. — Я кивнул головой и вышел у меня и сейчас не идет из памяти подергивающийся на полу Наполеон — его горящие сумасшедшие глаза и просто демоническое стремление любой ценой превозмочь самого себя, свою слабость и стать непомерно великим… Хотя бы перед самим собой.

Когда улеглось первое впечатление, я подумал, что все это временно, что это неврастения, следствие сложной ситуации, но, оказывается, я ошибался. Когда он в издательстве «Минтис» выпустил карту «Великой Литвы», на которой основательно обкорнал земли всех соседей, а потом, ссылаясь на такой «документ», начал выступать с националистическими речами, я понял: в психике кратковременных кризисов не бывает. Когда впоследствии Ландсбергис, удовлетворяя его не вполне адекватное заявление, принял постановление Верховного Совета о том, что Ромуалдас Озолас — не латыш, а литовец Ажуолас, спорить уже было неудобно — этому великану рощ требуется не микстура, а более эффективное лечение.

Таких людей с неуемной или болезненной фантазией среди нас было больше чем следует. Когда ко мне обратился Юозайтис и изложил свою идею «Северных Афин», мне стало не по себе. Господи, подумал я, еще сами не сбросили с себя крепостное иго, а уже готовы других посадить на барщину. Попытался обратить все в шутку:

— Арвидас, в этом ничего нового. Все это уже было. Северным Иерусалимом (Nord Jerusalaim) Вильнюс уже провозглашали. Но это для евреев, разбросанных по северо–западной части Российской империи. А кого объединит твоя идея? Где за пределами республики Имеются такие, что–то сделавшие, литовские диаспоры? А может быть, хватит изданной Озоласом карты?

— Мы — сердце Европы!

— Хорошо, но почему все наши окраины так быстро русеют, ополячиваются?

— Потому что литовцы не объединены никакой общей идеей. — Так что, снова «от моря до моря»? Огнем и мечом?

— Нет, прогрессом и демократией. Нам нужно только начать.

— Ну ладно, вильнюсцы уловят эту мысль, но кого мы будем учить? А главное — кто у нас будет учиться? Кто и кого будет объединять? Где то величие культуры и деяний, где те наши достижения, к которым следует стремиться другим?

— Ты не веришь в творческие силы нации. Если мы и при рабстве были передовыми, то при свободе добьемся таких высот, что…

— Верю, но послушай, что о нас пишут те, кого ты собираешься воспитывать: литовцы как нация — высоконравственные и угнетенные, а как индивидуумы — угнетатели и жулики. Так, может быть, сначала чего–нибудь добьемся, а потом будем бормотать? Не слишком ли громко сказано — «сердце Европы»? Это токование глухаря против осуществляемой евреями глобализации. Тебе знакома сказка о крепостном, которого хотели поставить королем? Когда его спросили, что он сделает, став монархом, наш афинянин ответил: буду спать на соломе, питаться салом, но уж своих холопов плясать заставлю! Твоим последователям не хватит даже своего сала.

— Эта идея теплится в сердце каждого литовца… — Он вещал только заголовками собственных мыслей.

Может быть, когда–то и теплилась, даже горела, но когда этот тлеющий трут ребятки Ландсбергиса как следует раздули, то за десять лет литовцы окончательно утратили веру в самих себя, превратились в банановую республику и свалку Европы. Вот куда ведет не сдерживаемая житейской практикой болезненная фантазия. По словам У. Черчилля, «когда государством начинают управлять не влезающие в собственную шкуру экспериментаторы, остается только быть твердым, несгибаемым консерватором и спасать старых, знающих свое дело трудоголиков».

Так случилось и с преувеличением самостоятельности «Саюдиса», И со скрытностью его действий. Нами руководили и дирижировали определенные люди из КГБ. Несмотря на все «Декларации единения», «Заявления о верности», каждый из членов Инициативной группы работал только на себя или своих шефов. Внезапно появилась видеозапись, снятая в подвале Дворца пионеров. Агент работал со скрытой камерой. Очень неумело. Иногда картинка пропадала, закрытая полой пиджака, иногда объектив шарил возле ног или поднимался до потолка, но фонограмма оставалась четкой, каждый голос можно было без труда различить.

Вдвоем с Жебрюнасом мы очень быстро вычислили «оператора», однако допросили и нашу хроникершу Пангоните.

— Я не прячусь, — заявила она. — Я профессионал, а это работа плохого любителя. Вспомните, кто во что одевается,

какие носит ботинки, и виновники найдутся сами собой.

— А черт с ними, — сделал я вид, что уступаю.

— Нет, — заупрямился режиссер Жебрюнас. — Почему скрытой камерой? Эта штучка стоит очень дорого и простому человеку недоступна. Такие камеры могут быть только в госбезопасности. Киностудия иногда брала у них взаймы.

Руководил этими съемками Чепайтис. Операторы менялись. В поисках истины мы довольно быстро узнали, что во время учебы в Дубне физик Зигмас Вайшвила жил у генерала Марцинкуса, который в то время курировал подразделение контрразведки СССР. Потом без особых стараний мы заметили, что *Зигмуля* довольно часто заходит в здание, на которое Ленин постоянно указывает рукой. Еще позднее мы узнали и его псевдоним — «Студент», хотя его приятель и соратник Витас Томкус по сей день вводит читателей в заблуждение, называя этого стукача «Зеленым». Оба они сопровождали группы студентов заграницу и сообщали, кому Нужно, о поведении своих коллег, записывали их разговоры, подсчитывали, кто и сколько спустил долларов и личто на них выменял.

Томкус обратил на себя особое внимание КГБ после того как против него, курсанта Клайпедского мореходного у Чилища, было возбуждено уголовное дело. Этот необычайно проворный мальчик крал у своих товарищей униформы, продавал их в городе, а на деньги кутил или играл в карты. Не зря и сейчас в Вильнюсе говорят: если хочешь погубить Томкуса, открой возле редакции «Республики» игорный дом. Когда его разоблачили, то сразу исключили из комсомола, выбросили из училища, а дело передали в прокуратуру.

Уклоняясь от ответственности, Витас некоторое время отсиживался в России, там его нашли и с такой славной тележкой пинкертоновских приключений устроили на факультет журналистики в качестве много обещающего стукача. Тогда он и сблизился с другим будущим глашатаем литовской нации — Зигмутисом Вайшвилой. Вот тебе и студенческий конкурс, и равные возможности молодых людей. Так закалялись кадры нашего будущего, так вызревал их «идейный И общечеловеческий» национальный фундамент.

Журналист Томкус издал очень воинственную, написанную на плохом газетном языке книгу «Таран», в которой, пользуясь подброшенным ему «органами» материалом, попытался изобразить себя как сверх честного деятеля, защищающего интересы трудящихся. Это была прекрасная, хорошо задуманная

маскировка. Когда всплыли подробности такой «подпольной» деятельности, он очень ловко выкрутился: был, дескать, молодым, глупым, почти ребенком. А *Зигмуля* все отрицал, отпирался, проливал слезы и в порыве отчаяния при всех пожаловался Шепетису:

— Нужно что–то делать, меня каждый день приглашают и приглашают в КГБ. Я теперь ответственное лицо. Они меня компрометируют…

А перестали его приглашать только после того как он, еще раз поднявшись по лесенке ответственности, вместе с Буткявичюсом выкрал около десяти мешков архива КГБ, которые под видом спальных мешков спрятал у мелиоратора К. Мицкявичюса в Гарляве. Эти мешки впоследствии стали главным орудием шантажа и источником политической деятельности в руках военного министра. На многих лидеров «возрождения» они нагоняли страх. Кстати, и отец Зигмаса, главврач Шяуляйской больницы, не был чужим в той организации. Это записано в характеристике молодого агента: «Происходит из преданной советской власти и проверенной компетентными органами семьи врача и учительницы. В характере З. Вайшвилы есть болезненные черты, он человек упрямый, любит опеку, признает волю более сильного. Имел связи с агентом Штази Эгле. Вошел в руководство «Саюдиса», поэтому, в обеспечение полной секретности доверенного, рекомендуется поддерживать связь только во время поездок за границу (в Болгарию). Личн. дело 34011. 5–е отделение. Сичюнас».

Необычайно интересен еще один эпизод, характеризующий его воспитание и моральный облик. Министр внутренних дел М. Мисюконис отмечал свою круглую дату. Первый заместитель Вагнорюса Вайшвила его поздравил и, вручая специально выкованный меч, произнес патриотическую речь. Но главную цель своего прихода скрыл видимо, побоялся или почувствовал себя неудобно. За юбилейным столом он непристойно нагрузился. Требовалось его вывести с надлежащим почтением. Кочевряжась, он выронил из кармана пиджака какие–то бумаги.

— Это секретно, совершенно секретно, — ощупывал он себя, разомлев, и никак не мог запихать в карманы разлетевшиеся бумаги.

Если бы он помалкивал, никто бы не обратил внимания, но кто от кажется рассекретить совершенно секретное, особенно если оно валяется на полу? Среди разных документов находилось распоряжение об увольнении М. Мисюкониса с

работы. Фантасмагория! Но подобные людишки тогда вершили судьбу нации.

Конечно, Томкуса нельзя было сравнивать с Вайшвилой. Он был гораздо хитрее, обстрелян и хлебнул горького не только из алюминиевой кружки. Попавшись, он не только не защищался, а при каждом удобном случае писал в своей газете: «Я агент КГБ, я стукач, глист–кагебист.» А чтобы все выглядело как можно более естественно и походило на правду, рядом со своей фамилией добавлял фамилии Прунскене («Шатрия»), Адам куса («Фермер»), Кузмицкиса («Юргис») и других подозреваемых. Читая это, люди отказывались верить и смеялись — вот ведь врун, хвастун, кто же в наше время будет гордиться таким прошлым? Человек себя оговаривает, ищет популярности. А если бы защищался, лгал, изворачивался, то от этой истины не так бы скоро отделался. Срабатывала обратная реакция. Читая эти якобы «заскоки», я сам не раз думал: все–таки этот стервец — способный психолог, так сказать, настоящий журналист нового типа. Пиши правду, если хочешь, чтобы тебе не поверили, и ври вовсю, если необходимо кого–то убедить.

За подобными действиями своих новых коллег я внимательно наблюдал, делал пометки, поскольку с самого начала «Саюдиса» был выбран координатором для согласования наших действий с властями. Это был мой самый глупый поступок, поскольку в поисках рационального зерна в постоянно углубляющейся разрухе я довольно скоро надоел и тем, и другим. Одни требовали скорейших перемен, а другие все еще считали, что их выручат могущественные силовые структуры – армия и КГБ. В тот период империя уже понемногу растрескивалась под ударами социального землетрясения. От самого фундамента…

Разговаривая с тогдашним первым секретарем ЦК КПЛ Р. Сон гайлой и председателем Президиума Верховного Совета В. Астраускасом, я просто своим ушам не верил, насколько они были бессильными и несамостоятельными! Я хорошо был с ними знаком. Вместе работали, охотились, бывали друг у друга в гостях — казалось, люди как люди, энергичные, инициативные. Но, поднявшись к вершинам, они двигались как паралитики, превратились в трусливых марионеток. Только бы не оборвалась ниточка!. А самое страшное — они совершенно не чувствовали и не понимали, что происходит в государстве. Им все еще казалось, что М. Горбачев — это новый временный Никита, а после него снова придет какой–нибудь Андропов, и все само собой образуется. Разве что один Шепетис не плавал в

создавшейся ситуации подобно капельке жира в пересоленном бульоне, и старался не выпускать инициативу из рук, но его терпеть не могли все тогдашние секретари ЦК. А с функционерами по мельче разговаривать было просто тоскливо.

Они все еще грозили, пугали и воспитывали меня, дескать, кто–то поднимет трубку, отдаст приказ, и на том моя карьера «повстанца» закончится. Но когда узнали, что М. Горбачев приглашает меня в свой совет, опять стали держать руки по швам… Всех переплюнул прокурор Сабутис, приказавший арестовать меня, однако его устные распоряжения уже не выполнялись. Выписать ордер он побоялся, только посоветовал вывезти меня из Вильнюса километров на 50 и пустить домой пешком. Над таким соломоновым решением мы вместе с исполнителями вдоволь посмеялись. По сей день Сабутис при встрече со мной опускает глаза. Но я не верю в стукаческий голос совести он, наверное, думает, что я ничего об этом не знаю и не читал его инструкции «Как бороться с «Саюдисом»».

Единственным авторитетом и надежной опорой среди этих веселых ребят был генерал госбезопасности Э. Эйсмунтас. Он оказался действительно умным и прозорливым деятелем, но в крепких московских наручниках. Он ходил от одних к другим, слушал и сам отдавал приказания, пытался действовать через своих людей. Словом, полицейский стал главным советником и учителем государственных мужей. А это уже скандал, тем более что сколоченный вокруг него штаб больше походил на большой мусорный ящик для собирания всяких слухов и сплетен.

— Неужто эта многолетняя лозунгомания — всего лишь пропитанная страхом болтовня? — часто колотила меня какая–то внутренняя дрожь. – Неужто опять революция? — Этого я боялся больше всего, а мои прежние сотрудники, ответственные люди, только плели какие–то сети, пускали слушки и все чего–то ждали. До реальных государственных умов, до реального понимания ситуации этими людьми нельзя было докричаться — в их сознании застой уже превратился в летаргию.

Самым реалистичным политиком того периода мне казался премьер Витаутас Сакалаускас, но он отбрыкивался от нас, как только мог.

Однажды он дал мне совет:

— Витаутас, кто–то должен взять ответственность на себя. Раскидай ты их всех. Нужно собрать вокруг себя не потерявших головы людей.

— А если Бразаускас?

— Не понимаю, чем он тебе нравится. Не связывайся. Этот… всех вас продаст. — Такая категоричность меня порядком напугала, но Витаутас стоял на своем: — Я знаю, что говорю. В решающий момент он сумеет найти виноватых.

— Ваша категоричность производит обратный эффект. Кроме того, я еще ни с кем не связывался, не было времени. Нас свели обстоятельства. Нужно действовать, приниматься за наведение какого–то порядка, ибо вскоре все будет решаться на улицах.

— Согласен, но дерьмо клеем не склеишь. Он попал к нам случай но, Сонгайла назначил.

То же самое, почти слово в слово, сказал мне и мой старый друг Р. Сикорскис:

— Бразаускас — фанфарон. Если покрепче — ж… с ручкой.

По собственному опыту я знал, что эти люди не избегают крепких словечек, но чтобы так?. Поэтому растерялся:

— Как Вы можете такое говорить о своем начальнике?

— Он мой начальник? Ты — писатель, щелкопер. Работая в Госплане, этот человек ничего хорошего не сделал, только создал свою комиссию по взяткам. Он ездил в Москву, чтобы пробивать уже принятые решения. На большее он не годится. Охотник, тряпка, бабники подхалим.

Откровенно говоря, мне такие разговоры не нравились. Я думал, грызутся люди и сами не ведают, из–за чего. Но то же самое говорил и мой учитель Ксаверас Кайрис:

— Что вы делаете? Бразаускас — лев только среди секретарш московских ответственных работников. В его блокноте не найдешь ни одной интересной мысли, только адреса и дни рождения нужных людей. Он ничего не читает, кроме серии «Дороги смелых», и то только потому, что их переводил Гришкявичюс.

— Так зачем вы его выдвинули?

— Некуда было его девать. В нашей системе от кадров такого ранга можно избавиться только двумя путями — выдвинуть на повышение или окончательно скомпрометировать. Второй неприятен всем.

— Учитель, ну, может быть, не совсем так?

— Молод ты… Секретарь ЦК вроде бы и фигура, однако ни за что конкретно не отвечает. Он как молотый перец в старой солонке: внутри вроде что–то есть, а через дырки не сыплется.

Ты даже не знаешь, сколько у нас таким способом заткнуто дыр. Увидишь, как под его руководством в Литве наступит дефицит на мыслящих государственников.

Но машина уже набрала обороты. Я, раззява, тоже не очень верил словам тех людей. Думал, что это литовская завистливость. Когда А. Бразаускас благодаря «Саюдису» стал первым секретарем, я поэтому случаю зашел к нему домой. Во время обеда его жена Юле неожиданно спросила:

— Витаутас, чего ты так стараешься? Он — партия, а ты — «Саюдис».

— Такая сложилась ситуация. Раздоры недопустимы.

— Я не об этом, — прервала она меня. — Особенно не перестарайся. Он тебя не стоит, поэтому рано или поздно продаст.

Альгирдас что–то сердито бросил. Может быть, не совсем что–то, да ладно уж. Обед был испорчен. В. Березовас вышел меня проводить. За нами последовала одна из дочерей. Они обе так похожи, что и сейчас не могу сказать, которая.

— Вы не слушайте маму. Она поссорилась сама с собой, — сказала то ли У., то ли М.

— Детка, о матери так может говорить только человек, который

тоже с кем–то сильно поссорился.

Мы расстались. На следующий день А. Бразаускас пригласил меня на кофе с виски и как бы между прочим сказал:

— Не сердись, это моя беда.

— Но речь шла не о ней, а об отношениях между нами.

— Разве я на такого похож? — ответил он вопросом. А впоследствии со слезами, не подобающим для мужчины образом, не только продавал, но и не единожды оболгал. Оказывается, верные люди нужны ему только до тех пор, пока он может выжать из них какую–то выгоду, других он опасается и избегает. Он привык опираться на лакеев, а личностей боится.

Споткнувшись об эту железную истину, я, конечно, не перевернулся, сильно не ушибся, хотя и нахватал шишек. Но когда этот человек стал играть судьбами других, делать что–либо было уже. Поздно. Кроме того, не было и выбора. Ландсбергис или Бразаускас? Музыкант интриган или посредственный экономист?..

Отведав власти, Альгирдас прямо с артистизмом вошел во

вкус и с большим вдохновением начал пользоваться репутацией, которую мы коллективно ему создали. Однажды после рюмочки он под настроение даже поиздевался над нами:

— На репутацию нужно поработать минимум три года… и пора работать хорошо! А после она всю жизнь будет работать на тебя.

Ксаверас Кайрис оказался пророком. Позднее, в период ужасающей нехватки людей, обладающих государственным мышлением, Бразаускас стал единственным «спасителем Литвы». Его совершенная система взяток еще больше окрепла, расцвела и достигла невиданных высот. Он всему миру доказал справедливость слов Ленина, что государством управлять может любая кухарка, правда если ее… правильно подключить к идеальной системе взяток. Не ошибался и Р. Сикорскис. Как равному с равным с Бразаускасом работать нельзя: либо поддакивай, либо помалкивай, стиснув зубы, если не желаешь, чтобы тебя тихо и вежливо превратили в человека второго сорта.

Вспоминаю одну глубокую полночь. Только что закончился XX съезд КПЛ1. Мы отделились от Москвы, М. Бурокявичюс от нас убежал. Мы расселись за самым большим круглым столом В. Норейки. Все какие то усталые, недовольные друг другом. Вдруг Ю. В. Палецкис с тревогой заявил, что нужно как можно скорее зарегистрировать КПЛ как новую партию, пока этого не сделал Бурокявичюс. Бразаускас его поддержал.

— Вы что, серьезно? — удивился выведенный из задумчивости В. Сакалаускас. — Вы хоть когда–нибудь читаете законы? Партии довольно часто меняют свои программы и названия, в этом ничего такого, а заново регистрировать — это дело принципа. Только начнете, и Бурокявичюс отберет у вас все до последней нитки, а без регистрации вы сможете разделить имущество по количеству членов партии.

И сцепились, да так, что от резких слов в театре чуть ли не трескалась штукатурка

— Ты нас продал, — повысил голос Сакалаускас. — Ты не в первый раз спасаешь свою шкуру. А о нас ты подумал? Мы тоже не враги Литвы. Разрыдался перед этими крикунами и думаешь, что все решил? Жулик ты, Альгирдас, с умильными слезками. Но черт с тобой. Я еще раз сделаю для тебя доброе дело и твою партию заново регистрировать не буду. За это ты еще не раз будешь меня благодарить.

И как в воду смотрел: чего не захватил Бурокявичюс, то хапнул Ландсбергис.

Немного успокоившись, Сакалаускас обратился ко мне:

— Бери мою машину и слетай в аэропорт чего–нибудь купить. Пусть это будет наш последний ужин, только предупреждаю заранее: я не Иуда и лизаться с вами не буду. На вашей совести судьба всего нашего поколения. Самоубийцы и дристуны, даже ножа не умеете заточить как следует.

Я, как умел, старался их примирить, но, поняв, что из этого ничего не выйдет, опрокинул с Витаутасом по стаканчику, а после второго Астраускас вспомнил о нашей совместной работе:

— С кем ты пошел?

Никуда я не ходил, только бегал от одних к другим, когда одни рвались к власти, а другие не умели ее удержать, но ни у тех, ни у других не было человека типа Снечкуса. Таким мог бы стать Витаутас Сакалаускас, но он твердо сказал:

— Не в Литве этот бардак начинался, не нам и наводить порядок.

Неужели ты не видишь, что меняются только хозяева?

Это его высказывание я перефразировал:

— Меняются задницы, а жополизы остаются. Точнее не скажешь «Корабль дураков»!

— После того как я вставил это выражение в свою статью в журнале «Швитурис», оно разошлось по всей Литве, стало поговоркой и остается ею по сей день. Люди сегодня так называют Сейм. Но начало всему, правила игры этому «дурдому» задал «Саюдис»: случайно сведенные судьбой в одну кучу люди, не связанные одной общей идеей, не могли и до сих пор не могут понять, что не им жизнь портят, а они портят жизнь другим. Тех 35 сведенных случаем деятелей не связывали ни общие идеи, ни общие цели, ни общие утраты. ИХ недовольство диктовалось не существующим строем, не диктатурой, даже не цензурой, а тем, что им не улыбнулась собственная жизнь, поэтому они изо всех сил старались хоть как–то блеснуть и утвердиться в обществе.

Это закономерно. Спустя какое–то время пена революционной волны выплескивается на власти. Она липкая, легко растекается и заполняет каждую щель, через которую во власть мог бы попасть человек иного склада. Срабатывает старый классический закон общественной деятельности, который

гласит: своей конкретной работой человек ничего не достигнет, политик не может быть хорошим, поскольку он не видит совокупности и действует в узких рамках только выгодных ему стимулов. Двойственность, или раздвоение личности, в свою очередь, порождает двуличие, ложь, карьеризм и манию величия. Выражаясь простым языком, малый дурак начинает служить более крупному, а самый крупный начинает мнить себя мессией, наместником Бога на земле. Будучи духовными инвалидами, такие деятели не способны, не могут находить новых путей или идей, поэтому после первых неудач или протестов они начинают бояться собственных действий, открывают охоту на здоровых, вооружаются и становятся погонщиками нации.

Так случилось и у нас. Избегая ответственности, «великие» деятели «Саюдиса» стали открыто искать поддержки на Западе, поскольку мании величия и преследования — родные сестры. Так была выпущена из рук политическая инициатива, а идеи самостоятельной государственности, нейтралитета и национального расцвета отданы в чужие руки в обеспечение безопасности нашего чиновничества. Выбравшись из русской кошелки, мы попали в еще более страшный мешок всеобщей глобализации, или неоколониализма. Главным движителем этой глупости стал широко используемый на Западе бич русофобии. В этом тоже ничего нового. Так римские патриции стращали своих граждан варварами.

Особенно меня удивила деятельность интеллектуалов из Инициативной группы «Саюдиса». Они, как лунатики, все еще бродили покрышам и ждали, когда их, подлинных идеологов «поющей революции», ландсбергисты пригласят к сотрудничеству и отблагодарят. Но стоило кому–то из тех, кто посмелее, об этом только заикнуться, какон тут же получал по шее. А когда часть интеллигенции стала искать новые формы самовыражения и создала Форум будущего Литвы(ФБЛ), на нее посыпались провокации, шантаж, угрозы и бомбочки. Активисты ФБЛ сильно опоздали и поэтому продули, так как их оппоненты уже научились рационально и изобретательно пользоваться лозунгами и идеями этих идеологических стратегов. Интеллигенцию били ею же изобретенным оружием.

В качестве наилучшего примера такого однобокого «единодушия» хочу привести Юстинаса Марцинкявичюса. Как ни крути, а это огромный талант. Какой неповторимый певец красоты и добра! Его незатейливая крестьянская любовь к

родине давно уже стала для литовских читателей второй религией. Полет фантазии, величие… и одновременно необычайная снисходительность, непротивление злу в собственных делах, разумеется, когда они возникают сами собой. Он никогда инигде не ввязывался ни в какие дискуссии, ни за кого не вступался своим могучим голосом, поэтому и в «Саюдисе» соглашался со всем, ему все было по душе, главное, чтобы на него не нападали и не вычеркивали из начала списка. Вспоминаю, как часто после перенесенных оскорблений он смахивал горькую слезу, виновато улыбался, а когда его просили не поддаваться, почти всегда отвечал одинаково:

— Что теперь делать? Я трус, а не боец. Не хочу вредить общему делу. А какая–нибудь шушера, вроде глашатая этого «общего дела», никогда не просыхающего трубадура С. Геды, обдает помоями «новой политики»:

— Таких поэтов, как Межелайтис и Марцинкявичюс надо судить и сажать за уничтожение каунасской поэтической школы!

— Хочешь заслужить Крест Витиса[2]? — пытаюсь укротить выскочку. — Сопатку бы тебе расквасить, дворянин помойный.

— Мне такая беда не грозит. Если появится какая–нибудь медаль или премия, она будет опробована на Марцинкявичюсе!..

После таких, уже появившихся в печати, обвинений Юстинас, наконец, рассердился и сказал:

— Я не подам ему руки.

Но через некоторое время снова здоровался, виновато улыбался и, опустив плечи, прогуливался с этой полукурицей поэтической этики.

И меня не миновал похожий курьез. Однажды ко мне на дачу в Бирштонасе приехали три поэтических гиганта — А. Балтакис, А. Малдонис и Ю. Марцинкявичюс.

— Ну, наконец–то! — радостно выбежал я навстречу. — Ведь мы с твоими родителями соседи. Все мимо… Сколько я тебе, Юстинас, писал, а ты ни разу не ответил. Но они начали с очень печального известия — умер отец Марцинкявичюса.

— Что–нибудь застопорилось? — спрашиваю. — Может быть, нужна помощь?

А они ходят вокруг да около, пока, наконец, не выяснилось, что хотят спросить, следует ли Юстинасу со всей семьей идти в костел на заупокойную службу.

— Друзья, я же не парторг, не секретарь ЦК, поступайте, как

считаете нужным. — Мне стало не по себе.

А они снова кружат и кружат, как коршуны над цыплятами, пока не лопнуло мое терпение.

— Значит, опасаетесь, чтобы я не донес? Как вам не стыдно? Хотите обеспечить алиби?.. Балтакис, это твоя выдумка!

— Ты на него не сердись, он очень хотел помочь, — оправдывается Юстинас, будто сам не принимал участия в разговоре.

— Юстинас, я о таких делах не стал бы спрашивать не только у коллег, но и у самого Бога. Очнись.

— Еще раз говорю, не сердись, так уж вышло.

Я тогда все списал на большое человеческое горе. Ведь и правда, в такой день человек может заблудиться в трех соснах.

Такими же голубями мира в «Саюдисе» старались выглядеть и А. Поцюс, и М. Мартинайтис, и В. Бубнис, но они только копировали Юстинаса. Одному не хватало таланта, другой носил в ухе кругляшок, пока случайно его не проглотил, а третий настолько ударился в мистику, что совершенно искренне доказывал необходимость Божьей помощи в политике, или хотя бы новой религии, поскольку, мол, старые истины, типа «небольшое возмездие воспитывает человека, а безнаказанность по рождает преступность», уже основательно устарели. Спасение всему — в появлении нового Иисуса Христа.

Возможно, это и так. Но я думаю, что, родившись в пору мифов, мы и умрем под сказки о том, что самая циничная в мире западная культура, или так понимаемая демократия, тут ни при чем. Литовцу юродивый Казимерас нужен больше, чем рационалист Антанас, только его нужно обозвать святым.

Сегодня Ю. Марцинкявичюса снова со всех сторон подвергают нападкам. Это–де «поэт не читающей нации». Виновата непритязательная публика, обходящая стороной в книжных магазинах стихотворцев и кувыркающихся через головы критиков, которые зачастую уже сами не понимают, о чем и для кого они пишут. Так хочется им посоветовать: любезные, реинкарнируйтесь так как вас поймут только через сто лет; вот тогда и будете скулить вместе с глобализированными литовцами по–английски.

По их мнению, величайшее преступление поэта состоит в том, что он «умел угождать любой власти». Оказывается, даже чиновники во все времена его читали или хотели его оседлать ради собственной выгоды, а поэт против этого не возражал. Но

он не возражает властям и сейчас, только изредка вежливо ужалит. Какая чепуха! История пестрит подобными фактами, начиная с великого Гёте и кончая превозносимым до небес Б. Браздженисом, когда творец идет на любые компромиссы во имя своего творчества, которое ценит выше собственной личности. Это его святое право — творить для народа и оставаться с народом, кто бы им ни правил. Все творчество Юстинаса свидетельствует, что в этом процессе во главе угла не он сам, а сказанное им слово.

Гению ни к чему всходить на костер, сложенный каким–то политиком или графоманом. Ненужная жертва — это самоубийство. Талантливое слово — не спичка, а осознанная необходимость служить униженным и оскорбленным людям сегодня, сейчас, пока они еще живы, пока нуждаются в духовной поддержке в период попрания моральных устоев. Потому и слово поэта всегда остается живым. Если не будет возможности его прочитать, его будут петь или передавать устно из поколения в поколение. Только такая обоюдная любовь поможет нам остаться литовцами.

Об этом уже кричат похудевшие литературные журналы, непроданные книги, изнасилованный литовский язык. Предавшие свой народ поводыри или загонщики перестают быть нужными людям. Нет, только подумать — «не читающая нация»! А может быть, наоборот? Она стала более осторожной, взыскательной и сегодня уже отвергает пропахший американизмом кич?..

БЕГ В МЕШКАХ

Директор государственного лесопитомника:

— Уважаемый председатель, наведите порядок: раньше мы за одного поросенка получали несколько бочек смазочных масел, а сейчас и за пять не выбиваем одной.

Председатель ВС Ландсбергис

— Я не понял вопроса: для чего поросятам нужна смазка?

Вот бы ввести такой порядок, мечтал я в дневнике, чтобы добрые дела люди совершали без свидетелей, а дурные — у всех на глазах, тогда бы что–то изменилось. К сожалению, у нас все шло наоборот. Чекисты Эйсмонтаса и облепившие их перевертыши в «Саюдисе» постепенно брали верх. Мне надоело это бесцельное переливание слов из пустого в порожнее, поэтому я начал разъезжать по районам и создавать группы поддержки «Саюдиса», но однажды неожиданно около меня появился А. Юозайтис. Это было в Алитусе.

— Помощь не требуется? — Он представил мне жену, детей.

— Пока что справляюсь один. А ты что — ревизия?

Арвидас иронично ухмыльнулся и все обратил в шутку:

— Конечно, ты наплодишь эти группы, ты и будешь ими руководить. — Наша истина — ложь, и наша ложь — истина, — пошутил и я. — Масонов цитируете?

— Нет, Озоласа. Может, уже договорились, кто меня будет проверять в Расейняй?

— Не знаю. — Он старался казаться веселым, беззаботным, но через некоторое время между нами образовался забор из очень модных в ту пору фраз: как во всем цивилизованном мире, в странах подлинной демократии, мировая практика показывает… От этого сделал ось как–то зябко, неуютно, появилась излишняя напряженность, отвращение.

Такая книжная мудрость и сегодня в Литве пользуется известным спросом, МЫ к этому привыкли и не обращаем внимания, но, оказывается, важнее не сама банальность, а кто ее

произносит. Я пожал плечами.

ВО время митинга Юозайтис отошел немножко в сторонку, тихо помолился, едва заметно перекрестился и выступил с речью. Я снова был удивлен его откровенным, похожим на шантаж двуличием.

— Умен, начитан, — не остался равнодушным и алитусский ксендз Пранас Рачюнас, — но неприятен. Кроме того, глаза, какие у него глаза!.. Слушай, Витаутас, Юозайтис не *болел* чем–нибудь?

— Не знаю.

— Ты меня извини, но все в нем не настоящее, как заученное…

Молится, будто выполняет приказ, крестясь, поднимает руку, как к фуражке…

Это наблюдение ксендза опять подтвердил ось, когда Арвидас перед телекамерами принимал причастие из рук Папы Римского. Оба словно фарфоровые. Если долго смотреть, захочется выпить.

Воспользовавшись нашей пассивностью, Терляцкас устроил митинг Лиги свободы Литвы и вторично отметил 23 августа[3]. Я наблюдал за этим сборищем, даже готовился выступить, но митинг, еще не начавшись, превратился в «ярмарку». Прикрепив к раздвижному удилищу свой красный президентский флаг, Терляцкас появлялся то тут, то там и снова пропадал. Кто–то выступал, кто–то кричал, кто–то собирал подписи, кто–то хлестал пиво и бранился. Наконец этот балаган отгородили от площади солдаты второго полка внутренних войск под командованием Станчикаса.

Я видел, как «упаковали» одного из крупнейших наемных провокаторов Андрейку, видел, как, увернувшись от брошенной пивной бутылки, солдат заехал драчуну бананом, видел, как одной или двум из кричащих и пинающихся дамочек парни брызнули слезоточивым газом… Все это походило на плохо срежиссированную комедию. Поймают солдаты какого–то гражданина, оторвут от толпы, протащат под ручки пару десятков метров и отпускают, а тот возвращается и снова принимается за свое… Близился вечер. Около библиотеки Академии наук возвышались кучи щебня и брусчатки от разобранной мостовой. Толпа отступала к ним.

— Что вы делаете? — обратился я к офицеру. — Ведь не соберете костей.

— Я сам вижу. — Он набрал номер и подал мне тогда еще бывший в диковинку мобильный телефон: — Говорите, писатель.

— Мисюконис, — услышал я в трубке.

Я представился и вкратце обрисовал ситуацию.

— Зайди, мне тоже надоел этот цирк.

Через некоторое время солдаты уселись в машины, забрав свои щиты и бананы. С их отъездом окончился и митинг.

На следующий день я на заседании группы предложил разыскать Терляцкаса и попытаться договориться с ним о совместных действиях. Мои слова были восприняты как ужасное оскорбление. Особенно усердствовали Ландсбергис и Озолас. Я повторил предложение:

— Не вижу между ним и нами большой разницы. За то, что мы делаем сейчас, он отсидел по тюрьмам. Было бы справедливо пригласить и Викторасa Пяткуса.

— Терляцкас был осужден за кражу булочек, — хихикал профессор. — За устройство аварии.

— Откуда такая информация? Вместе воровали?

— Они провокаторы, они хотят нас вовлечь в антигосударственную деятельность и вывести за рамки закона, — говорил Озолас, как будто «Саюдис» был его собственностью. — Я предлагаю обсудить Петкявичюса.

— За что, за высказывание мнения, клизматик? — тормознул я этого полуторапудового «гиганта» И заметил, что резкие слова прекрасно смиряют его воинственность: чем дальше его посылаешь, тем спокойнее он становится.

— «Корабль дураков», — в первый раз процитировал меня А. Жебрюнас.

Все равно мы вдвоем с Мотекой отыскали на улице Тилто тайную квартиру Антанаса Терляцкаса и с помощью народа за пятнадцать минут все рассекретили. Нас встретила чернявая, похожая на цыганку женщина.

— Здесь Терляцкаса нет и никогда не было, — сказала она.

Вся обстановка была так дешево театрализована, что я начал смеяться. Зеркало в коридоре было повешено с таким расчетом, что быиз другой комнаты можно было видеть каждого входящего. Но угол отражения был одинаковым для обеих сторон, поэтому я видел, как через приоткрытую дверь на меня смотрят два голубых глаза, прячущиеся под багровым

наморщенным лбом и растрепанной копной волос. Но если хозяина нет, значит нет — таковы правила игры всех подпольщиков. Мы вышли. Через несколько минут великий конспиратор появился на улице. Впервые я видел этого человека вблизи. Антанас оказался очень нервным, на каждое мое слово реагировал сердито, как будто я был его заклятым врагом, отвечал чуть ли не криком, речь его была несвязной, подчеркнуто торжественной, глаза бегали по сторонам, ощупывая прохожих.

Когда мы, наконец, друг с другом пообвыклись И мне удалось успокоить митингующего и за столом Терляцкаса, он превратился в неинтересного, изрекающего банальности человека. Стал хныкать, какего все преследуют, как ему не на что прокормиться, и предложил купить у него какую–то помятую брошюрку.

Вот тебе и герой улицы, подумал я, распрямляясь, и внезапно пришло озарение — ведь это артист! Эта вызубренная и постоянно шлифуемая роль не производила особого впечатления. Я рассердился и спросил про булочки. Неожиданно он ответил:

— Иначе они не могли ко мне придраться.

Значит, правду сказал мне отец Станисловас, что Терляцкас разгуливал по лагерю в белом халате и раздавал им хлебные пайки. Непромахнулся и Ландсбергис.

Через день–другой взорвалась пресса. Дескать, избивают, пытают людей! Озолас на казенные деньги выпустил плакат, на котором солдаты Станчикаса были изображены как настоящие фашисты — надраенные сапоги, каски, бананы и задницы… Лиц не видно.

Меня пригласил председатель Президиума ВС Витаутас Астраускас. — Вы представляете нас как фашистов! — возмущался он.

— Это издательство «Минтис». Оно подчиняется вам, вы и разбирайтесь.

Тогда он достал еще один плакатик, посвященный ему лично, сорванный с какого–то забора.

— Я найду виновных, я их накажу!..

— Витаутас, искать их не нужно, все написано и подписано под плакатом в выходных данных.

Официальность быстро улетучилась. Скорее, ее и не было. На

сто ле появились кофе и коньяк.

— Что будем делать? — спросил он, употребив множественное число, хотя вопрос звучал как обращение за советом.

— Витаутас, нужно без промедления принять законы, строго регламентирующие все эти процессы. Нельзя страну, которую десятилетиями держали в железных тисках, спускать с цепи. Все нужно делать постепенно. Демократия без закона — крах, анархия, по–русски говоря, беспредел.

— Я понимаю, но как? — А как принимали до сих пор? Несколько человек должны выступить с инициативой, пока народ не разложился. Коллективной игры не будет еще долго.

— Видишь ли, нужно согласовывать с Москвой.

— Можно ведь и здесь кого–то опередить местным законодательством. Если вы этого не сделаете, империя рухнет, начнется резня.

Такой разговор длился, наверное, час, пока я не понял, что все мои «страшилки» до адресата не доходят. Он все еще верил в бессмертие чьих–то идей.

Под давлением общественности Центральный Комитет КПЛ неожиданно образовал комиссию по расследованию обстоятельств разгона митинга. Ее председателем был назначен Й. Шерис, я – его заместителем, членами комиссии — В. Томкус, А. Бартусявичюс, Й. Гуряцкас, К. Мотека и еще несколько человек. Требовалось выяснить то, что и так было известно, только никто не хотел сказать вслух. ЦК задумал проверить свое здоровье рентгеновскими лучами общественности. Это было началом краха.

Во время первого заседания меня пригласил премьер Сакалаускас и сказал:

— Когда выводили солдат, меня никто не спрашивал, поэтому

Совет Министров сюда не впутывай. Я был против. Ты знаешь, кто отдал приказ?

— Знаю.

— Ну и заворачивай оглобли в ту сторону, только смотри, не опрокинься на повороте. Кого нужно, я предупрежу.

Заместитель министра внутренних дел Мисюконис положил передо мной «План мероприятий», на котором красовались его резолюция и подпись. План был подготовлен начальником Вильнюсского управления милиции Матузанцем.

— План я подписал, но приказа применить бананы и слезоточивый газ не отдавал. Это приказал второй секретарь ЦК Митькин. — Где приказ?

— Его нет. Все было по телефону.

Его слова подтвердил и заведующий отделом ЦК КПЛ Гержонас, но со слезами:

— Петкявичюс, мне 39 лет, у меня двое детей… Ты знай, но не выдавай. Мне тоже нужно жить.

Для вида отправились во второй полк. Его командир Станчикас был откровенен:

— Я солдат. Если будет приказ, выведу снова.

Он показал склад, где хранились щиты, бананы и газовые пакеты «Ромашка», из которых во время операции были использованы только два. Их могли применить и сотню, поскольку пакетов никто точно не считал.

— Они постоянно портятся, отмокают, аэрозоль оседает, поэтому одни уничтожаются, выбрасываются и заменяются другими.

Весь наш улов — синяки на теле и под глазами платного провокатора Андрейки, но все — по уважительной причине: заявления четырех солдат, о том, что этот, по их словам, придурошный тип пинался, дрался, ругался, и, соответственно, четыре справки врача о легких телесных повреждениях служивых. Кроме того, Терляцкас и «Саюдис» собрали заявления девятнадцати человек — тому прыснули в лицо неизвестным газом, тот получил пониже спины, а того протащили по улице. Самое большое доказательство противоправных действий — выпущенный Озоласом плакат. Очень скоро он попал в зарубежную прессу.

В отснятых видеоматериалах тоже ничего нового. Одна брошенная бутылка, один никого не задевший кусок брусчатки, а крови – ни капли. Представленные прессой лужи крови газетами и надо было вытирать. Но важно не это. Интересно, что в работу комиссии попытался вмешаться генерал Эйсмунтас. Он несколько раз довольно подробно изложил, что следует отразить в наших выводах. Мы вежливо выслушали, но все сделали по–своему.

— Перед государственной комиссией все опрашиваемые равны, заметил я ему.

Генерал сильно рассердился и после каждого предложения

становился все более официальным и холодным. Я понял, что обзавелся еще одним врагом. Эта догадка вскоре подтвердилась. С того раза все свое влияние на государственных мужей генерал обратил против меня.

Странно, что на второе или третье заседание явился и скрывающийся Терляцкас.

— Я верю вам, — сказал он мне и Казимерасу Мотеке, который в конце концов разъяснил этому гиганту мысли, что юридическая сторона в деятельности Лиги свободы Литвы является самой слабой.

— У меня нет юристов, признался Антанас.

— Их можно найти и среди нас, — расщедрился Казимерас.

В тот период он очень активно собирал все нужные для его общественной деятельности баллы, из которых сколачивал стойкое прикрытие своего прошлого.

С ним вдвоем у меня дома мы писали выводы комиссии, когда не ожиданно зашел Ландсбергис. Он еще раз изложил позицию генерала.

— Не твое дело, — лопнуло мое терпение. — Когда все члены комиссии подпишутся, сможешь критиковать, а пока посиди и посмотри телевизор.

— *Вы подставляете «Саюдис» под топор. Не надо придавать чрезмерного значения хулиганам Терляцкаса, — повторял, как заведенный, профессор.*

— А тебя кто уполномочил? Эйсмунтас?

Когда эмиссар ушел, Мотека спросил:

— Ты чувствуешь, он слово в слово пересказывает мысли Эйсмунтаса?

— Я разозлился, поэтому не обратил внимания.

— Я юрист, так могут говорить только люди из моего клана. Кроме того, откуда ему известно, что план подготовил Матузанец и что министр Лисаускас ни при чем?

Дальше выяснять не потребовалось, потому что уже на следующий день Шепетис знал, что в «Саюдисе» имеется «и другое мнение». Это мнение поддерживали все соглядатаи Ландсбергиса, кроме Озоласа, которому за «фашистский» плакат Митькин собирался устроить хорошую баню и привлечь к уголовной ответственности. Наша комиссия не угодила ни одной из сторон. Словом, отмывая чужую свинью, мы сами порядком вымазались, но обрели и друзей. За нас горой встал

Бронюс Гензялис.

С Бронюсом я познакомился на комсомольской работе. Я вез его в Пакруойский район рекомендовать для работы с молодежью. Дорога была дальняя, в Шяуляй нужно было пересесть на узкоколейку, поэтому разговорам не было конца. Бронюс понравился мне широтой взглядов, достаточной самостоятельностью, начитанностью. Хотя был инвалидом, лишиввшись ноги еще в детстве, но из–за этого не комплексовал.

— Кого ты мне привез? — разозлился первый секретарь райкома партии Швамбарис. — Не смогу ни послать его в деревню, ни посадить на мотоцикл.

Он позвонил в Вильнюс, но ничего не добился. Тогда поступил еще более «по–швамбарски» — во время конференции приглашал комсомольцев в свой кабинет и требовал, чтобы они вычеркнули Гензялиса и записали меня.

Привезенного мною кандидата «провалили», но и меня не выбрали, так как я вовремя узнал о заговоре. Не понимаю, по какой причине, на обратном пути Бронюс излил на меня всю горечь поражения. Я не сердился, только успокаивал новичка:

— Бывает и хуже, поэтому не переживай. Насколько мне известно, тебя предложат в родной Тракай. Это ближе к Вильнюсу, к электричке, поэтому тебе, заочнику Московского университета, будет даже лучше. А насчет моей карьеры ты, брат, перегибаешь. Для заведующего отделом ЦК комсомола пост секретаря Пакруойского райкома был бы тройным понижением.

Он успокоился и подробно рассказал мне о себе. Его дед, кузнец помещика Монкевича, влюбился в литовку, принял крещение, а отец, настоящий католик, сошелся с революционерами, был подпольщиком. В первые советские годы был председателем исполкома Тракайского уезда. Во время войны партизанил и погиб как настоящий воин…

Но больше всего мы говорили о философии. Наши мысли во многом совпадали. Меня удивляли его откровенность и смелость, когда он с большой иронией говорил о всепобеждающем марксистско–ленинском учении. Особеннно он издевался над грубым атеизмом, который тогда еще называли воинствующим.

— Маркс — экономист, философ, но ни в коем случае не пророк, утверждал он. Потом мы перешли к насилию,

называвшемуся тогда «великим ускорителем» или «повивальной бабкой» революции. Представь, бога нет, а культ есть, религия — опиум для народа, а везде мы молимся на партию…

Волей–неволей наш разговор перешел на саму систему. Бронюс принялся ее ругать. Делал он это очень осторожно, по–философски, бросая исподлобья взгляд и изучая меня. Я молча слушал, тоже сомневаясь в его искренности. Мне его критика казалась поверхностной, начетнической, с выпирающей «самиздатовской» подкладкой. Когда он иссяк, я стал возражать:

— Советская система идеальна. Советы — самая широкая возможность участия в управлении государством для всех слоев населения. Демократический централизм — тоже не выдумка большевиков. Советы — это идея, порожденная самой революцией в процессе сопротивления и борьбы. Это проверенный метод, потому он и победил. Вся беда в том, что большевики эту систему упразднили, ввели только одностороннюю диктатуру, абсолютизировали централизм и все подвесили на культ вождей. Сверху вниз эта система работает отлично, а направление снизу вверх подавлено, поэтому воля, мудрость народа никак не могут пробиться через броню партократии и силовых структур…

Я запомнил этот разговор потому, что подобным образом мы поступаем и сегодня. Мы только делаем вид, что избавились от этой порочной системы. Партократия снова у власти. В Литве члены раз личных партий не составляют и двух процентов от общего числа жителей, имеющих право голоса, но свою волю они навязывают всем, поскольку кандидатуры в Сейм могут выдвигать только партии. А несколько человек, пробившихся к власти самостоятельно, ничего существенного сделать не могут. Это настоящие современные диссиденты, поскольку вся интеллигенция, академический потенциал, творческие организации, профсоюзы от этого процесса отодвинуты в сторону. Кто из серьезных людей может вступить в какую–нибудь консервативную, социал–либеральную или социал–демократическую партию? Все они — только пародии на партию, инкубаторы карьеризма, протекционизма и своеволия, а их лидеры – политические чучела. Создаваемое на таком циничном «демократическом» фундаменте государство не должно и не имеет права на существование.

На подобные темы мы с Бронюсом дискутировали довольно часто, поэтому и в «Саюдисе» симпатизировали друг другу. Может быть, только отдающие практицизмом шараханья

Гензялиса от одной набирающей силу группы к другой производили неприятное впечатление, но везде он старался привнести свое рациональное философское зерно.

Поначалу мне таким казался и Раджвилас, который говорил кратко, ясно и хорошо поставленным голосом, молчал, если нечего было сказать, но со временем вылезли наружу его «заячьи уши», весь комплекс Наполеона. Начались конфликты. «Если прав Ромен Ролан, утверждая, что все человеческие несчастья начинаются с маленьких, низкорослых людей, то нельзя ли их всех подкормить какими–нибудь стимуляторами роста?.. Тогда все они вымахали бы на несколько метров, а человечество, избавленное от вызываемых ими смут, жило бы счастливо…» — писал я в дневнике, а потом стал пересчитывать всех недомерков в «Саюдисе». Они составляли большинство.

Своим «открытием» я поделился с Жебрюнасом. — Плохи наши дела, не видать нам карьеры.

Этот верзила меня не понял. Тогда я зачитал ему из дневника взятые из Талмуда советы, как быстро сделать карьеру: если вы идете наВойну, то идите не в передних рядах, а в задних, чтобы быть первыми в числе тех, кто возвращается домой.

— Это ты про меня? — не воспринимал он юмора. — Не про тебя, про Озоласа.

— Я эту амебу действительно не переношу.

Но на войну никто не шел, лока что все плавали в одном котле. И одним, и другим крайним мешала личность М. Горбачева. Одни им прикрывались, чтобы выдвинуться, другие на него опирались, боясь потерять имеющееся. Шел процесс взаимного обнюхивания, злой, безжалостный, шла заточка зубов на биографии или судьбы других людей.

На четвертой неделе нашего существования, к 24 июня, Юозайтис и Каушпедас задумали провести митинг. Задуман он был хитро – как проводы делегатов на XIX партийную конференцию. Эту акцию задумали партийные, написали о ней в печати, а мы ее присвоили, поэтому получить разрешение на такую идейно–политическую сходку трудане составляло.

— Только без всяких провокаций, — предупредили меня в ЦК. — Хватит ли у вас одних сил для поддержания порядка?

— Думаю, хватит. Почему спрашиваете?

— Видишь ли, ты сам становишься неуправляемым.

Это мне от товарища Эйсмунтаса за комиссию, подумал я, но

ничего не сказал.

В «Саюдисе» мы подробно обсудили план, наделали зеленых нарукавных повязок и отказались от услуг милиции. Опасаясь выскочек, на помосте, установленном на пл. Гедиминаса, мы поставили барабан, к которому посадили Каушпедаса, чтобы он реагировал на любой антисоветский выкрик, хотя сам он и его ансамбль «Антис» уже прославились в обществе как исполнители двусмысленных песенок. «Ансамбль Каушпедаса прекрасно манипулирует всеми возможностями подтекста», — писала о нем пресса, а я комментировал: «Когда исчезает текст, о подтексте нет смысла говорить»…

Но сейчас мы были, вместе.

Пока мы собирались на эстраде, хлынул дождь. Люди спрятались под зонтами. Было странно и страшновато смотреть на это волнующееся море черных грибов. Внезапно то тут, то там появились трехцветные флаги. Это не планировалось.

— Я не пойду на трибуну, — запротестовал Юрас Пожела. – Под таким флагом расстреляли моего отца.

Упираться стали Заляцкас и Мацайтис. Только один делегат Микучяускас улыбался и довольно помалкивал.

Спустившись с трибуны, я разыскал в толпе Терляцкаса и попросил его убрать флаг. Он не противился, сложил свое удилище и спрятал под плащом. Его примеру последовало несколько других активистов Лиги свободы Литвы. Митинг начался. Выступающих заранее не назначали. Между выступлениями получались длительные перерывы, во время которых «давал прикурить» Каушпедас, выкрикивая свои обычные двусмысленные лозунги. Несколько раз он перестарался.

— Сколько тебе платят?! — возмущались в публике. — Эй ты, красный трубадур, не можешь потише? Позор, позор!..

Два последних слова вошли в традицию скандирования.

Даунорас могучим голосом солиста оперы зачитал наказы «Саюдиса» делегатам и под шум дождя вручил их Бразаускасу. На митинге выступил и Ландсбергис. Он развернул большой разлинованный блокнот и стал что–то под нос себе читать. Публика ничего не слышала, начинала сердиться. Дождь размыл записи, речь не удалась…

— Кто тебе ее писал? — возмущались собравшиеся. — Вынь солому из носа!

Главная мысль оратора была очень назидательной: если делегаты выполнят наши наказы, это будут наши делегаты, а если нет…

— Что ты им сделаешь, за хвост укусишь? — слышались реплики, и снова возгласы: «Позор, позор!»

Словом, нас, членов «(аюдиса», тогда ничто не отличало от собравшихся на эстраде бюрократов. Не отличился и я особым красноречием. Я больше беспокоился о порядке, когда Ю. Пожела стал совать мне резолюцию Академии наук. В ней было написано, что нужно отозвать из Литвы секретаря ЦК КПЛ Митьки на как шовиниста, ничего не понимающего в Литве и ее культуре. Эта резолюция появилась. Из–за необычайной тупости Митькина, который набрался наглости заявить ученым, что маленькой Литве хватит одного университета.

— Мне неудобно, — волновался Юрас, — я президент, а тебе можно…

Я зачитал резолюцию, а от себя добавил:

— И вообще, пора уже отказаться от поста генерал–губернатора.

Почему–то нас, литовцев, владеющих несколькими языками, этот человек называет националистами, а себя, знающего только один единственный, считает интернационалистом…

Мои слова внезапно вызвали овацию. И снова между зонтами затрепетали триколоры, только на этот раз их было гораздо больше, и никто на них не обращал внимания. Ослепленный овациями, я предложил организовать и встречу делегатов по возвращении. Меня все поддержали. Но я уехал в Бирштонас и, забыв обо всем, уселся писать. Спустя несколько дней мне позвонил Гензялис:

— Приезжай, у нас творится чертовщина. Столько развелось всяких вождишек, что невозможно договориться.

Он передал трубку Буловасу.

— Витаутас, послушай меня, старика… Когда ты на трибуне или на телевидении, нам всем как–то спокойнее…

Приехав, я ознакомился с положением. К приспешникам Ландсбергиса уже прибились Сонгайла, Медалинскас, Скучас, им еще сопротивлялись Озолас и Юозайтис, начавший выпускать бюллетень «Вести «Саюдиса»». В этом весьма тенденциозном издании освещались только те события, в которых принимал участие сам Юозайтис или его друзья.

Ни одна из сторон не могла взять верх, поэтому вести митинг поручили мне. Писатели, деятели искусств оставались пассивными, как и прежде: лишь бы не мы, лишь бы другие, а одобрить — всегда пожалуйста.

Во время подготовки нам снова предлагали всяческую помощь, но после проведения одного митинга у нас уже был некоторый опыт. Снова нашили несколько сот зеленых повязок. Набрали студентов, руководить ими взялись Медалинскас и Вайшвила. Последний очень дулся и все время торговался, чтобы ему дали более ответственный пост. Он, видите, для этого созрел.

— Если во время митинга возникнут беспорядки или потасовки, вот тогда и будешь самый ответственный, — сказал я ему.

От услуг Скучаса и Кубилюса пришлось отказаться. Мотив простой: это люди с неустойчивой психикой. Один лечил нервы в Ново–Вильне[4], другой переболел рахитом в тяжелой форме. Так считали их «смертельные друзья».

Перед самым митингом Юозайтис отпечатал несколько тысяч листовок с «Национальным гимном» и все боялся, что благородные, призванные руководить Европой жители Северных Афин, могли забыть свой гимн и не спеть его. Каушпедас предлагал пустить магнитофонную запись, но участники исполнили наилучшим образом. Тоним задали подбежавшие к микрофону Даунорас и Каукайте. С такими ведущими ошибиться не мог никто.

— Еще не забыл? — спросил я Бразаускаса. Он очень дружелюбно послал меня в одно место и, наверное, правильно сделал, поскольку, как потом оказалось, этот замечательный секретарь ЦК в большевистскую пору был тайным католиком, правда, мессы выстаивал на охоте. Вероятно, после каждого меткого выстрела снимал шляпу и вместе с Гришкявичюсом затягивал: «О, Литва, Отчизна наша…»[5]

Эту тихую издевку подхватили журналисты и потом не раз повторяли, поэтому у меня лопнуло терпение и в одной из статей я сам себя высек: никого, человече, не бойся больше самого себя, поскольку внутри себя носишь своего самого большого врага. А когда этот егерь, добывший Литву, обозвал меня пьяницей и предателем, я пошел на исповедь: человек никого не может предать, только самого себя… Но жизнь показала, что и с такими выводами я сильно поторопился. В действительности всю правду о человеке можно сказать только

после того, как он хоть несколько лет полежит в сырой земле. Но и этого душевного порыва никто не заметил, так как в то время я всем был очень нужен. Возмездие пришло гораздо позднее и не с той стороны, с которой я ожидал.

Однако суть не в этом. Во время подготовки к митингу окончательно выяснилось, что с самого первого дня существования нашей Инициативной группы ее членов не связывала никакая общая идея, никакая общая цель. Вопли о свободной Литве были только простейшей, никем не регулируемой борьбой за власть. Этого бы не произошло, если бы патриотов, выплывших на волне беспорядка, объединяла хотя бы и книжная духовность. Первыми эту пустоту почувствовали разношерстные перевертыши, они массой хлынули в «Саюдис» И окончательно растворили наше малокровие в своей моче карьеризма и приспособленчества. Эти прилипалы не верили ни в одну из наших деклараций, но их заголовки выучили наизусть. Они инстинктивно чувствовали: надвигается катастрофа, — поэтому старались забраться на самый большой обломок государственного корабля, спрятать его под себя и растолкать других, чтобы не перегрузить захваченный поплавок.

Едиными и готовыми к самопожертвованию были только рядовые простачки. Для них мы и старались, а потому решили на митинге в парке «Вингис» впервые публично поднять трехцветный флаг. Это было очень рискованно, поэтому вместе с ним мы собирались поднять государственные флаги СССР и ЛССР. Чтобы это сделать, нам досмерти был нужен официальный представитель ЦК кпл или крупный начальник.

По телефону Сонгайла пообещал «самого молодого и наименее ответственного» секретаря ЦК Гедрайтиса, но этот человек перепугался и заявил, что собрался в Москву. В последний день его заменил Астраускас, но и он дрогнул и напросился на телепередачу. Сонгайла извинился:

— Как–нибудь обойдетесь и без нас. — Он вежливо поднялся и проводил меня за дверь.

В коридоре мы встретились с Бразаускасом.

— Ты завтра ничем не занят, вот и сходи завтра к ним, — сказал первый секретарь с подчеркнутым пренебрежением к Альгирдасу. — Но я должен идти на телепередачу, — испугался Бразаускас. — Вместо тебя пойдет Астраускас.

Только после долгих отнекиваний Альгирдас дал согласие.

— Не может мне простить за прошлый митинг, — почему–то объяснил он и дал понять, что для такого крупного деятеля общение с нами является довольно тяжелым взысканием. На следующий день Бразаускас был пунктуальным и корректным.

К нам он пришел пешком. Мы встретили его с цветочком и отвели на помост. В одном нас обскакали ребята из госбезопасности. Выведав от Чекуолиса все наши планы, они на всех очень высоких флагштоках срезали тросы. Подъем флагов срывался. В тот момент, поняв, что за специалисты здесь поработали, я вспомнил, почему так загадочно улыбался Шепетис, давая разрешение на митинг. Но и здесь мы нашли выход: несколько альпинистов согласились опустить флаги с навеса над эстрадой.

И снова неудача.

— Три флага не можем, слишком большая ширина. Нужны две трубы или два шеста длиной по 12 метров. С таким весом невозможно балансировать.

— Хватит одного флага, — сказал я Мустейкису. — Они заварили похлебку, пусть сами и расхлебывают.

Меня возмутила такая безобразная мелочность представителей власти. Наши флаги были очень большими, по четыре метра на восемь. Обиднее всего было остаться без триколора. По специально ему разрешению Жебрюнас пошил его на киностудии в качестве реквизита будущего фильма, который нужно «после использования возвратить в обязательном порядке». Так было написано в разрешении. Обе кромки флага мы прибили к шестам, а полотнище свернули на одном из них, чтобы при падении второй шест развернул весь флаг.

— Вы, ребята, следите за мной, — сказал я альпинистам. — Когда я закончу вступительное слово и подниму руку, тогда и спускайте.

Эффект был ошеломляющий. Флаг как будто с неба упал. Вначале люди ничего не поняли. Разместившиеся по краям принялись аплодировать, начали вставать, вспыхнула овация, и сами по себе послышались первые слова гимна. Я наблюдал за своими коллегами. Для них это было сюрпризом. Многие плакали, обнимались, а я ждал наследующий день наказания. Но власти молчали — поняли, что своим глупым поступком только усовершенствовали сценарий нашего митинга.

— Папочка, ты был бесподобен, — трещала на следующий

день моя дочка. А я об этом даже не думал, не было времени, только в дневнике написал: если бы мы чаще думали о том, что у нас есть, с кем мы живем, и если бы мы умели радоваться этому богатству, мы были бы гораздо счастливее и могли бы гораздо лучше жить, но почему–то мы чаще думаем о том, чего у нас нет и чего нам не хватает, поэтому мы не раздумываем, а только хнычем, пока не почувствуем себя очень несчастными…

— Папочка, ты не представляешь себе…

Только после нескольких подобных напоминаний перед глазами вновь раскинулось людское море. Такой массой я никогда не управлял. Подниму руку — падает флаг, махну рукой — все смолкают, кивну головой — выходит оратор… От таких картин по спине пробегает мороз. Мне немножко стыдно. Поскольку на митинге присутствует вся моя семья, мне еще больше становится не по себе, мне кажется, что я уже слишком много кричу. Но вот ясно вижу и вспоминаю, как ко мне подходит женщина и просит:

— Позвольте к Вам прикоснуться, Вы — святой человек… Особенно назойлива одна, одетая в национальные одежды и свившая на голове из густых кос двойное а истово гнездо…

— Мать, правда, так было? — спрашиваю жену.

— Ай, — отмахивается она, — всякое там было. Сделал свое дело, и ладно.

Но, оказывается, «сделавшим свое дело» людям можно не только аплодировать — за ними можно охотиться, над ними можно поиздеваться, им можно завидовать, их можно ненавидеть. Можно еще и ругаться, врать, хихикать в кулак и натравливать других. Во время обсуждения результатов митинга я наблюдал, как Ландсбергис долго про себя ухмылялся, так сказать, настраивался, пока, наконец, не пропел:

— Хотите послушать байки про Петкявичюса? — И что–то лопочет, сопит, хихикает, а другие ничего не могут понять, пока Чепайтис не расшифровывает. Обоим от этого очень весело.

На следующий день опять:

— Хотите послушать, что наши враги говорят о коллеге Петкявичюсе? — И опять не столько врагов костерит, сколько меня чернит, но хихикает уже не только Чепайтис или Чекуолис, но и повздоривший с чувством юмора *Зигмуля* (Вайшвила. — **Пер.).**

Я прекрасно понял, к чему клонит этот муэыкант, лишенный гражданского слуха, но друзья меня успокаивают:

— Разве к тебе пристанет?

Ко мне не пристало, но слух членов Инициативной группы таким способом приучали к тому, что Петкявичюса можно утюжить, не получая достойной сдачи. Во–вторых, главный интриголог «Саюдиса» нашел для себя удобный насест, с которого можно гадить на других, не пачкаясь самому.

На третьем заседании, вспорхнув на свой любимый шесток, он опять взялся за свое:

— Каунасские комсомольцы предлагают избрать Петкявичюса секретарем ЦК. .

В дальнейшем за интриговедом–музыковедом последовали Вайшвила, Том кус, Медалинскас и несколько сосунков, которых не интересовала суть издевательств, а просто очень нравилось вести себя заносчиво с признанным «асом».

Протестуя против такого, узаконенного общим молчанием, хамства Ландсбергиса, я написал группе письмо, но, не дождавшись заседания, передал его профессору Кудабе, чтобы он его огласил, а сам уехал в деревню вычитывать корректуру нового романа. Профессор посоветовался с Марцинкявичюсом и через него возвратил мне это заявление.

— Потерпи, старина, ради общего дела, — были первые слова поэта. — Прежде всего, такого общего дела, чтобы оскорблять человека,

нет, поэтому хорошо прислушайся, что эта группка вытворяет, как разговаривает с Буловасом, Лукшене, с тобой, как они ведут себя

с Бубнисом и Жебрюнасом, больше всех потрудившимися при Подготовке митинга. Они натравили на нас Саю и Геду. А мы молчим.

Молчанию Юстинас учил не только меня, он даже написал стихотворение о том, что «молчание — это речь». Но когда пресса началаписать, что Юстинас Марцинкявичюс — наиболее перспективный и приемлемый кандидат в президенты, Ландсбергис со своей кликой и для него подобрал намордник. в одной из телепередач, транслировавшихся из ресторана «неринга», двое библейских избранных среди избранных — т. вянцлова и искусственно созданный и отправленный за границу диссидент А. Штромас, — пережевывая сосиски, начали на всю Литву разглагольствовать о произведении Ю. Марцинкявичюса «Сосна, которая смеялась» и между прочим заявили, что эта повесть написана по заказу КГБ и что сам поэт активно

сотрудничал с этой организацией.

Вот тогда Юстинас испугался не на шутку.

— Это страшная ложь, — жаловался он.

— Знаю, — ответил я.

— Что я им плохого сделал?

— А то, что ты действительно был бы неплохим президентом. — Но я не хочу им быть.

— Зато Ландсбергис нестерпимо хочет им стать.

— Неужели он такой негодяй?

— Что ж, Юстинас, теперь твоя очередь потерпеть ради «общего дела».

Больше он со мной на эту тему не заговаривал, а мне в собственной шкуре не сиделось. Молчание — речь, и речь — молчание! Господи, откуда берутся такие мысли в голове порядочного человека для оправдания собственной трусости?! Оказывается, вся интеллигенция криком кричала, протестовала, а мы ее не услышали! А между тем в этой среде молчания, весьма похожего на преступление, прорастали развивался росток от брошенного в нее семени «Черного сценария». Почувствовав серьезную беду, ко мне поспешили постоянные адвокаты Марцинкявичюса Балтакис и Малдонис.

— Петька, надо что–то делать, ты смотри, как травят и оскорбляют Юстинаса. Ты все прекрасно знаешь.

— А вы? Вы вместе учились, в общежитии жили в одной комнате, руководили писателями…

Статью я написал. И не одну. Дело в том, что в свое время в университете собрался довольно интересный, но нахальный студенческий кружок, который выпускал рукописную газету «Фиговый листок». На лицевой стороне первого номера были нарисованы Адам и Ева, прикрывающие фиговыми листами свои лица, а все прочее оставалось открытым для любопытных. В этом издании активно проявляли себя Т. Вянцлова, сын председателя Верховного суда и воспитанник Снечкуса Штромас, старшая дочь Палецкиса и еще несколько отпрысков известных родителей. Они довольно метко «бичевали» литературу, политику и культуру того периода.

Т. Вянцлова называл своего отца бездарным писакой, графоманом, а о советских писателях отзывался так: «В Союзе есть только один приличный писатель — И. Эренбург, и тот еврей». Печатал там переводы «кабацкого» Сергея Есенина…

Словом, занимался обычным для молодежи литературным хулиганством, и только.

Дело обернулось худо, когда этот студенческий волюнтаризм, или богема, проник и в Художественный институт. Гасить этот «пожар» туда отправился секретарь ЦК комсомола А. Ференсас. На встрече со студентами он совершенно напрасно ввязался в пустой спор, стал критиковать будущих художников за узкие брюки, бороды и вообще не комсомольское поведение. Между студентами и оратором возникла сердитая и язвительная напряженность. Вдруг С. Красаускас довольно грубо крикнул:

— Обернись!

Ференсас обернулся. Над его головой висел портрет Карла Маркса. — Видишь, и твой вождь с бородой, — съехидничал из зала Р. Калпокас.

Встреча сорвалась. Ференсас написал жалобу. Чьими–то стараниями она попала в Москву. Нашлись и другие добровольные активисты,

желающие помочь Художественному институту подняться на должный уровень, поэтому КГБ получил указание собрать весь материал. Выполнили это очень добросовестно и, не найдя особого криминала, передали материал в ЦК комсомола. Пройдя через несколько рук, дело попало ко мне на стол. Поэтому со всей ответственностью я могу сказать: по тому делу никто не пострадал, разве что один Тарабилда на год попал в армию, да Штромас лишился опеки Снечкуса.

Больше всех своих непослушных деток защищали писатель Антанас Вянцлова и председатель Верховного суда ЛССР А. Ликас. Первый даже заболел и попал в больницу. Только один Юстас Палецкис(старший) сказал мне о своей дочери:

— Ты комсомолец, и она комсомолка, поступай, как подсказывает твоя комсомольская совесть.

Весь базар закончился в кабинете Антанаса Снечкуса.

— А слушай, они кто?

— Талантливые, не вмещающиеся в собственной шкуре барчуки. Им просто неймется, — ответил я заранее заготовленной фразой, которую не раз обсуждал с друзьями.

Секретарь долго смотрел мне в глаза и очень серьезно спросил: — Они представляют хоть какую–то опасность?

— Нет, может быть, настолько, что со временем принесут

Литве немало пользы.

Я видел, что секретарь был очень доволен моим ответом. Ему не нужно было допрашивать высокопоставленных чиновников, наказывать их и объясняться с еще более высокопоставленными, поэтому он назначил меня переводчиком для прибывшей из Москвы комиссии.

— Не буду тебя учить, что им переводить, а что не нужно. Оказывается, ты и сам знаешь, — сказал он. — А ты, товарищ Ференсас, олух, комсомольский перестарок. Тебе надо где–нибудь попасти людей постарше самого себя. Бумаги — в архив. Прессе — ни одной страницы, они и так перестарались.

Если бы сегодня Т. Вянцлова не строил из себя великого диссидента и мученика за литовскую культуру, последующего я не стал бы писать. Человек, передававший мне дело и не получивший возможности выслужиться, рассердился:

— Ничего нового. Мятеж жидовствующих молокососов.

— Но ведь Венцлова!

— Его бабушка — еврейка. По их законам не важно, кто отец. Если мать еврейка, то и дети евреи. Поэтому они так ценят этого мемзера.

— Но ведь отец!

— Отец как отец, переживает, лечится от инфаркта, а все окружение сыночка еврейское, литовцами там и не пахнет. Он работает с ними и на них. Если ты сам пописываешь, советую особенно не углубляться, — вещал пророк, в погонах и не с Синайской горы.

Впоследствии этот конфликт между Томасом Вянцловой и писателями Литвы разросся до такой степени, что его дважды байкотировали при попытке вступить в Союз писателей. Обструкцию организовал наш сверхидейный председатель А. Беляускас, который часто путал государственный карман писателей с собственным. При раздачей жилплощади он выделил себе сразу две квартиры: одну для быта, вторую для творчества. Там и рождались его литературные шедевры, которые окружение Т. Вянцловы покусало как следует. Вот и вся суть конфликта, ничего другого моя память не сохранила. Семь комнат с небольшим и отличная усадьба у Лакайского озера. Ведь было за что побороться. Мученики нужны не только диссидентам, хотя Беляускас сегодня оправдывается, что все это добро К. Кайрис навязал ему через силу, а он никак не мог отказаться от милости, оказанной ему заместителем

председателя Совмина.

Став секретарем ЦК КПЛ по идеологии и председателем выездной комиссии, Шепетис мне похвалился:

— Я подписал Т. Вянцлове разрешение на выезд за границу. Это моя первая такого рода подпись. Все равно он здесь не приживется три жены и все еврейки. Скоро не хватит денег для такой роскоши.

От себя добавлю: почти все расходы, связанные с разводами, были оплачены из денег «папеньки–графомана», из–за которых гениальному сыну тоже стоило побороться. В одном из эпизодов участвовали я в качестве серьезного свидетеля, в присутствии которого мадам Вянцловене–Огай отдала ключи от квартиры свекра за обещание выплатить ей одиннадцать тысяч. Это личное дело разводившихся как умели, так и жили, сколько смогли, столько нажили и столько поделили. Но меня, как выходца из патриархальной семьи, удивляло такое холодное, торгашеское расставание людей, когда–то друг друга любивших. Ведь они торговались из–за услуг, которые оказывали когда–то друг другу. Чувства, воспоминания о совместной жизни для этих людей будто и не существовали.

Разговор перешел на литературу, и я опять–таки понял, что главным врагом этого торгашеского, может, даже ремесленнического круга был не насоливший им ярый моралист и любитель намять жене бокаБеляускас, а Эдуардас Межелайтис, необычайно миролюбивый человек богемного склада. Суть спора сводилась к тому, кто кого создал: сделал ли переводчик Бродский поэтом Межелайтиса или поэт Межелайтис своей поэзией натренировал переводчика Бродского?

Этот непристойный спор с различными вариациями продолжается и сегодня «за бугром»: еврейские диссиденты чернят Межелайтиса за то, что он когда–то отказался от услуг Бродского. Домаему вторят В. Кубилюс и С. Геда за обещание выдвинуть последнего на соискание Нобелевской премии как новейшую жемчужину литовской поэзии в противовес поэтической школе Межелайтиса. Ещеничего не было, а этот простачок уже блудничает и по телефону представляется как будущий лауреат.

Будучи в Америке, я познакомился с литературоведом Римвидасом Шилбайорисом. Для журнала «Мятменис» он редактировал интервью С. Геды. Спросил он и мое мнение.

— За что Геда так ненавидит Межелайтиса?

— Возможно, за то, что тот выхлопотал для Геды квартиру без очереди и был крестным отцом его дочери.

— Не может быть! Вот что он пишет: «Межелайтис — никакой не поэт, это фонтан, бьющий на рыночной площади». Я пытался его угомонить — может, говорю, в парке или на городской площади?. Нет, только в центре бабьего базара. Почему писатели–литовцы так ненавидят друг друга?

— При чем здесь литовцы? Геде за этим человеком хоть семь лет бежать, сверкая пятками, и все равно не догнать. А сам как думаешь?

— Не знаю, они очень разные поэты, просто невозможно сравнивать.

— К этому надо добавить литовскую завистливость и неукротимое желание возвыситься над другими.

— Теперь мне все ясно. Но агрессивное мышление Геды, его наглость не годятся ни для какого общения с людьми.

— И с цыганами?

Он усмехнулся:

— В этом, может, и есть доля правды, но я ее не улавливаю…

Но хватит этих отступлений, мой писательский долг — вернуться к «Саюдису», для которого митинги стали основной формой деятельности. Они шли повсюду. Митинговали студенты, чиновники, ученые, писатели и домашние хозяйки. Вот передо мной лежит одна их классическая резолюция, в которой требуют «..лишить А. Бразаускаса почетного имени, которое носил Великий князь Литовский Альгирдас…» Внизу 27 подписей. Этот взрыв общественного кликушества порой казался очень смешным, а порой жестоко оскорблял совершенно невиновных людей, но разбушевавшуюся толпу никто и не думал успокаивать. Каждый себялюбец, как тогда было модно называть, формирующийся политик только подливал масла в огонь. Если бы лидеры тогдашнего «Саюдиса» говорили с людьми предметно, с каким–то представлением о будущем и уважением к инакомыслию, события могли бы войти в более человеческое русло.

Только провели один, как принялись за подготовку следующего митинга. Я снова появился в кабинете генерала Эйсмунтаса, чтобы просить о разрешении. Выслушав мои соображения, он вдруг предложил мне подать в отставку с поста

«руководителя «Саюдиса»» в пользу Ландсбергиса.

— Вы член партии, известный писатель, зачем Вам это нужно? — Прежде всего, я не руководитель. Кроме того, мне ничего не нужно, но Вы обязаны понять, что все идет прахом, империя рушится.

Неужели Вы считаете, что «Саюдис» — выдумка одного человека?

— Я так не думаю, потому и предлагаю.

— Вы еще надеетесь со своими людьми что–то изменить? Побойтесь Бога!

Он вежливо проглотил обвинение, как личное, и снова начал из далека:

— Вы слишком категоричны, у Вас ораторский талант. Один не осторожный шаг может завести людей неведомо куда.

— Я пришел за разрешением на митинг, — ответил я генералу, нас тридцать пять человек, и они решат, кому быть руководителем.

На эти слова он так странно улыбнулся, что мне стало не по себе… Примерно: забавляйся, парень, играй, пока я разрешаю, но не забывайся… А потом изменил направление разговора:

— Ландсбергис более спокойный, интеллигентный, он плохой оратор, говорит невнятно, невзрачен собой… Не думайте, у нас отличная информация и даже некоторые материалы ваших заседаний, — как бы невзначай проговорился генерал.

Ты сам собрал вокруг себя такую помойку, ты и думай, чего с ней добьешься. Я даже заготовил цитату Ленина о том, что ЧК привлекает в свои ряды самые мерзкие элементы общества, но сдержался. Меня охватило уныние. Деятель, занимающий такой важный пост, даже в такое ответственное время сохраняет верность своему порочному правилу и к благородным целям пытается приучить проверенного стукача, а с нормальным человеком не находит общего языка. Ведь это главный порок всей твоей системы! — рвался наружу протест. Ну и бесись, губи «Саюдис» с этим своим Ландсбергисом, только дай разрешение, а там посмотрим… Меня разбирал смех от таких генеральских замыслов, но как я тогда ошибался! Ведь в действительности подобранный генералом человек наилучшим образом выполнил его задачу!

Потом мы вспомнили о совместной учебе в каунасской 4–й мужской гимназии. Он был пионером, я — комсомольцем и

даже у него вожатым. После такого лирического отступления Эйсмунтас набрал по телефону трехзначный номер 420. У меня неплохая зрительная память, поэтому я понял, что он звонит Шепетису.

— Они согласны провести митинг в парке Вингис, а не на площади, Гедиминаса. Мы не возражаем. Второй вопрос решайте сами.

Я обрадовался, что все так хорошо получилось, поэтому не обратил внимания на «второй вопрос». Где–то в подсознании щемило предчувствие опасности: почему генерал выбрал Ландсбергиса, ведь среди нас так много порядочных и умных людей?

Возвратившись к Шепетису, я снова услышал ту же песню. Старательно закрыв двери и осмотревшись в своем кабинете, вождь идеологии начал словами Эйсмунтаса:

— Зачем тебе это нужно?.. Есть люди поспокойнее… Интеллигентнее…

Это было оскорбительно.

— Интеллигентнее тем, что при еде осыпает бороду крошками и чавкает на всю комнату?

— Кончай упрямиться, ведь не хуже меня все понимаешь. Помнишь, как ты отказывался ехать с ним в Индию? А что изменилось? Ничего.

Это наш, проверенный человек.

— А я уже и не наш? — Мы всегда разговаривали очень фамильярно. — Не берите человека с помойки Эйсмунтаса, влипнем все.

— Как в Индии? — съязвил он.

Был такой случай, когда мне предлагали возглавить делегацию, а я не согласился:

— С Ландсбергисом не поеду, тем более, не буду им руководить.

Вместо меня руководителем назначили инструктора ЦК Альфредаса Сербентавичюса, очень аккуратного, веселого человека, который в Калькутте меня предупредил:

— Ты не очень расшвыривайся своими долларами. Мне все докладывают.

— Мои доллары легальные, я получил их за свои произведения, а тому копателю скажи, что я найду способ его

утихомирить.

Такой случай мне подвернулся очень скоро. Возвращаясь домой, профессор накупил несколько сотен флаконов с мумиё и растискал их по чемоданам делегатов. Я оказать такую курьерскую помощь отказался:

— Эугения Шимкунайте доказала, что это чудодейственное мумиё сферментировавшееся говно летучих мышей.

Я говорил нарочито грубо.

— Ну и что? На наши деньги один флакончик здесь стоит 36 копеек, а в Вильнюсе — 60 рублей. Тебе вся поездка окупится.

Меня поразила необычайная алчность профессора, такой напрочь исключающий чувство собственного достоинства говнизм этого *Копейколюбово.* Поэтому я возвратил ему склянки и при всех сказал:

— В*итулис,* не ищи мозгов в заднице, а за доллары я и без тебя отчитаюсь. Не стучи слишком много.

Тогда многие моим словам не верили, а сейчас, когда он из–за прогнившей хибары сотрясает всю Литву, верить или не верить уже поздно. Господин профессор уже миллионер, так сказать, хорошо проверенный человек не только госбезопасностью, но и мафией.

Если честно, то и я был замешан в ту злополучную историю с хибарой в Качергине. Когда ЦК заставил Совет Министров возвратить Ландсбергисам «в порядке исключения» недвижимое имущество, ком не прибежал Витаутас Седельскис, начальник Каунасского регионального аптеко управления.

— Витенька, ты хорошо знаешь Ландсбергиса. Попроси его не выбрасывать нашу аптеку на улицу. Мы купили домик алитусской конструкции и через месяц–другой все перенесем.

— Если попрошу я, то этот *Копейколюбос* сделает все наоборот. Ищи помощь в другом месте.

Куда только не бегал Седельскис, но везде упирался в глухую стену. Аптеку выбросили. Более того, на аптекарей подали в суд за то, что «патриарх» не обнаружил на веранде шестиметровой дубовой лавки, которую здесь оставил еще до войны. По сравнению с лавкой сарайчик аптекарши владельцам казался вообще богатством, патриотическим Клондайком, а ремонт, который делали на протяжении пятидесяти лет, был признан платой за аренду.

После разговора у Шепетиса с «интеллигентностью» этого

купчика ко мне пристал Ю. В. Палецкис, а на следующий день о том же меня попросил и Р. Сонгайла. Только тогда я окончательно понял, что дело складывается гораздо серьезнее. Мне уже пришлось изворачиваться:

— С каких пор вы забеспокоились о кадрах «Саюдиса»?

На очередном заседании Инициативной группы появился сияющий Ландсбергис и заявил:

— ЦК постановил, что «Саюдисом» руководить буду я, поэтому я и буду вести митинг.

Его тут же поддержали Чепайтис, Вайшвила и, конечно, Чекуолис. Несколько посомневавшись, группа «ради общего дела» проголосовала за него, а профессор, почувствовав себя хозяином положения, тут же начал с мелкой интрижки:

— Уважаемый поэт, — обратился он к Сигитасу Геде, сидящему по другую сторону стола, — спросите Петкявичюса, будет ли он выступать на этом митинге?

Участники заседания аж рты поразевали, так как Ландсбергис сидел рядом со мной, а Сигитас, этот не ведающий трезвости кладезь благородства, чувствительности и поэтического восприятия, перевесившись через стол выдохнул, как было приказано:

— Витас, ты выступишь на митинге?

После такой «проделки» все мои друзья молчали, будто набрали

в рот воды, и, опустив головы, искали под столом то, чего не теряли. Ругался лишь один А. Медалинскас, сильно запоздавший на шабаш сторонников Ландсбергиса.

Только уполномоченный Центральным Комитетом профессор начал готовить митинг на 23 сентября, как к нему причалил весь «монолит» Чепайтиса. Один Юозайтис еще держался в стороне. Вот тогда эта агрессивная группа прилипал и начала эксплуатировать подброшенный учреждением Эйсмунтаса миф о необычайной интеллигентности Ландсбергиса, а будущий ведущии митинга каждое заседание завершал своим обычным интеллектуальным хихиканьем и невинными, уже не только для меня оскорбительными насмешками. Так «общее дело» превратилось в давление небольшой группки, хорошо организованной и информированной со стороны, над большинством, которое молчало и защищалось коллективной вежливостью. Так родил ось «агрессивное меньшинство», запланированное в «Черном сценарии». Я не успокоился и

обратился к Бразаускасу, так сказать, своему лучшему другу, но он все отрицал и почему–то предложил выпить за эту похабную ложь виски с кофе.

— Правильно, было такое заседание бюро. Эйсмунтас осветил положение и предложил нам в будущем поддерживать его протеже, — честно признался секретарь ЦК и рассказал несколько деликатных подробностей о том, как КГБ через своих людей уже управляет ситуацией в «Саюдисе».

— Ну, а Бразаускас?

— Он одобрил эту идею.

Не стал отрицать этого факта и другой член бюро, Астраускас, но ни в какие подробности не вдавался, а я все еще не верил в такое

предательство.

— Вы подвергаете нас нападкам, а мы защищаемся, — оправдывался старый приятель, разменявший нашу несколько напряженную дружбу на разукрашенную Эйсмунтасом всеобщую беду. Последним об интеллигентности Ландсбергиса заговорил тогдашний министр внутренних дел, «черный полковник» Лисаускас. Когда после митинга разъяренная толпа втолкнула меня в его кабинет, я выглядел как рождественский гусь: весь ощипан, весь мокрый, будто извлеченный из льнотеребилки, рукав оторван. Министр с огромной московской и местной свитой наблюдал за окруженными на площади людьми и пил кофе.

— Как ты сюда попал? — удивился он. — Я звонил Ландсбергису.

— На площади Гедиминаса назревают беспорядки. Он боится толпы и не умеет ею управлять, поэтому позвонил мне. Как можно быстрее уберите кордон, выпустите оттуда людей, иначе я за последствия не ручаюсь.

— А тебе и не надо ручаться. Теперь вашей сходкой будет руководить Ландсбергис, — ответила очередная весьма интеллигентная персона, и добавила: — Так решил ЦК.

Еще позднее, когда мы наконец выяснили, что Чепайтис действительно внедрен в «Саюдис», нынешний чеченолог А. Эндрюкайтис

публично зачитал инструкцию КГБ: «Выделять все высказывания правых, направленные против свободы печати и слова, как можно больше показывать по телевидению толпу,

скандировать: Ландсбергис, Ландсбергис! Таким образом будет оппозиционно настраиваться или нейтрализоваться прогрессивная интеллигенция». Вот откуда рядом с невиданной интеллигентностью появился и невиданный суперпатриотизм, вот кто научил сторонников Чепайтиса раскалывать народ во благо одного «хорошо проверенного» человека, которому попустительствующий костел даже пристегнул титул мессии.

Послушное этой чепухе большинство подлинных патриотов свернуло на указанный путь. Теперь уже трудно разобраться, кто был прав, а кто не прав, но этот процесс постоянно углублялся. Для этого «Саюдис» был ликвидирован как самостоятельная организация и превращен в команду на побегушках, действующую вслепую и исполняющую любую провокацию ландсбергистов. Не знаю, откуда А. Эндрюкайтис, тоже очень подозрительный человек, получил эту инструкцию, но благодаря нам по республике разошелся не один ее экземпляр. В ней писалось: «Вследствие крайних действий цели СССР и «Саюдиса» должны сблизиться. Нестабильность, хаос, охота на ведьм отпугнут большинство народа. Вперед выступит агрессивное меньшинство, разговор с которым всегда более краток и перспективен». Так сказать, свои люди.

В скором времени эти две силы не только сблизились, но и стали действовать сообща. Когда в КГБ сфабриковали вербовочный лист на К. Прунскене — «Шатрию», Ландсбергису его передал не кто иной, а сам Валерий Иванов. Вот таким обычным способом был устранен конкурент «папашки» по популярности. Уже третий по счету. После выяснения некоторых деталей этой подлости пал главный исполнитель инструкции Чепайтис, проболтавшегося Иванова призвали к порядку, но Ландсбергиса спасали всеми правдами и неправдами. Больше всех для этого потрудился Бразаускас. На мою просьбу потребовать от генерала Эйсмунтаса полный отчет об этом человеке он коротко ответил:

— Мы не дикари.

А мы попытались через голову своего вождя связаться с Москвой.

Но неожиданно вдохновителя той операции генерала С. Цаплина находят у Большого Каменного моста мертвым, с пробитым затылком. Всеповисло в воздухе. И вот неожиданно на возобновленном судебном процессе по делу Прунскене появляется прихлебатель Ландсбергиса Гаяускас с тем же сфальсифицированным документом. Когда суд потребовал

указать, откуда бывший шеф госбезопасности получил эту бумагу, клеврет сразу потерял память. Дескать, прошло уже десять лет, но, касется, получил от Ландсбергиса… Ни от кого другого он и не мог получить, поскольку единственная копия этой фальшивки осталась у Цаплина.

Сегодня многие исследователи «Саюдиса» обвиняют Ландсбергиса в том, что он не был или не хотел быть «честным политиком». Это детское обвинение, он не только не хотел, но и не мог быть таким, поскольку понятие «честный политикую > считал и продолжает считать абсурдом, предрассудком ограниченных людей. Этот предрассудок необходимо постоянно и без зазрения совести использовать для собственных целей согласно широко распространенной формуле: дела и деньги дураков принадлежат умным. Словом, противников и ненадежных друзей необходимо умышленно обманывать, распускать о них сплетни, очернять их дела, а если они когда–то были соратниками или друзьями, то теперь сами виноваты в том, что свернули на путь, не им указанный. Такое поведение уже с юных лет стало нормой его жизни, а «Саюдис» только предоставил для этого дополнительный резерв всю черную работу за него должны были выполнить стравленные им соратники, которых он потом сможет без особого труда столкнуть руками обиженных или обижаемых без риска проиграть самому или утратить влияние на обе стороны.

Именно поэтому он нигде не позволял себе ни о ком острых или по–человечески эмоциональных высказываний, именно поэтому при принятии любых решений он не бывает принципиальным до конца. Более того, он, как добрый «папуля», позволяет себе защищать кого то от нападок своих клевретов. Но и это делает очень сдержанно, обдуманно, не давая жертве возможности реабилитироваться полностью, так сказать, не отбивает у кувшина ручку, если предполагает в будущем за нее ухватиться.

Мне кажется, что суть его «интеллигентности» заключается в том, что для собственной честности он всегда устанавливал иные пределы, нежели для прочих нормальных людей, поэтому всегда и везде оставался и остается честным только сам перед собой и своими целями. Все прочие — и друзья, и враги — только питательная среда, глина, которую можно мять, не пачкая рук. А если для такой работы не хватает сил и терпения, ее можно сделать хотя бы и ногами других.

Вспоминаю, как газета «Вечерние новости» напечатала анкету

для определения самого популярного политика. Все время лидировал Бразаускас. Пронюхав это, Чекуолис выступил с идеей устроить высокий рейтинг кому–нибудь из наших. Называлось несколько фамилий, но секретариат, возглавлявшийся Чепайтисом, дал указание всем группам поддержки «Саюдиса», чтобы они называли только Ландсбергиса. Пошел новый поток писем. «Вечерние новости» были вынуждены опубликовать < <правду», а в штаб–квартире «Саюдиса» над дверями появился плакат: «Ландсбергис — самый популярный мужчина в Литве». Заметьте, не политик, не деятель, а мужчина(!), хотя настоящим мужчиной от него никогда и не пахло. Это было сделано не без иронии, ведь все видели и понимали, что это за атлант, что это за плечистый мускулистый парень. Но в дальнейшем эта ирония обратилась против нас самих: людские уши привыкли слышать об этом сутулом худосочном человеке как, о «гиганте», поэтому люди не желали знать никого другого, тем более что он действовал от имени «Саюдиса» И без зазрения совести пользовался его тогдашней популярностью. Поэтому со всей ответственностью можно утверждать: Литва стала независимой не благодаря Ландсбергису и «Саюдису», а вопреки им.

УРОКИ ИСТОРИИ

– Лена Лолишвили все время следила за моей политической карьерой. Помогала мне ее делать. Лена или Бог — я даже не знаю. Она очень помогла литовскому народу. Все ее предсказания сбылись.

А. Бразаускас

— Так зачем ты, благословенный, столько времени водил за нос своих социал–демократов и бедных избирателей, зачем обещал за их голоса светлое завтра, если для спасения Литвы хватило одной колдуньи? Марш отврат небесных и без Киркиласа не возвращайся!

Ключник Небесной канцелярии св. апостол Петр.

Во время работы над романом «Век последнего покаяния» я внезапно открыл закономерность нашей истории. В Литве, осажденной нашими соседями, занятой товарищами или проданной своими, каждые тридцать–сорок лет в очередной раз начиналось какое–то восстание или возрождение. Словно периодически прорывался нарыв от вечно незаживающей раны, поливал землю предков кровью истосковавшихся по воле детей, а те, горячие головы, не добившись еще ничего хорошего, сцеплялись между собой за власть и принимались искать друзей на стороне. Пользуясь этим, враги привечали сговорчивых, поливали свинцом гордецов и хоронили их за кладбищенской оградой, где–нибудь на горке или просто в глухом, забытом людьми месте, как настоящих самоубийц, поднявших на себя руку или совершивших какое–то иное святотатство.

Потом все успокаивалось, пока не подрастало одно–другое ничего не помнящее поколение… и опять все сначала. От времен Костюшки до нынешнего «Саюдиса» литовцам всякий раз не хватало единства, так как, наслушавшись старых сказок и легенд, они понимали свободу, как какую–то религию или Божий дар. Поэтому, едва получив ее и не соображая, что с ней делать, начинали драться между собой.

Проблему суверенитета за нас решали другие, а литовцы, находясь в этом кровавом коридоре, по образному выражению Ромена Ролана, сильных встречали хлебом–солью, а побежденных и отступающих провожали выстрелами в спину.

Может быть, по этой причине и сегодня наши политики держат носы по ветру, а не против ветра. Верность этой традиции сохранил и «Саюдис».

Уже с первых дней своего возвышения Ландсбергис попытался превратить «Саюдис» в верную ему партию, ввести членство, удостоверения, членские взносы. Эту «идею» Юозайтиса решил провести через Вайшвилу, но их затея не удалась, и он стал подстрекать Чепайтиса. Когда большинство отвергло эту глупость, *«папашка»* остался в тени, перетерпел, выждал время и подбросил этот вопрос на обсуждение второго «Саюдиса», а на Третьем ему, наконец, удалось пронумеровать всех саюдистов и превратить их в свое слепое орудие. Открывая этот шабаш, еще до принятия повестки дня, он сам недвусмысленно предложил себя в почетные председатели, оставляя за собой право представлять или подбирать руководителей «Саюдиса». Так был порожден еще один пророк — Л. Керосерюс, долгое время работавший на госбезопасность.

И снова всплывает черная инструкция: «Чем меньше самодеятельности в движении, тем меньшим будет круг вливающихся в него и симпатизирующих людей». Разве не так рождались большевистские особые группы, тройки, почетные президиумы во главе с вождями всех времен и народов или хорошо знакомый клич «Хайль Гитлер!»?

Провернув эту провокацию, Ландсбергис предложил новую очень невинную «идею», как отличить своих от врагов: в католический сочельник или какой–либо другой святой праздник вечером, в восемь, нет, лучше в девять часов, нужно всем выключить в своем доме свет, на подоконник поставить горящую свечу, сосредоточиться — и размышлять, размышлять… О чем? О чем угодно, наверное, лучше всего о Северных Афинах и авторе этой идеи. Красиво? Неимоверно! А что делать вольнодумцам? А если человек — православный, мусульманин или иудей? Кем бы ты ни был, ты обязан хотя бы таким способом поддержать «Саюдис». Слушая эти глупости, я не вытерпел и стал издеваться: «Автор идеи проявил большую политическую грамотность. Вероятно, он читал «Али Бабу и сорок разбойников», нотам шли в ход крестики, начертанные на дверях мелом. А может быть, он слышал, что так гасили свет в Польше во время большой щецинской резни? Может быть, он читал, что похожая техника использовалась во время геноцида армян? Предлагать можно все, что угодно, но, уважаемые, нужна хоть капелька ума, чтобы предвидеть последствия таких

акций».

Однако думать в то время было не модно, все решали выкрики, голосование, большинство. Все клевреты высказались «за». Ну, а если не погасившим свет кто–нибудь высадит окно, бросит горючую смесь или бомбу?.. На это было готово юридическое оправдание: мы не отвечаем за действия отдельных членов «Саюдиса», мы принимаем на себя ответственность только за коллективные акции. Так записано в статуте «Саюдиса», а пострадавшие могут обращаться куда хотят, и если они не найдут правды, виновато будет руководство, плохо организованная им перестройка.

Сейчас, когда читаешь записи о таких «стратегических» предложениях, смех берет. Многие читатели не поверят в эти глупости. А тогда?.. Ночи напролет по улицам шатались озлобленные люди и искали малейших поводов, чтобы сцепиться. Это была отвратительная провокация, горьких последствий которой худо–бедно удалось избежать совместными усилиями.

Много знал и во многом разбирался этот мудрый лидер, пока за его спиной трудились консультанты из госбезопасности. Поэтому, придя к власти, он часто с тоской повторял:

— Независимости нужна искупительная жертва!

И, как известно, не столько «накаркал», сколько сам ее спровоцировал. В московской инструкции была такая фраза: «… при отсутствии идей людей объединяет любая утрата».

На совести Ландсбергиса и Аудрюса Буткявичюса — кровь тринадцати жертв1. Это по их воле несколько десятков переодетых пограничников были размещены в Вильнюсской телебашне. Они стреляли сверху вниз по толпе боевыми патронами. Какая чепуха — утверждать, что участники штурма, которые стреляли снизу холостыми, могли поразить собравшихся у подножья телебашни людей. Я собственными глазами видел, как отскакивали от асфальта пули и пролетали рикошетом мимо моих ног. О том, как все было, мне рассказывали и несколько пострадавших пограничников. Они пытались восстановить правду через прессу, но ничего не могли доказать, поскольку были вычеркнуты из числа защитников.

Участника подобных уличных боев Артураса Сакалаускаса застрелили из мелкокалиберной винтовки, когда он слишком далеко отбежал от парламента. По словам прокурора Асташки, расследовавшего это дело, такого оружия у проезжавших мимо

русских офицеров не было и быть не могло. Более того, они вообще не стреляли.

«Нужно было разъярить толпу, — рассказывал в одной лондонской газете исполнитель этой акции, стратег Аудрюс Буткявичюс. — Размещая в башне переодетых солдат, я очень рисковал». Многократно хвастал он в Сейме своими заслугами, затем поехал в Палуше попугать Ландсбергиса. Просил очень немного — пост директора Департамента безопасности, но опоздал. Ландсбергис уже располагал оперативными данными о вымогательстве этим «стратегом» крупной взятки. Как ни странно, оба пользовались услугами одних и тех же информаторов.

У меня перед глазами письмо–отчет моего доброго друга и замечательного писателя Бориса Олейника, написанное М. Горбачеву. Этот чрезвычайно порядочный человек был у Горбачева членом совета и доверенным по особо ответственным делам. С группой депутатов Верховного Совета СССР его послали в Вильнюс помочь выйти из создавшегося положения. Неожиданно самолет на целые сутки задержался в Минске, поэтому у нас Олейник появился только утром 14 января. Выполнив свою миссию, он навестил меня и за обеденным столом рассказал, что сделала комиссия за эти дни в Вильнюсе. Он написал свой отчет Горбачеву и окончательно с ним поссорился.

Олейник утверждал, что, даже запоздав, депутаты сделали все, чтобы избежать еще больших жертв. Положение в Вильнюсе было настолько напряженным, что в любой момент мог произойти катастрофический взрыв. Тогда погибли бы еще сотни человек. Стороны конфликта (военные и гражданские) вели себя вызывающе, провоцировали друг друга.

Далее в своем отчете М. С. Горбачеву Борис Олейник рассказывал: — *Совершенно растерявшийся Ландсбергис призвал тысячи человек, чтобы они его защищали. Опасаясь штурма, он старался задержать нас в парламенте как можно дольше. Мы же доказывали ему обратное: чем скорее мы начнем переговоры с военными, тем будет лучше для обеих сторон. От этого выиграет вся Литва.*

Военные были до крайности раздражены (вспомним инструкцию, позволяющую им действовать по обстоятельствам. — **В.** П.). *Командиры жаловались, что в последнее время они подвергались травле не только со стороны печати, радио и телевидения, но и со стороны гражданского населения, которое*

забрасывало их камнями, обзывало оккупантами и без перерывов митинговало перед воротами Северного городка). Напряженность усиливали жены и дети военнных, прося защиты от постоянных издевательств и оскорблений.

Относясь с пониманием к их боли, я все же пытался выяснить, кто дал приказ штурмовать 13 *января телебашню. Командиры ответили, что военные двинулись сами, желая помочь своей депутации, которая направлялась в парламент с петицией, но в пути была остановлена и избита. Несмотря на это мы все равно требовали показать приказ или сказать, кто из Центра его отдал.*

Генералы несколько раз уходили в отдельную комнату советоваться, а мы в ожидании ответа курсировали между военными и Ландсбергисом, пока в 22 *часа* 14 *января не усадили обе стороны за стол переговоров. Наконец мы вынудили отменить приказ о введении в Вильнюсе комендантского часа. Тогда и люди стали расходиться от парламента.*

Не могу передать словами напряжение того дня, но попробую дать оценку действиям обеих сторон. Этот грозный эпизод Я вспомнил только для того, чтобы иметь возможность еще раз заявить: сами военные без приказа или устного разрешения не могли даже тронуться с *места. Сейчас, опираясь на собственный опыт и побывав во всех горячих точках, могу сделать достоверный вывод, что и эта трагедия, Михаил Сергеевич, произошла не без Вашего ведома. Так было в Карабахе, Сумгаите, Баку и Оше, так было в Фергане, Тирасполе, Цхинвале и Тбилиси… Поверьте, мне очень хочется ошибиться, но все делалось по одному сценарию,* о *котором Вы, как обычно, якобы ничего не знали, не понимали, разводили руками и уже* с *опозданием посылали нас, свою пожарную команду, все выяснить, но и нас по заранее заготовленному плану задерживали на полпути.*

Работал один сценарист, но, самое странное, с *обеих сторон. Кто отдал приказ, кто нашептал, кто велел Ландсбергису заранее, за два дня собирать людей к парламенту, если Вы ничего не знали* о *штурме?*

Почему было разрешено задержать и избить русскую депутацию, если Ландсбергису о *ней сообщили заранее?*

Почему позволяли Терляцкасу и ему подобным, учинять безобразия перед Северным городком?

Кто предупредил Буткявичюса о *том, что, во избежание*

кровопролития, в штабе было принято решение стрелять холостыми?

Он в течение двух дней кричал об этом по радио и через мегафон…

На эти вопросы сегодня и я могу ответить: в совещании у военных участвовал не только Миколас Бурокявичюс, но и представители КГБ, подлинные авторы «Черного сценария».

О подготовке военного переворота неожиданно узнал и я. Меня принял Бурокявичюс и, не спрашивая о цели моего визита, предложил стать членом Комитета национального спасения. Изрядно удивившись, я спросил, кто придумал эту глупость, ведь без армии осуществить подобный замысел невозможно.

— Если будет нужно, будет и армия, — ответил он.

— Вы безумцы, ответил я и спохватился, что поспешил. — Хорошо, допустим, я согласен. А кто будет председателем комитета, ты?

— Нет, мне нельзя, будь ты.

— Хорошо, я уже председатель, а что дальше?

— Все делается на высшем уровне.

— Но что конкретно?

— Пока что это секрет.

— Я пришел к тебе просить газетной бумаги. Дашь ее на задуманную мной газету?

— Если пойдешь, дам.

— За такую низкую цену — такой огромный риск?

— Подумай, как следует, ведь ты же коммунист.

— Ты считаешь, что без партбилета я неспособен думать? Ничего не добившись, я уведомил об этом руководство КПЛ, но там только усмехнулись. Когда подошел Касперавичюс спросить моего согласия, я ответил со смехом:

— Дураки, Ландсбергиса надо сбрасывать навозными вилами, а не танками. Вы преступники, а этот тип ведет с вами двойную игру.

Этот мой ответ он опубликовал уже после событий 13 января, выгораживая себя. Более того, когда «каспервидение»l стало для Бурокявичюса обузой, он предложил мне взять на себя это дело. Теперь уже было не до смеха:

— Миколас, это преступление, предлагайте Чепайтису. Сидевший рядом Касперавичюс мне спокойно ответил: — Мы об

этом уже говорили с Вагнорюсом. Он согласен. Будет создан специальный общественный комитет.

Эти слова пробудили во мне странное подозрение. Об этом я рассказал Ю. Весялке и А. Бендинскасу. Они согласились, что предложение более чем интересное. Мы пригласили к себе Касперавичюса. Он торопил нас с принятием решения и сказал, что согласие на это дано Москвой, но с одним условием: чтобы телевидение не служило одному лишь Ландсбергису. Мне снова показалось, что дурно запахло. До сих пор не могу понять, каким образом в эту аферу оказался замешанным Г. Вагнорюс. Поэтому я вынужден повториться: сценарий осуществлялся с обеих сторон, а пострадали невинные люди.

1 Так называли телевидение, которым ведал Касперавичюс.

Кроме того, скажите, кого третьего июня представляли члены Инициативной группы? Кто их делегировал? Кто их выбирал и обязал на такой шаг? Где эти организации, общества, союзы? Где те полномочия, статьи, пресс–конференции или выступления по телевидению? Спросите Ландсбергиса, где постановление об избрании его председателем «Саюдиса»? Такого документа не было и нет. Кто уничтожил или спрятал протоколы Инициативной группы, коли таковые имелись? Если найдется что–то, я готов снять большую часть своих обвинений. Но ничего нет. А если в группу и было привлечено десятка полтора известных и признанных обществом деятелей, то они были нужны только для прикрытия. Сегодня это никому не нужно доказывать, но в то время мы находились под воздействием необычайной эйфории, поэтому о какой–либо подлости «своих» боялись даже подумать.

Мы, старые идиоты, были рабами идеи. Готовили академические мониторинги, писали экономические и политические трактаты, создавали законы, которые, как оказалось, никому не были нужны. Сколько бессонных ночей и творческого полета ушло на это творчество, превращенное ландсбергистами в обычную макулатуру.

Вспоминаю, я шел на встречу с Николаем Слюньковым.

С этим интересным человеком я познакомился в Минске. В то время он был директором тракторного завода. В столице Белоруссии проходила декада литовской культуры и искусства. Нашу группу опекал Слюньков. После всех торжеств за бокалом вина мы с ним крепко поспорили и не заметили, как «набрались». Гостеприимный хозяин утром поднял нас довольно рано и предложил опохмелиться. Во время «лечения» мы еще

сильнее сцепились, за что дома я получил нагоняй. Я понял, что мои разглагольствования были записаны. Антанас Снечкус выговаривал мне:

— Свиньи эти гуды[6], но и ты не лучше…

— Кто бы мог поверить? На таком уровне!

— Подслушивают и повыше. Твое счастье, что белорусы не намного отстали от тебя… Здесь работали другие, наши…

Во второй раз со Слюньковым мы встретились как старые приятели на шестидесятилетнем юбилее писателя Василя Быкова. На телевидении мою приветственную речь основательно обкромсали. На следующий день, улучив момент, я подошел к Слюнькову. Теперь он уже был первым секретарем ЦК КП Белоруссии, поэтому о каких–либо спорах не могло быть и речи. Я только пошутил:

— Неужели длинная колбаса так опасна?

— Не понимаю тебя, — ответил он.

— Когда поздравляли Васю, я в своем выступлении сказал, что длинная колбаса лучше, чем длинная речь… Все это вырезали.

— Не может быть.

Мое приветствие во второй раз было показано полностью, а мы с ним по такому случаю еще раз пропустили по бокалу, но на сей раз только шампанского.

Вот теперь, появившись в нашем ЦК, он меня узнал и подошел:

— Здорово, писатель!

Такой фамильярностью член бюро ЦК КПСС выдал мне очень большой вексель, поэтому наши деятели поспешили включить меня в сопровождающую его свиту. Тогда он говорил, спорил и учил жизни не таких тузов, как я. Мне оставалось довольствоваться малым.

— Хотите самостоятельности? — сказал один из советников члена Политбюро, доктор экономических наук. — Пожалуйста!.. Но сначала верните 40 миллиардов, которые Союз вложил в вашу республику.

— Вложить вложил, это правда, но сколько забрал? По 58 копеек с каждого заработанного нами рубля. — Отличная водка удесятеряла мою смелость. — Где в мире вы видели такие проценты? Мне кажется, эти инвестиции давно окупились.

— Ты ведь не борщ хлебаешь, а разговариваешь с

ответственным человеком, — напомнил мне о моем месте доктор наук.

Старшинский тон меня разозлил:

— А сколько вы вывезли? Не только бекона. Я — о двухстах тысячах… А сколько не вернулось, замерзло, погибло, а сколько еще и сейчас ломают спины?

Он побледнел, но взял себя в руки и с горечью сказал:

— Вывозили не только вас, русских там еще больше оказалось.

Среди них и мои родители.

— Это ваша внутренняя проблема.

— Неправда, если бы была только наша, я сюда бы не ездил.

Я понял, что перегнул.

В конце концов мы согласились, что это некрасивая и непристойная бухгалтерия и что о ней нужно забыть, так сказать, начинать все

с нулевого варианта, т. е. со дня будущего развода.

Я извинился, но тоже с условием:

— Вы эту бухгалтерию нам навязываете, поэтому я и защищаюсь этими всем надоевшими римскими счётами.

Через какое–то время мы опять начали разговор о том, что занимало нас обоих.

— Хотите суверенитета? — учил нас другой подозванный на помощь специалист с еще более высоким научным званием. — Пожалуйста, но тогда расплатитесь или выкупите строения, землю, коммуникации.

— Землю своих предков? У кого? За что? Почему?..

— Если земля является общественной собственностью, то, если оторвать от общего хоть малую часть, она становится частной. За это нужно платить. — Он излагал собственную теорию.

— Спасибо, теперь мне ясно, кому мы должны, почти ясно сколько, неясно одно — за что? Вы нас захватили, и мы еще должны заплатить за такую милость. Это пахнет татарским ясаком.

— Не надо, — остановил он меня. — Хватит.

Так о цене мы и не договорились, но мне сейчас ясно, откуда взялись те ландсбергистские 46 миллиардов компенсации

ущерба, предъявленные к оплате русским! Они строили, финансировали, подсчитывали, мы разрушили и еще столько просим возместить. Как видите, никакой самостоятельности, только мы, копируя, всегда умножаем. Логика обеих сторон очень сходна: если мы отделяемся, то сразу становимся не всем народом, а какой–то непонятной серединой между загнивающим капитализмом и расцветающим лагерем социализма. Для гостя это было непререкаемой истиной, а для нас — очередным поводом поважничать: если мы становимся свободными, вы за эту свободу нам еще доплатите. Пятясь, мы делали ВИД, что нашли единственно правильный путь, а на деле лишь искали себе оппонентов.

Как это похоже на всепобеждающее коммунистическое учение Маркса! Если всепобеждающее, значит, уже не учение, если единственный путь, то это уже не путь, а каунасская аллея Свободы… Если русские не доплатят нам за свободу, то американцы заплатят за неволю… Поэтому обе стороны до сих пор не правы, поэтому, устав от споров, мы перенесли учение в свежие анекдоты. И, надо сказать, что мои оппоненты чествили эту «святую» теорию в анекдотах покрепче моего. Рассказывая забавные истории, они были искренними и смелыми в гораздо большей степени, чем мы.

После моего возвращения из тех поездок саюдисты стали меня расспрашивать, что и как, каковы перспективы нашего движения. Особую активность проявлял Чепайтис. Пошептавшись с Ландсбергисом, он стал меня обвинять:

— Остротой своих высказываний ты можешь все испортить.

— А если будем завертывать в вату, все может сгнить. Но откуда ты, Юозас, знаешь, о чем я с ними говорил?

Он смутился, покраснел и тут же ответил:

— Вся Литва говорит.

— Если вся, значит, никто, а ты передай своим суфлерам, что Слюньков берет меня на работу в ЦК КПСс. По делам «Саюдиса». Оба растерялись, а я их пощекотал еще больше.

— Вы оба — не пинкертоны, а я не Шерлок Холмс, — решил я блефовать до конца. — От нашего блошиного пинка империя не погибнет. Она может рухнуть только изнутри, поэтому, господа музыканты, просите генерала Эйсмунтаса, чтобы он вооружил вас иерихонскими трубами.

Эффект был неожиданным. Они буквально остолбенели, притихли, претензии их будто рукой сняло, а я, зная, что

Ландсбергис в «Саюдис» пришел с кафедры марксизма–ленинизма консерватории, сталего поддразнивать, говоря, что это всепобеждающее учение сильно недомогает только потому, что никто к Коммунистическому манифесту еще не написал музыки — это и было бы завершающим доказательством непогрешимости учения.

Забавно блефовать среди людей, в чем–то провинившихся. Они тут же начинают озираться, отбиваться и совершать непоправимые ошибки. Мои подначки сразу высветили державшихся в тени членов группы, которые исподтишка стали распространять слухи, что я провокатор. Вероятно, они предпринимали еще какие–то шаги, потому что из Москвы пришло известие, что на меня есть какой–то материал, препятствующий моей поездке в Польшу.

Господи, в Польшу! Нашли опасную страну!..

В Варшаве я встретил товарища по учебе в университете, который пошел на работу в «органы» и курировал писательские организации Москвы. Полковник В. Бетиев предупредил:

— Витас, осмотрись, у вас есть такой туповатый, но очень пронырливый человек, работает переводчиком. В Москве он порядком намусорил, поэтому бросается на любую наживку. Фамилию я не помню, но и зная, не сказал бы. Не хочу нарушать правила своей работы. Но могу описать, как он выглядит. Вас там немного, различишь: невысокий, вислозадый, кучерявый, как овечка, подавшаяся вперед фигура, плечи тоже выдвинуты вперед, волочащаяся походка, пойманный на вранье начинает сильно моргать…

- Чепайтис!

- «Юозас».

В Вильнюсе это подтвердил и полковник госбезопасности Юозас Милькявичюс. Вот когда я заинтересовался Василием Чапаевым, который, согласно анекдоту, скрывался у нас в «Саюдисе» под именем Виргилиюса Чепайтиса. Вообще, мне было трудно заставить себя шпионить, но этот человек причинил Литве столько вреда, что было необходимо вывести его на чистую воду.

— Нельзя ли взглянуть на его приданое? — спросил я приятеля. Тот пояснил, что никто не покажет мне документа о его вербовке

без разрешения высшего руководства, но научил, что нужно рукопись или отпечаток с его печатной машинки передать в

судебную экспертизу, которая и установит идентичность имеющихся документов и его нынешнего почерка.

Из рабочих дел мы извлекли несколько доносов, помеченных общим грифом «По сообщению агента Юозаса». Потом нашли несколько записок, написанных лично мне. Йонас Авижюс со своей супругой предоставил очень оригинальные документы и даже рисунки.

— Таких нужно давить! — кричал он, роясь в ящиках огромного комода. Ползал на коленях среди кучи бумаг и не мог успокоиться. Таких нужно топить, как котят, еще до рождения.

Экспертиза дала положительный ответ: вся эта макулатура написана той же рукой и на той же машинке, что и «сочинения».

Собранные материалы и документы я отнес Томкусу.

— И у нас кое–что есть, — признался он. — Еще подождем.

В следующий раз для верности я привел к нему полковника Милькявичюса. Редактор мялся, упирался, и только после того как мы сказали, что у нас кое–что есть и про него, согласился напечатать, но сделал все так хитро и продуманно, что остается только диву даваться. Он не написал, что выявленным агентом является Чепайтис. Был назван только его псевдоним, и несколько раз публиковалось предупреждение: Юозас, признавайся, даем тебе недельный срок… Практически он предупредил Чепайтиса и дал ему время на подготовку. Только после моего третьего посещения редакции, когда я доказал, что Чепайтис уже написал Ландсбергису исповедь на четырех с половиной страницах, что этот жулик может повернуть дело черт знает Куда, Том кус передал материалы брату в газету «Мажойи Летува», которая и раскрыла, кто этот таинственный Юозас. Так была выявлена правая рука Ландсбергиса, его опора и советчик.

Для многих это было сенсацией. Но немногие заметили, что этим газетным выстрелом был проколот и чрезмерно раздутый пузырь величия Ландсбергиса. С того момента он начал сморщиваться, уменьшаться, пока не стал тем, чем и был, — рядовым мастером парламентских интрижек, поскольку в практической деятельности лишился своего главного информатора и советника. Но кагэбешный тыл был отсечен только частично. С *«папашкой»* продолжала активно сотрудничать «Служба иммунитета» Буткявичюса, возглавляемая Чеснулявичюсом. Ей содействовали такие

огрызки КГБ, как Кареняускас,

Куолялис, Балтинас[7]… Но на них уже был опрокинут колпак общественного контроля, поскольку разоблаченный агент — уже не агент, а лишь архив для мелкого шантажа и писания мемуаров.

И все же до возмездия, до воздаяния этой «папашкиной» дубинке было еще очень далеко. Дуэт Ландсбергиса и Чепайтиса еще только захватывал власть, а наша Инициативная группа попеременно крутила педали этого тандема. Согласно принципу: не покрутишь, не поедешь, а если разгонишься слишком, можешь потерять педали. Пока эту машину толкали, разгоняли все мы. Одни быстрее, другие медленнее, третьи только для виду ехали под общий шумок, задрав ноги. Но такой разнобой еще никому вреда не причинял, просто не мог причинить, поскольку мы всем скопом катились под уклон, а разные детали нашего общественного механизма еще только притирались одна к другой. Но невдалеке уже виднелась гора, высоченная гора гражданской ответственности, для преодоления которой нужно приложить все силы, даже самые маленькие. Но шоссе нас еще не тормозило, через его середину проходил длинный белый пунктир. Это означало, что на этом отрезке нас еще позволяется обгонять. Всем, кто только пожелает, и у кого хватает для этого дыхания. Но желающих не нашлось. По словам поэта С. Геды, мы гнали вперед на заднем при воде, пока велосипед не рассыпался.

Этот привод был единственным, у нас нечем было его заменить, хотя любому более–менее опытному общественному деятелю уже было видно, что наш многоколесный велосипед с каждым днем становится все более похожим на старинную галеру, на которой ритм и энергию начинает диктовать один барабанщик, бессовестно пробравшийся вперед. Но несмотря на возникшие трудности роста, «Саюдис» все еще работал, выпускал свои издания, создавал группы поддержки, проводил митинги и раздавал обещания. Разрушал и обещал строить, фальсифицировал историю и обещал бороться за правду и справедливость, сражался за власть и все обещал, обещал, обещал, поскольку выполнять обещания еще не требовалось, люди пока довольствовались пророчествами. Все происходило как в анекдоте о старом еврее, который на вопрос коммунистов — как мы будем жить в недалеком будущем? — незадумываясь, ответил:

— Вуй, как при Сметоне.

Лучшего ответа не придумал и Ландсбергис:

— Ой, как при моем батюшке в Качергине.

Через несколько лет он осуществил свое видение будущего наилучшим образом. Благодаря его трудам мы оказались в межвоенной Литве.

Приближалось 23 августа 1989 года — круглая дата пакта Молотова–Риббентропа. Требовалось договориться с властями о митинге и времени его проведения. Меня немножко раздражало, что для выполнения всей черной работы выбирали меня или Юозайтиса, тогда как по республике все с большим постоянством стала блуждать легенда о необычайной мудрости и интеллигентности Ландсбергиса. Эта сказка иногда проникала и на наши заседания через уста Чепайтиса, Медалинскаса, Сонгайлы или Чекуолиса, но *Витулис* Ландсбергис упорно молчал и, прячась за чужими спинами, терпеливо ждал своего часа.

Я опять пошел к генералу Эйсмунтасу. Параллельно в ЦК за разрешением должны были отправиться тихоня Ландсбергис и воинственный Гензялис. Не помню, который ИЗ них был выбран старшим. Выполнив свою миссию, я зашел к Шепетису, но там их не нашел. Здесь меня как будто ждали.

— Я уже звонил председателю горисполкома Вилейкису, — похвалился главный идеолог и на всякий случай напомнил: — Вот что значит разделение труда.

Это замечание я воспринял как отеческое наставление.

Препятствий не оставалось. Митинг получился бледноватым. Мы процитировали выдержки из секретных протоколов, которые я привез из Америки. Во время выступления я наскоро прикинул, сколько в тридцать девятом жило за Неманом литовцев–сувалкийцев, поделил на их число 7,5 миллиона долларов и получил мизерную цену, по которой Гитлер продал Сталину каждого еще ему не при надлежавшего литовца[8]. Еще я поговорил о единстве, о совместной работе и закончил выступление где–то услышанной фразой, что каждый народ заслуживает столько свободы, сколько в состоянии ее отвоевать. Потом мы заслушали запись выступления Юозаса Урбшиса.

Кстати, когда мы вдвоем с Гедиминасом Илгунасом впервые зашли к бывшему министру иностранных дел, мы застали у него старого Ландсбергиса. Урбшис был сдержан, шутил, а после ухода гостя мы спросили:

— Вы хорошо знаете этого человека?

— А как же? Это отец Ландсбергиса.

— Правильно, но Вы должны знать, что это очень нехороший человек.

Только при втором посещении Урбшиса А. Каушпедас сделал запись. Его портативный магнитофон жужжал, хрипел, поэтому мало кто уловил важность речи.

Чепайтис говорил об отплывшем куда–то корабле, романтически мечущемся в море судьбы. Потом Ландсбергис пригласил выступить молодого ксендза, но тот так разгорячился, что потерял нить своей мысли, начал ругаться и, размахивая руками, уронил на пол молитвенник. Толпа начала гудеть. Пришлось ксендза усмирять и помочь ему закончить выступление, поскольку он уже безостановочно понес о разврате и проституции. В завершение к микрофону подошел тоже подготовленный Ландсбергисом поэт Сигитас Геда. Он должен был поднять наше упавшее настроение. Он и поднял!

Поэт утверждал, что проблему можно решить одним махом, поэтому не нужно особо волноваться. Литву он сравнил с мышью, а Россию назвал слоном. Согласно его концепци И, мышь должна заставить слона сделать стойку вниз головой на вытянутом хоботе. Как это сделать без бульдозера или крана — ему наплевать. Важно заставить!

А потом эта храбрая мышь должна подождать, когда у задравшего ноги гиганта вся кровь схлынет в хобот и куснуть его сопатку. Слон чихнет и — хлоп! — набок, а мышки и след простыл. После этого на родину храброй мышки съедется множество американцев, понастроят они много заводов и аэродромов, а на краю поля поставят маленький монумент в память о героической мышке.

Мы с Даунорасом начали хохотать, нам казалось, что зверь, с которым должна бороться смышленая мышка, совсем не похож на циркового слона. Он больше напоминал нам медведя, у которого не только нет хобота, но который, если разбудить его зимой, не откажется полакомиться и мышами, не особо переживая, храбрые они или нет. Но люди аплодировали и такой глупости.

Начало накрапывать. И опять рядом появилась та женщина с большим аистовым гнездом, свитым на голове из кос. На этот раз она вела себя по–хозяйски и не так меня стеснялась. Я ее отругал:

— Не надо угодничать, каждый из нас делает свое дело.

Дождь припустил не на шутку. Я расхаживал в пластмассовом мешке и собирал пожертвования на «Саюдис». Падали рубли, марки, доллары. Ко мне приблизилась группа литовцев, приехавших из Чикаго. Среди них был и Валдас Адамкус.

— Когда вы в Чикаго, в Иезуитском центре молодежи говорили о возрождении, мы вам не верили.

— А теперь?

Им было неудобно говорить, что и сейчас они не очень верят в то, что видят… Как это здесь все произошло само по себе, без их ведома, благословения и руководства, а главное — без долларовых инъекций?

Валдас Адамкус в разговор не вмешивался, стоял в стороне, молчал и был какой–то сам не свой, как будто произошло что–то непоправимое. А у меня не было времени, чтобы заговорить с ним. Об этих делах мы уже не раз спорили, когда я приезжал к нему в Чикаго, а он ко мне на дачу в Бирштонасе. Тогда его сопровождала большая свита в нескольких автомобилях. Среди них были академик Витаутас Статулявичюс, Витаутас Эйнорис и служащий госбезопасности Витаутас Кареняускас, «работавший» под преподавателя университета.

Я встретил их в Стаклишкес, они уже порядком «выкушали» хмельной литовской медовухи. Этого добра директор не пожалел и для меня. Я забрал Валдаса в свою машину. Во время беседы он одарил меня всевозможными национальными регалиями, наклейками и робко признался, что возит с собой красивый триколор, но не знает, что с ним делать.

— Если привез, так вывешивай, — сказал я ему, тем более что возле «избушки на курьих ножках», сделанной для моих внуков, был установлен чудный флагшток.

— А я не наврежу тебе этим? — скромничал он. — Видишь, меня везде сопровождают… Знаешь, я никак не могу от них оторваться.

— Но сегодня ты — неофициальное лицо.

— Как тебе сказать?..

Мое предложение одобрил и «преподаватель университета» капитан Кареняускас. Он так жалобно на меня смотрел и так опасался, чтобы я что–нибудь не ляпнул о его «педагогической» деятельности, что одобрил бы и не такую выходку.

По случаю поднятия флага мы выпили шампанского. Это было

первое полуофициальное поднятие триколора в Литве. И поднял его ответственный работник США вместе с такими крупными знаменитостями нашего государства. Это было невероятно.

— Ты смелый человек, — сказал Адамкус. — Я горжусь дружбой с тобой… Но, может быть, я поступил нехорошо?..

У меня мелькнуло подозрение. Ездит со свитой КГБ, с их ведома возит триколор и спрашивает, правильно ли поступает. Это было наивное словесное прикрытие, но кто знает этих американцев? Как нарочно, через несколько дней меня посетил еще один эмигрант – Алмус Шальчюс, сын знаменитого литовского экономиста. Я рассказал ему о подъеме флага, а он рассмеялся:

— Валдас Ада м кус большой специалист по таким делам. Когда нас, ротозеев, удиравших от русских, военная полиция собрала в Сяде и уговорила воевать против Красной Армии, Валдас тоже там появился, в сопровождении резервного офицера отряда, завербованного в саксонском городе Лаубен. В то время он носил фамилию Адамкавичюс, был адъютантом «специалиста» по еврейским делам капитана полиции Й. Кенставичюса и похвалялся перед нами, что он племянник генерала. Я хорошо знал его, мы вместе учились, но другим ничего не рассказывал, лишь бы побольше каши накладывали в котелок. Но когда советы поднажали, Адамкавичус вместе со своей немчурой однажды ночью исчез, оставив нас ни с чем: без каши, без денег, без защиты. Почему–то он этого факта в своей биографии не упоминает. Умалчивает также и о своей маме. Ее фамилия — Каралене. Она живет где–то в штате Индиана. Там тоже что–то не так. В одной из регулярных передач Центра Визенталя «60 минут» были приведены ужасающие факты, касающиеся палача Кенставичюса, чинившего расправу над евреями. Упоминались и его адъютант, и полк в Сяде. Нас с Валдасом допросили агенты ЦРУ и отпустили. Я отказался от сотрудничества с ними, а Валдас пошел на повышение. Готовилось скандальное шоу, но в девяностом году Кенставичюс умер, и евреи оставили нас в покое…

— Когда ни во что не веришь, то и святотатствовать не приходится.

— Врешь. Все святотатцы — самые большие бездельники. Здесь убеждения ни при чем. Такой у них образ жизни.

После двух визитов американцев ко мне на дачу тут же заявилось с подарками все пренайское партийное руководство, а потом — переодетые в гражданское коллеги Кареняускаса, то ли

преподаватели, то ли советники по делам подъема флагов, которые тоже были щедры на подарки, особенно на качественный и дорогой «шнапс», закуски и «жучков» для подслушивания. А один каунасец, назвавший себя мужем директорши ресторана «Трис мергялес», даже просил меня продать свое «поместье» его супруге по очень высокой цене. Но я довольно быстро понял, из какого леса эта Птичка.

— Если Вы такой всемогущий, помогите мне достать аккумулятор для «Волги», — попросил я его, безрезультатно обшарив до этого все дыры. Директор каунасского автосервиса Юозас Сабаляускас тогда передо мной оправдывался: «Не ищи, нигде не достанешь. У меня есть четыре, но это государственный резерв, хоть убей — не могу. Как только получу, сам привезу».

Когда через несколько дней тот «предприниматель» доставил новый аккумулятор и, чтобы все было «как следует», приложил счет, я в душе вздрогнул, так как увидел на нем штамп автосервиса.

— Что ты, Юозас, вытворяешь? — позвонил я приятелю. – Так друзья не поступают. Неужто мои деньги не советские?

— Не может быть. Я все проверю.

Через час я уже слушал его:

— Витас, ты прав. Один аккумулятор мы были вынуждены отдать каунасскому управлению КГБ. Ты меня пойми.

Понял и «предприниматель», тайком собравший своих «жучков», потому что Я пожаловался «куда следует». В той системе, если оперативник «засветился», его либо увольняли, либо засовывали туда, куда Макар телят не гонял.

Об этих приключениях я никогда Адамкусу не рассказывал, а по окончании митинга голова была занята не тем: нужно было порастрясти карманы эмигрантов.

После всех трудов я пришел домой промокший насквозь, но счастливый. Сменил одежду и принялся за свои записи. Где–то через час позвонил Ландсбергис. Он был взволнован, его невыразительный голос заметно дрожал:

— Витас, тебе надо срочно мчаться на площадь Гедиминаса, там несанкционированные беспорядки…

— А кто беспорядки санкционирует? Не понимаю, почему ты, столько напакостив, еще смеешь мне звонить?

— Давай все забудем, будь человеком… Только что звонил

министр и сказал, что положение чрезвычайно напряженное…

— Тебе звонили, ты и поезжай.

— Но и ты несешь ответственность… Ты координатор.

Сын подвез меня к краю площади Гедиминаса. Дальше ехать было невозможно. Масса народа с песнями повернула сюда с митинга, так как никто не хотел расходиться. Переживали и радовались. Кто–то приказал не пускать людей на площадь. Возникло недовольство. На правом краю площади, около Министерства связи, толпа уже кричала, оскорбляла стоявших в кордоне. Милиционеры, взявшись за руки, еле сдерживали толпу. Внезапно из закрывающихся «кабаков» Старого города хлынула опасная, как порох, подвыпившая молодежь. Ей требовалось излить рвущуюся наружу энергию. То тут, то там стали возникать драки. Кто кого лупил — не понять. Я втесался в самую круговерть и стал кричать:

— Хлопцы, соблюдайте порядок! Будьте достойны «Саюдиса»! — Разнести к черту это министерство! Высадить им окна!

— Вы что, сбесились? У палки два конца!

— Петкявичюса арестовали! — крикнул кто–то мне прямо в лицо. — Дурак, вот он я! Никто меня не арестовал! — И, видимо, сам Бог подбросил мне спасительную мысль: — Люди, матушки и батюшки! Не мешайте «Саюдису» работать! — Толпа притихла. Если мы и пойдем к министерству, то только строем, как подобаетлитовцам!

Самые энергичные начали строиться, успокаивать других. Время было выиграно. Неожиданно около меня появились Жебрюнас и его жена Гедре Каукайте.

— А вы откуда?

— Нам позвонил Ландсбергис.

— Здесь не женское дело.

— Я его одного не оставлю, — уперлась Гедре.

Воевать втроем было легче. Жаждущие действий люди наконец построились и двинулись к министерству. Мы шагали впереди. У дверей меня остановил полковник А. Вилкас.

— Нельзя!

— Не валяйте дурака, еще минута — и от вас останется только мокрое место. Не раздражайте людей.

— Чего вам надо?

— Уберите эту дурацкую охрану, выпустите людей. Видите же,

как хлещет дождь. — Меня поддержал ропот милиционеров.

— Я не могу, это приказ министра.

— Тогда веди к министру.

Несколько офицеров, выстроившихся по обеим сторонам, проводили нас по ступенькам. На лестнице через каждые несколько метров по охраннику… Совсем как во время осады. Люди вооружены, грозны… только прикажи…

Министр со своей свитой сидел в кабинете, из окон которого была видна вся площадь, и прихлебывал кофе с коньяком. При моем появлении бутылки сами собой исчезли. Приказы на площадь отдавались по радиосвязи. «Как в Смольном», — подумал я и подошел к Лисаускасу и окружавшим его москвичам.

— Пожалуйста, садитесь, — пригласил он.

Сесть я не мог, на пол с меня уже набежала приличная дождевая лужа.

— Уважаемый министр, снимите охрану, пропустите людей, дальше за порядок мы отвечать не сможем.

— Но почему ты здесь? — удивился министр.

— А где я должен быть?

— Есть постановление ЦК, ты уже не возглавляешь «Саюдис». — Мне на все наплевать, перестаные нервировать людей.

Была дана команда пропускать людей из оцепления группами. Когда все было сделано, появился и «настоящий» вождь. Ландсбергис был чистенький, сухонький. Он уселся к столу с кофе для переговоров, а я вернулся на площадь.

Позднее ревностный последователь Геббельса в своих мемуарах поменял нас местами. Дескать, это он усмирял толпу, а я дул с министром коньяк. Это уже и ложью не назовешь. Это болезнь, паранойя, мания величия. Будто возле меня и не стояли Жебрюнас, Каукайте, полковник Вилкас, будто этого не видели сотни людей, будто *об* этом не писала пресса и не давало комментариев телевидение. Но на больных нельзя сердиться.

На площади меня обступили и блюстители порядка, и «блюстимые».

— Что будем делать?

— Сделайте проходы и начнем пропускать людей группами. Было важно что–то делать, чтобы любой сорвиголова в толпе

почувствовал себя нужным. Благодарные люди шли мимо нас и кричали:

— Ура, мы победили!

Площадь постепенно опустела. Снова послышались песни. Наконец по радио был передан приказ снять заграждение. Промокшие милицейские офицеры разбежались по сторонам, как на первомайском кроссе. Вдвоем с полковником Вилкасом мы подошли к картонной будке, сооруженной объявившим голодовку Пятрасом Цидзикасом. Из большого китайского термоса он пил жирный куриный бульон. Рассердившись, я выплеснул содержимое термоса. Рядом была сооружена целлофановая теплица, в которой вальяжно расположилась группа девиц и парней.

— Мы помогаем Пятрасу голодать.

— Тьфу, черт бы вас побрал. Циркачи!

Плюнув, я уехал с сыном домой. Жена оценила ущерб: один рукав наполовину оторван, порван карман, правая рука ободрана чем–то острым и покрылась черными кровоподтеками…

Когда утром я пришел в штаб–квартиру «Саюдиса», там уже были подсчитаны пожертвования. Мокрые деньги были выглажены, высушены, но среди них не было ни одного доллара.

— Куда девал доллары? — спросил я казначея Урбу.

— На месте, — ответил он.

— У кого?

— Не важно. — Он отводил глаза в сторону.

— Ты, гад, не валяй дурака!

— Какая разница? Ландсбергис сказал, это будет специальный фонд.

— Слушай, детка, я не знаю, на кого ты работаешь, но чтобы эти доллары тут же были оформлены по акту, сложены в пачку и заперты. И не дай Бог я позову с улицы людей и еще раз все проверю.

В ходе разбирательства оказалось, что на собранные мной и другими активистами доллары Ландсбергис купил у французов музыкальный синтезатор и другое нужное ему очень дорогое специальное *обо*рудование. Публично он объявил, что не было другого выхода, что французы нам задолжали и не могли рассчитаться другим путем. Это де был только обмен, а деньги

за это имущество можно себе вернуть. Но… у собаки кости не отнимешь. Где осело то оборудование, думаю, объяснять не стоит.

Так великий интеллигент в первый раз перепутал деньги «Саюдиса» с собственными. Впоследствии такие дела стали системой. Еще позднее пожертвования соотечественников превратились в личную кассу этого господина, источник зарплаты его сторонников, доплат за участие в митингах и финансирование различных поездок за границу. В том же кармане исчез миллион, собранный канадцами для литовских сирот; туда же провалился дар норвежцев литовскому. народу. И снова Ландсбергис выкрутился, заявив, что он якобы создал фонд своего имени. После проверки этого фонда в 1995 году мы *об*наружили, что за время своего существования фонд купил целых 56 пакетиков рождественских конфет для детей, по литу двадцать за штуку. Такая вот фантастика!

Дурные примеры заразительны. Деньгами, которые жертвовали люди, безотчетно пользовались все, кому не лень. Помимо уже упомянутого господина, его прислужников: Чепайтиса, Урбы, Озоласа, 15000 рублей стибрил, казалось бы, неподкупный Арвидас Юозайтис. Эта сумма, полученная им за выпущенный календарь, предназначалась на издание «Вестей «Саюдиса»».

Когда такая неприятная истина всплыла на поверхность, Арвидас оправдывался:

— Меня в Старом городе ограбили бандиты.

— Чего же ты раньше не похвалился?

— Было стыдно признаться. Я спортсмен, думал, вы не поверите. До последнего дня постоянно думал, как вернуть эти деньги.

Примерно так он объяснял в заявлении, написанном на имя М. Мисюкониса. Но интерес к чужим деньгам не оставил этого человека и в дальнейшем. Где он ни работал, везде возникали подобные проблемы. Как–то ко мне обратился учредитель фонда «Сантара» предприниматель Й. Казенас с просьбой описать их беды. По его словам, председатель фонда, начисляя премии, никогда не забывал и себя. За присвоение денег Казенас подал на философа в суд.

Приехав в Паневежис, я ознакомился с сутью дела и не нашел ничего особенного, кроме почерка Юозайтиса — «стыдно признаться». Писать я отказался, так как это могло задеть

многих уважаемых и любезных моему сердцу людей.

При работе над этой книгой чтение записей стало для меня неким обрядом, молитвой во здравие живых и за упокой ушедших. Снова и снова я вижу людей, с которыми меня сводила судьба. Было много друзей, много врагов, но верх всегда брали друзья. Только в период возрождения, по милости ландсбергистов, баланс перевернулся вверх тормашками. Но — так и должно было случиться…

Прежде всего, своих лучших друзей я встречал не в политике. Во–вторых, решив все описать, я часто лез туда, куда не следовало лезть вообще. И, в–третьих, но самое главное, что я попытался жить в соответствии с декларациями, которые провозглашал в своем творчестве. Оказалось, что оставаться самим собой в этой неразберихе было труднее всего.

— На кого тогда ровняться, во что верить? — может спросить читатель?

Прежде всего, нужно сохранять веру в себя, любой ценой, при любых условиях научиться запирать себя в узилище воли, не давая себе никаких поблажек или исключений. А если стремиться к чему–то, то только через людей, проверенных жизнью, через идеалистов типа аушрининков, поскольку только у духовности имеется непреходящая стоимость. Наше возрождение началось гораздо раньше появления «Саюдиса». Ландсбергисты только старались любыми путями заглушить эту истину безмерной похвальбой; своей ложью они заложили народу уши, вычеркивая из процесса первых глашатаев.

Вспоминаю, как о такой возможности меня предупреждал один из первых провозвестников возрождения Казис Борута. Выйдя из тюрьмы, он показал мне собственноручно нарисованный образ Отсробрамской Божьей Матери, с латинской надписью: «Mater misericordia, ого pro nobis». Я смотрел на этого бунтаря и не верил своим глазам. Работа была слишком простой, примитивной, выполненной на гладком холщовом полотенце, а вместо красок использовалась сажа, смешанная с каким–то жиром.

— Я это рисовал для матери, спасаясь от страшного одиночества. Понимаешь, сидишь среди людей, а чувствуешь себя таким одиноким, как глиняный истукан. И, самое страшное, — не тюрьма создала это одиночество, мы его туда занесли с воли. Это изделие гитлеров и сталиных. Сначала они нам подбрасывают какую–нибудь веселую многообещающую теорию, прикрытую митингами и праздничными гуляниями,

потом подразделяют нас на слои и начинают насильственный дележ чужого имущества. Потом узаконивают это насилие не только против врагов, хотя бы и мнимых, но и против друзей. Еще позднее до небес возносят террор и страх, направляют их против любой личности и в конечном итоге формируют суть любой диктатуры: кто не с нами, тот против нас. Только после уничтожения личностей рядовой человек вдруг чувствует себя голым и беззащитным перед беспощадной стаей волков. Вот почему он начинает верить в вещи, деньги, вот почему хватается за любую мелочь, ведь только вещи в этой суматохе еще сохраняют какую–то цену. Из праха вышел,

в прах и обратишься, — гласит вероучение, — но зато спасешь душу; а тут — ничегошеньки, уже так ничего, что хочется выть.

В следующий раз мы встретились за чашечкой кофе и рюмкой в кабинете Леопольдаса Миколайтиса, редактора журнала «Генис». Правда, до этого были мимолетные встречи на улице или в Союзе писателей. После каждой из них он проникался ко мне все большим доверием, но бывал чем–то очень взволнован. Перед ним лежала рукопись «Пакятурё.», предназначенная для «Гениса».

— Когда мы начинаем кого–то любить, — размахивая пухлой рукой, ухал он слова как в бочку, — то один факт тут же пристает к другому и складывается в постоянно удлиняющуюся цепочку лжи. С другой стороны, прирастающая часть истины остается в тени, оболганная, а остатки от нее либо становятся ненужными, либо в них невозможно разобраться, как в куче хлама.

— Но истина фактов все равно остается, — пытался я философствовать.

— Факт — пустой бесформенный мешок. Чтобы этот мешок стоял, нужно его наполнить смыслом. А кто это сделает? Думаешь, мудрецы? Нет, это сделают те, кто делает, — молодежь, вы, — но при одном условии: если вы поймете и добросовестно извлечете уроки из наших ошибок.

— А что это за ошибки?

— Мы полагали, что зашевелится великая всемирная демократия… — А она не шевелится?

— И не будет шевелиться. Если кто–то что–то и сделает, то все заберет себе. Свобода — это не Бурбоны, завезти ее в бронемашинах невозможно. Каждый человек, каждый народ свободен только в той мере, в какой достоин свободы, сколько

может ее отвоевать. Здесь необходим очень точный расчет, так как ненужная жертва — это самоубийство.

Я дивился его бурной энергии и пророческому ощущению истины. Каждое найденное слово истины его словно вдохновляло на следующее. Едва закончив одну тему, он, как за рюмку, хватался за следующую:

— Эта система недолговечна, она развалится, — поучал нас вчерашний узник. — Поэтому нам уже сегодня нужны аушрининки, люди, посвятившие себя делу, которые подготовят народ к такому событию. Страшно оставаться без людей, но еще страшнее остаться среди равнодушных, а нам, литовцам, страшнее всего остаться среди грызущихся между собой корыстолюбцев.

— Послушайте, писатель, — мне казалось, что эти его слова являются запрещенной самим Богом фантастикой, — такая мощная машина подавления и пропаганды, такая инерция!.. Кроме того, развеу нас все так уж плохо? С такими разговорами Вы снова подставите голову.

— Я вас не тороплю, но думать нужно. Такую гигантскую, хорошо продуманную систему невозможно свалить снаружи, она должна рухнуть изнутри. Вот где собака зарыта. Нашим фанатичным вождям все еще кажется вечным и прочным, поэтому они занимаются только ловлей врагов. Когда их не хватает, придумывают новых. Но они совсем не обращают внимания на собственных дружков. Им кажется, что недостойное поведение или тупость отдельного человека, верного системе, не только не может изменить существующий порядок, но хотя бы оставить заметный след. Понимаешь, медведю не страшен один комар, вытягивающий кровь по капле. Но таких комаров наплодилось миллионы. У всех на глазах государственный аппарат постепенно, но непоправимо превратился в мафию взяточников, мошенников, комбинаторов и подхалимов. Процесс с каждым днем углубляется. Видимо, недалеко то время, когда эти короеды потрясут все здание государства, которое начнет раскачиваться…

Эти слова я как–то подзабыл, их вычеркивали из моих прежних работ цензоры, но сейчас их вернули перестройка и «Саюдис». Я разыскал старые рукописи, записи и удивился — 1958 год!.. И как все точно! Этими словами К. Борута громил советскую систему, он делал это сразу после войны. Сейчас 2000 год, мы независимы, но ничего от этого не изменилось, все стало только хуже, обрело более рафинированные формы и

более хитрое прикрытие. Снова идет тихая, упорная и необыкновенно жестокая война. Война за передел имущества. Этого многие не желают понять. Даже не хотят замечать, что нам, как и в девятнадцатом веке, понадобились аушрининки. Больше всего! Ведь он не сказал — ораторы, организаторы, добровольцы, гренадеры, партии зеленых или погонщики слонов. Не сказал он и — циничной западной демократии, которая, шевельнув за нас пальцем, все загребет себе на пользу. Конечно, часть оставит и служившим ей клеркам литовского происхождения.

Да, Литва должна стать и станет свободной демократической республикой, но без «провинциального синдрома величия», без волюнтаризма и потакания заграницe. Сейчас это понимают и стар и млад, но все еще с дозой национальной злости, взаимной ненависти, подозрительности, реванша. К сожалению, не многие задумываются, как добиться этой священной цели. Мне кажется, такая возможность еще не погибла.

Назовем ее Политикой единого потока, или национального примирения, возрождения литовской государственности, или Демократическим фронтом, Согласием, или Гармонией, и попробуем через призму этой идеи разглядеть события нынешних дней.

Такая идея национального единства не нова. Ее впервые предсказал во время допроса еще в 1863 году ксендз Мацкявичюс: «Если не пробудить все внутренние силы, никакая иная мощь нас не освободит… Поэтому я отрекся от сана, но не все меня поняли…»

Эта идея с новой силой и смыслом возродилась в «Аушре» (<<Заре») Басанавичюса, а некоторое время спустя была высвечена в статьях и трудах светочей литовского народа, сплотившихся вокруг Винцаса Кудирки и его «Варпаса» (<<Колокола»). Она стала краеугольным камнем программы учрежденной в то время Социал–демократической партии. На эту идею опиралось и огромное большинство повернувших влево единомышленников В. Капсукаса, очарованных провозглашенным Лениным правом наций на самоопределение. И только позднее, под влиянием Октябрьской революции, а точнее, когда нарком по делам национальностей Сталин прижимал Капсукаса к стенке, наскоро была придумана расплывчатая идея Литбела, занесенная в 1918 году в Вильнюс на красноармейских штыках.

В пору боев за независимость о каком–то едином потоке не

могло быть и речи. Началась междоусобная грызня, но идея не погибла. После подписания мирного договора с Россией в Литве снова активизировались левые силы. Политика единого потока не только возродилась, но и победила на выборах в 1926 году. Но Литву постигла новая беда — государственный переворот Антанаса Сметоны, который на время остановил осуществление этой идеи.

Провозгласив себя единственным выразителем воли нации, этот первый в Европе диктатор не особенно мелочился, уничтожая инакомыслящих. Стремясь любой ценой удержаться у власти, он не стыдился получать от большевиков взятки и свою сверх идейную газету «Вальстибес лайкраштис» («Государственная газета») издавал на деньги тогдашней России. Застраховав себя с обеих сторон, «вождь нации» вытворял, что хотел: расстреливал, загонял в газовые камеры, — а на исходе жизни, спасая от огня свою дорогую шубу, якобы подаренную народом, задохнулся при пожаре. Жалко человека, но, видимо, в жизни у него не было ничего дороже собственного кармана. Осознавая полный крах сталинской силовой политики, действовавшая в то время в подполье литовская компартия снова встала на путь единого народного фронта, понемногу вернула себе какой–то авторитет в глазах народа. В 1940 году при выборах Народного Сейма (заметьте — Сейма, а не Совета!) большинство наших граждан пошло к урнам, чтобы голосовать не за советизированную, а за обещанную иную, самостоятельную Литву под управлением Единого народного фронта. Но это был только временный маневр Сталина. По его указанию Литва была самым жестоким образом советизирована, интеллигенты, поддерживавшие Единый народный фронт, были укрощены, обмануты, изолированы или вывезены, лидеры Коммунистической партии Литвы включены в великие стройки коммунизма с хорошо намыленными веревками на шее. «Что они из нас сделали!» — не раз подавленно говорили А. Снечкус, М. Шумаускас, Ю. Палецкис. Но этих вздохов никто не слышал, это говорилось не для всех.

Прогремела война, еще больше укрепился культ силы и принуждения, но демократическая идея Единого потока и национального примирения выжила в думах Б. Сруоги, К. Боруты, А. Мишкиниса, ю. Палецкиса и многих других интеллигентов как единственная возможность Когда–нибудь выкарабкаться из постигшего нас несчастья. Судьба свела меня с вернувшимися из Сибири Пятрасом Климасом, Юозасом Тонкунасом, Стасисом Городецкисом и другими

репрессированными известными деятелями культуры, но и они не видели другого выхода.

И вот, наконец, лето 1988 года. Весь народ, вышедший на митинги, демонстрации и на балтийский путь, еще раз доказал, что идеи единого потока, национального согласия и возрождения не только выжили, но и заполонили наши умы и чувства. Они стали единственной реальной силой, способной пробудить Литву и вернуть ее в семью европейских народов.

Но и теперь не удалось избежать грубых, непоправимых исторических ошибок. Руководство КПЛ во главе с Р. Сонгайлой не поняло чаяний «Саюдиса», поэтому долгое время ориентировало партийные организации на сопротивление этому движению. В свою очередь, радикальное крыло совета Сейма Движения за перестройку, опьяненное первыми успехами, в борьбе за укрепление собственного диктата начало провозглашать не вмещающийся в рамки программы «Саюдиса» лозунг: «Коммунистов из «Саюдиса» — вон!», хотя в совете Сейма из 35 человек 17 были партийными. Мало того, некоторые коммунисты, скрывая свое прошлое и в погоне за дешевой популярностью, ухватились за этот лозунг и в своем рвении превзошли беспартийных. А режиссер «Черного сценария» совсем ошалел и принялся бичевать направо и налево всех, кто только сопротивлялся его единоначалию. Произошел очередной в нашей истории, не сулящий ничего доброго раскол прогрессивных сил, очередная авария, опрокинувшая вверх тормашками наш политический воз.

Я попытался исправить эту ошибку, предложив «Саюдису» конкретную программу Единого фронта, но меня подняли на смех. Еще раз с этой программой я выступил на XX съезде партии. Договорившись с Бразаускасом, подготовил краткое выступление, но мне не дали его закончить. На съезде воцарился какой–то блуд разрушительства. Истериков, подобных Грицюсу, Уосису и прочим озоласам, невозможно было отогнать от микрофонов, они набрасывались из–за каждой буквы, точки, черточки, поэтому никакого более широкого смысла понять уже не могли.

— Послушайте, — горячился и я, — я предлагаю универсальную, проверенную временем форму сотрудничества всех партий — политику Единого потока с конкретной программой, в которой четко и недвусмысленно записано не кто с кем, а кто за что и для чего!

Но все было напрасно. Наконец председательствующий Ю.

Марцинкявичюс попросил меня уйти с трибуны. Но и усевшись, я ему все еще объяснял, что литовцы все делают или слишком рано, или с большим опозданием, поэтому они никогда не смогут стать тем, кем могли бы быть…

— Дружище, ничего не поделаешь — регламент. — Он был прав и обязателен: пять минут. Но мы уже прохлопали несколько десятков лет! До новой перестройки или восстания.

В тот день я потерпел поражение, хотя и сейчас думаю, что на идее Единого потока мы могли бы сплотить все население республики без различий по убеждениям, национальности, вере, прошлому, социальному происхождению и общественному положению. Тогда у нас была бы возможность судить о любой партии не по ее обещаниям, а по практическим делам ради нашей общей цели, а о любом человеке не по его взглядам, а по тому, как он эти взгляды реализует. Кроме того, в единые действия можно было бы вовлечь молодежные, благотворительные, религиозные, культурные, профессиональные и иные организации и движения. Появилось бы занятие для тысяч активистов, которым сейчас нечем заняться, кроме спекуляции и хозяйственной деятельности.

Демократия — это когда делятся властью с другими. Идея Единого потока помогла бы нам без большой шумихи и склок обсуждать проблемы государственного управления и делиться этой ношей с представителями других партий, устанавливая норму представительства в каждом правительстве и его подразделениях и обсуждая возможности и формы сотрудничества этих, партий.

Эта идея образовала бы неплохую платформу для объединения всех живущих в Литве народов, помогла бы им понять, что идти в общеевропейский дом такими, какими нас сделали сталинизм и лансбергизм, мы не можем, что нам необходимо более десятка лет побыть самими собой и у себя дома поучиться нормальной демократии, отказаться от национализма, который в нас постоянно дежурит в качестве противоядия от великодержавного шовинизма соседей. И только когда мы все вместе очистимся от всевозможных наслоений манкуртизма, мы сможем стать интернационалистами нового, так сказать, незакомплексованного типа.

Нам нужен нейтралитет, сначала хотя бы для того, чтобы мы могли сцементировать все силы народа, и только потом, добившись чего–то во внутренней политике, без всякого риска осмотреться и в Европе.

В конце концов, восстановление политики Единого потока покончило бы с воцарившейся сегодня двойственностью общественной жизни, когда каждая партия, каждое движение начинают говорить и действовать от имени всего народа, внося в наше общее дело только раскол, неуверенность, политический и экономический хаос.

В упомянутой выше программе я не придумывал ничего нового, только пересказал идеи раннего «Саюдиса». Пока он придерживался этих принципов и был их выразителем, пока провозглашал единство и согласие в народе, пока ему был нужен и дорог каждый гражданин, люди вставали за него стеной. Но едва он начал раскалывать народ, литовцы от «Саюдиса» отвернулись, а сейчас даже не хотят ничего о нем слышать. Пустое место, «корабль дураков»!

Словом, пошумело это якобы самодеятельное движение, помололо пустыми жерновами, пока консерваторы не надели на него наручники и намордники из липкой ленты. Сдались без боя. Вместо муки крупчатки эти мельники от конъюнктуры наделали кучу перепревшей лапши, которую постоянно развешивали наивным на уши. Но мерзостнее всего то, что своими делами они воскресили из мертвых основательно забытое правило национальных неудачников: если хочешь вернуться к прежним намерениям и ошибкам, не забудь публично от них отречься, иначе дураки тебя не поймут.

Поэтому мы, основательно охрипшие от таких громких клятв, сейчас молчим, поскольку всем, приложившим руку к этой глупости, не остается ничего другого, как снова создавать легенды о том, какими мы несколько лет назад были великими и прекрасными! Как хорошо нам было бы жить, если бы во время той заварухи мы приобрели хотя бы широкополые шляпы для сбора зарубежных благотворительных пожертвований. Пили бы мед–пиво… Но из–за нашей великой доброты сегодня шляп для милостыни не хватает. Поэтому — вперед на Запад, пока он еще дикий. Давайте верить в чудеса, поскольку только там, «за бугром», мы сможем увидеть то, что у нас было, и что мы потерял и здесь…

ДОРОГИ И ТРОПИНКИ

– Это нормально, когда победившая на выборах партия не выполняет своих обещаний.

Г. Киркилас.

– Еще нормальнее, что Киркилас ни разу не был избран ни в одном из одномандатных округов. Избиратели издали видели, с каким трепачом имеют дело.

Корреспондент газеты «Опозиция» Кодельчюс.

Я не рвался в «Саюдис». Скорее, «Саюдис» ворвался в мою жизнь и основательно ее исковеркал. Я работал, писал, участвовал в международной деятельности писателей, поддерживал огромную переписку с газетами, журналами, читателями, когда в один прекрасный день меня выбрали председателем комиссии, состоявшей из пяти писателей. Эта комиссия должна была сделать все, чтобы не допустить строительства нефтяной вышки около Ниды.

Помню, в Союз писателей пришли академик Витаутас Статулявичюс и заместитель министра мелиорации, специалист по защите вод Юлюс Сабаляускас. Они передали просьбу премьера В. Сакалаускаса.

— Помогите, писатель. — Разговор был очень конкретным, ясным. — Только Вы, призвав общественность, можете остановить это безобразие.

Спокойно, методично они изложили свои соображения о свалившейся на Литву беде. Около Ниды намереваются добывать нефть. Проекта нет. Оборудование допотопное, разработанное еще в 1958 году в Азербайджане. Возможен миллиардный материальный ущерб, а о моральном и экологическом никто даже не думает. У бюрократов только один ответ:

— Качают за границей, будем качать и мы.

— Неужели вы, руководство и ученые, ничего не можете сделать? — Не можем, надо поднимать народ.

— А вы понимаете, чем это пахнет?

— Понимаем, но мы — чиновники, а ты, Витаутас, человек

вольный, тебе легче.

— Нет, друзья, если совать головы в петлю, то всем вместе, — и тем, кому легче болтаться, и тем, кому тяжелее…

Собравшись дома у Ю. Сабаляускаса, мы трое — два Витаутаса и Юлюс — пропустили по чарке, ударили по рукам и, расцеловавшись, дали клятву: что бы там ни было, будем собирать подписи, а если сядем, то все вместе. Никаких послаблений, никаких скидок в таком благородном деле быть не может. Мы поняли это и без слов. Торжественность клятвы возникла сама по себе, как возникают дерзновение или смелость, когда лезешь в такую кашу не в одиночку. Как говорится, на миру и смерть красна. Только вернувшись домой и еще раз все обдумав, я понял, что это перст судьбы, от которого под одеялом не спрячешься. Наконец, настало время поступить так, как сам учил других в своих произведениях. Таскать судьбу за хвост и насмехаться над своими последователями — не для меня,

Писатели создали комиссию из пяти собратьев по перу, меня выбрали председателем. Начало казалось простым и ясным: надо написать резкую статью и непременно опубликовать ее в Москве. Собрав материал исследований Академии наук, я подготовил литературное общественное обвинение. Позвонил друзьям в Москву, получил от Сергея Залыгина и еще нескольких известных русских писателей согласие и их подписи, которые так нам нужны. Подписи пришли по телефаксу, хотя эти уважаемые люди статью еще не читали.

— Витас, мы верим тебе.

Вот что значит полное доверие интеллигентов и единомышленников. Правда, собрать подписи в Литве оказалось гораздо труднее, чем я думал. Многие попрятались в кусты, особенно музыканты. Как бы то ни было, но создалась компания, хоть и небольшая, но солидная и местным бонзам уже неподвластная: народный писатель Литовской ССР Й. Авижюс, народный артист СССР Р. Адомайтис, народный артист СССР Д. Банионис, поэт А. Вознесенский, писатель С. Залыгин, ответственный секретарь Калининградского отделения союзаписателей Ю. Иванов, народный художник ЛССР Г. Якубонис, членкорреспондент АН СССР В. Контримавичюс, народный поэт ЛССРА. Малдонис, народный поэт ЛССР Ю. Марцинкявичюс, народный поэтЛССР Э. Межелайтис, писатель В. Петкявичюс, народный артист ЛССР. И. Петров, поэт Р. Рождественский, народный артист ЛССР С. Сондецкис, писатель

О. Битов и заслуженный архитектор ЛССР В. Чеканаускас.

Член комиссии П. Кейдошюс перевел статью на русский язык и отправил в редакцию «Литературной газеты», которая не поверила, что за миллиард двести миллионов рублей можно заполучить проблему, грозящую уничтожить Ниду, Палангу и Швянтойи. Убедить окончательно помогло заключение президента АН СССР А. Л. Яншина. Руководство газеты статью порядком обкромсало, подчистило, пригладило, но опубликовало. После этого местные власти разрешили нам провести несколько телефорумов.

В этом деле большую изобретательность проявил журналист С. Арнашюс, который начал разговор с простыми людьми. Они нас поняли с полуслова и все как один без истерик и обычных сейчас митинговзаявили: беда одна на всех. Выводы всем были понятны: если под такой критической статьей подписались писатели, то никто не запретит это сделать и нам, рядовым гражданам. Начали приходить подписи: «Мы, нижеподписавшиеся, одобряем и требуем»…

— Как такое возможно? Кто посмел требовать?! — раздались голоса непогрешимых, день и ночь думающих о нас монстров.

Со всех стендов было приказано срывать подписные листы. Сборщиков подписей стали преследовать. Знаменитый ныне прогрессист, в то время — директор издательства «Витурис» Вайткус, собрал всех работников, публично порвал подписной лист и при грозил непослушных уволить с работы. Первой из этого издательства вылетела моя дочь. Директор педагогического института Йонас Аничас и проректор Вильнюсского университета Бронюс Судавичюс, застав нескольких студентов на месте преступления, приказали их исключить. Подобным жеобразом поступал и многолетний парторг, бывший «министр обороны Вильямса» Чесловас Станкявичюс, но люди сопротивлялись, как умели: собирались группами, тайком писали постановления, протесты, присяги и подписывались под ними.

«Мы, студенты Каунасского политехнического института, сознавая тяжесть экологической ситуации в республике, клянемся не сдаваться. Литва задыхается без чистого воздуха, испытывает жажду без чистой воды, наша родная земля по вине союзных министерств становится злой мачехой. Генофонд нации в опасности. Будем держаться, друзья!» — и подписи, подписи, подписи. Они поступали на огромных нестандартных листах, на листочках, вырванных из школьных тетрадей, и даже

на отдельных открытках. Вначале их собирали в Комитете по охране при роды, но председатель Казис Гинюнас началпожимать плечами:

— Мы не давали такой команды. Идите в Общество охраны природы. Зам. председателя этого общества Юозас Стасинас был тверже стали:

— Отнести все эти подписи в Комитет госбезопасности!

Но арестовать подписи уже было невозможно. Их собирали студенты и учащиеся, пенсионеры и домохозяйки, даже милиционеры. Сбор подписей стал каким–то демократическим прорывом, ливнем, заполнившим еще остававшуюся в каждом человеке щелочку гражданского повиновения. Наконец эти подписи нашли и первого их собирателя — меня. Другой поток направили в Академию наук Витаутасу Статулявичюсу.

Однажды ночью, уже после двух, ко мне в квартиру постучался Саулюс Грицюс. Войдя, он долго извинялся и просил ничего не бояться. А чего бояться, если этот юноша улыбался как младенец? Синие его глаза светились чем–то детским, добрым и непреодолимым желанием действовать. Он старался говорить очень озабоченно, и все время озирался по сторонам, совсем как испуганный заяц.

— Что привело вас в такую пору? — спросил я. — За мной следят, — ответил он. — Но я оторвался.

Мы долго разглядывали друг друга. Ему было очень неудобно, он как будто стеснялся, а я ничего не понимал: какая–то таинственность мальчишеских игр… и одновременно такая светлая открытость.

— Мы привезли из Каунаса 18 тысяч подписей… И еще столько привезем.

— Очень приятно, а где эти подписи?

— Мой друг ждет здесь же, в лесочке.

Я оделся. Вышел на улицу. Было тихо, спокойно. Вокруг — ни живой души. В тени сосен стоял еще один юноша с чемоданом в руке. Я принял подписи, мы поблагодарили друг друга, и лишь тогда мне пришло в голову пригласить на кофе или позавтракать, но они отказались.

Почти таким же способом поступали подписи из Шяуляй и Клайпеды. Держать такое их количество дома становилось рискованно. у моих окон постоянно «паслись» какие–то люди.

— Что делать? — спросил я у Статулявичюса, которого

пригласил погулять.

— Пока неси ко мне, в сейф Академии наук.

На всякий случай я спрятал подписи неподалеку, в гараже у соседа, так как хранить все в одном месте было бы неправильно. Такпоявились на свет каунасские «зеленые» во главе с Саулюсом Грицюсом, так начиналась вильнюсская «Жемина» С ее руководителем Юозасом Даутартасом. Позже эти группы по сбору подписей выросли до популярных и любимых в молодежной среде природоохранных организаций.

Прошло уже много лет, но никак не могу забыть этого самоотверженного Грицюса. Он долго еще не давал мне покоя. Устроив экологический поход Йонава–Каунас на байдарках, он уговорил меня произнести «вдохновляющую» речь, пожелать успеха.

— К чему эта торжественность, делайте свое дело. Люди вас поймут. — Нет, без вас нам не повезет. Вы наша душа, отец зеленых.

Я не мог отказать этому человеку. По такому случаю он мне подарил несколько национальных поясов, а одним по японскому обычаю обмотал мне голову и радовался как маленький:

— Вам очень идет! Подойдите к зеркалу!

Речь я произнес. С каждой остановкой участников похода отряд его последователей увеличивался, а в Каунасе превратился в многотысячный митинг. С этого начался каунасский «Саюдис».

Когда саюдисты пришли к власти, С. Грицюс был назначен начальником природоохранного отдела Каунасской мэрии. Засучив рукава, он принялся за любимое дело, но неожиданно повсюду стал натыкаться на глухую стену. По его словам, хуже, чем в годы застоя. Ландсбергисты буквально издевались над ним, называли ангелочком безкрылышек, выкрестом «Саюдиса», ведь у них на уме было совсем нето. Добравшись до власти, они спешили урвать, а природа, по их понятиям, став свободной и независимой, сама наведет у себя порядок.

— Я больше не могу, — жаловался он, приехав ко мне в Бирштонас, — с этим безумцем Вайшвилой нельзя работать. Он продает городские земли, выделенные под очистные сооружения спекулянтам, а само оборудование хочет перенести в Эжяреляй.

— Саулюс, ты устрой им митинг, такой, какой мы устроили возле реки Нерис. Люди тебя поддержат.

— Где это видано, чтобы стоки закачивать вверх на 42 метра? Если прорвется труба, то нечистоты зальют весь Каунас. — Из–за своих тревог он меня не слышал. — Спекулянты, воры, стагнаторы, враги народа.

Этого человека будто подменили. Под глазами были черные круги, щеки ввалились, а при разговоре его трясло, как в лихорадке.

— Выходит, что Антанас Снечкус, приказавший замуровать все скважины возле моря, был для нас лучшим другом.

— Как вы можете, с кем нас сравниваете?

— Тогда повторяю: поднимай людей.

— Против кого, против своих?

— Против врагов природы.

— Как это так? Идя в «Саюдис», мы связались с врагами при роды?

— Труды человеческие — наши друзья и враги, а те толстомордые

зажравшиеся дружки правы лишь перед собой.

— Неужели все напрасно? — Он тряс головой, как будто мысль, высказанная мной, была надоедливой мухой. — Неужели нас обманули? — Будто только что поняв что–то, он начал всхлипывать. Я не уступлю, я их заставлю! — Это был крик коварно обманутой души.

Не выдержав издевательств и желая обратить внимание людей, он выбросился из окна мэрии…

Когда его друг, приехав ко мне, рассказывал подробности, расплакался и я. Это была первая жертва, спровоцированная безмозглой перестройкой, второй Каланта. Но после его смерти ничего не изменилось. Свои загубили слишком своего человека. Его порядочность для ландсбергистов была большой помехой, поэтому все было очень тихо замазано и запрятано. Впоследствии протесты путем самоубийства стали обычными. Никто не пересчитывал те живые, политые бензином костры или людей, содрогающихся в петле подобно осенним листьям. Мера одна: кто не с нами, тот против нас.

На каунасские очистные сооружения были истрачены миллионы. Когда АН Литвы раскритиковала проект в Эжяреляй, тогдашнее руководство им не поверило. Заказали проект шведам, дополнительно уплатив 40 тысяч долларов, но и те пришли к подобным выводам: еще никто не изготавливает труб

такого диаметра и такой прочности из нержавеющей стали. Более того, для осуществления прежнего проекта пришлось выкупать и распределять земельные участки. Карманы налогоплательщиков выдержали и эту «прихватизацию».

Недоверия дождался и я, только из окна не выбрасывался. Когда было собрано более 200 тысяч подписей, меня вызвали в ЦК. Разговор был коротким: кончай свою грязную игру, а то положишь партийный билет.

— Почему грязную? Ведь первым выступили председатель Совмина В. Сакалаускас, Академия наук, водоохрана, несколько ваших работников. Мы им только помогаем.

— Ты организовал в республике сеть каких–то непонятных сборщиков подписей, подстрекаешь народ.

— Если вам очень нужен мой партбилет — пожалуйста. — Меня уже трудно было чем–то испугать. Я не строил из себя храбреца, лишь чувствовал, что за моей спиной стоят тысячи людей, больших и не очень. Я не мог их обмануть. Это понимал и П. Гришкявичюс, поэтому Я И не скромничал: — Секретарь, вы должны быть нам благодарны. Если мы загадим Ниду, то вы больше ничем, кроме ремонта выбитых окон, заниматься не будете.

Окончить мне не дали. Не хочу приводить те тирады, но когда я услышал, что по телевидению подстрекал людей к бунту, пришлось защищаться:

— Вы неправильно информированы. — Во время передачи п. Гришкявичюс был где–то за границей. — Я зачитал записку клайпедчан, в которой они писали: «Если властям мало наших подписей, то, может быть, организовать демонстрацию протеста?» Я им спокойно объяснил, что демонстрации пока не надо, что власти на нашей стороне, что мы сообща одолеем произвол нефтяников.

— Все это демагогия, — заявил Гришкявичюс и тут же, на моих глазах, сняв телефонную трубку, приказал шефу телевидения больше меня с моей «командой недоумков» на телевидение не пускать.

Я вышел на улицу как оплеванный. Вот так: премьер просит помочь, а первый секретарь как какому–нибудь холопу: чтобы ноги твоей больше в моем поместье не было… Зло берет, хоть плачь. Ведь когда–то работал с ним в «Тесе», вместе пили шампанское, которое он очень любил, я правил его рукописи… и чем больше вспоминал о когда–то сближавших нас эпизодах

жизни, тем больше злился на себя. Откуда у него эта тупость, это нежелание считаться с достоинством человека, его устремлениями? Почему я не замечал этого раньше? Неужели он столько лет таился и лишь сейчас показал рожки из под своей короны? Нет, он человек добрый, только вознесен слишком высоко. Власть — допинг, ею нельзя упиваться.

Если все обязаны ощущать власть одного человека, то и он обязан чувствовать верховенство этого большинства. Другого пути нет. Я не буду уступать.

Вернувшись домой, я написал статью в «Правду», в которой изложил эти мысли. Ее копия вернулась в Вильнюс и напугала Гришкявичюса как следует, но я об этом еще не знал. Несколько дней спустямне позвонил Юозас Степшис и спросил, не соглашусь ли я на то, чтобы он представил мой новый роман на телевидении.

— Пожалуйста, только никто нас с тобой туда не пустит. Телевизионщики, узнав обо всех подробностях, не поленились справиться у своего шефа, правда ли это? Величественный Й. Януйтис, не понимая толком, откуда эти парни получили такую информацию, изрек: запрещены лишь экологические программы, а о романе можно.

Слово было сказано. Приехала съемочная группа. Расселись за столом с кофе и начали беседу с критиком. Следует отметить, что обычно миролюбивый Степшис оказался отличным провокатором. Он так меня раззадорил, что я, позабыв о всякой осторожности, и сам не почувствовал, как раскрылся подобно воротам в хлеву… Передача удалась, отклики — самые лучшие, но всю ее от начала до конца прослушал Гришкявичюс. Что он наговорил Януйтису, мне неизвестно, но тот демонстративно пригласил меня на чашку кофе. Вопреки правилам трезвости, прославившим этого человека, мы с ним выпилицелую бутылку коньяку, прихлебывая который, он грозился:

— Гришкявичюс — хам!.. Как он смеет так со мной? Я ему этого никогда не прощу. Я найду способ с ним расквитаться!..

Исполнял свои несложные обязанности и Гришкявичюс. Приехав на встречу с журналистами, организованную А. Лауринчюкасом накануне съезда, первый секретарь, видимо, так же разозлившись, как и мысо Степшисом во время передачи, обозвал меня демагогом, антисоветчиком, который в погоне за популярностью может предать родину и партию… Януйтиса он еще раз назвал «дураком» и невежей.

В тот же вечер ко мне домой приехал Вилюс Хадзявичюс и положил на стол миниатюрный магнитофон, а я без большого труда и напряжения выслушал всю тираду разъяренного властелина. Ничего нового. Когда–то меня еще сильнее ругали Снечкус, Шумаускас, но не так тупо и по–хамски. Они умели это делать аргументированно и довольно вежливо. Спорить с ними было намного труднее. Но они уважали и мнение другого, если ты не угодничаешь и мужественно отстаиваешь свою правду.

На следующее утро, еще до девяти, позвонил шеф по идеологии Лёнгинас Шепетис.

— Как поживаешь, что сейчас пишешь? — начал он издалека. — Почему к нам не заходишь?

— Так вы там, как в тюрьме, обставились милицией. — Меня все еще бесили услышанные вчера слова Гришкявичюса, которые смягчал только тембр его голоса, тенор тучного человека.

— Кому–кому, а тебе не стоит этого бояться… Когда хотел, и не с такими мог сцепиться, — не то похвалил, не то пожурил он.

— Вот так и бежать, с самого утра, не побрившись, не умывшись?

Из меня все еще валил пар после вчерашней заочной бани.

— Почему бы и нет? Утро вечера мудренее. Может, через полчаса… Только не забудь взять и подписать Гришкявичюсу свою новую книгу.

Я вдруг все понял, но решил так быстро не сдаваться, поэтому не осторожно ляпнул:

— Я вчера прослушал магнитофонную запись его речи.

— Тем более, — ответил он очень быстро, потом долго молчал.

Я понял, что он не один. Терпеливо выждал, пока он не начал ругаться:

— Засранец этот Лауринчюкас, ничего не может организовать, а потом из–за него приходится его же кашу расхлебывать! — Вновь замолчал, прикрыв трубку рукой, и стал подшучивать: — Понавезли, черти, из Америки всяких игрушек и таскают с собой, куда надо и не надо. Наверное, придется карманы проверять перед входом в ЦК.

Потом, как опытный следователь, неожиданно спросил:

— Не Хадзявичюс ли?

— Нет, — ответил я, видимо, слишком поспешно, так как он усмехнулся и, не поверив, стал допытываться:

— Это он. Всюду ходит с этим своим магнитофоном, всем показывает и хвастается… Видел я, что и на встрече держал его в вытянутой руке.

— Разве он один?

— В конце концов, это дело твоей совести. Приходи.

Взяв книгу, я сделал на ней довольно официальную надпись, на всякий случай позвонил Статулявичюсу и Сабаляускасу, и мы втроем решили, что ради Ниды нельзя отказываться оттакого визита. На улице я повстречал ю. Балтушиса.

— Привет, преобразователь мира, — ухмыльнулся он. — Идешь на выволочку? — Он спокойно выслушал рассказ о моих бедах и опять посмеялся: — Завидует, твоей неожиданной популярности завидует… — А с чего бы ему завидовать?

— Ему, может быть, и не с чего… Но так решила его Зося : популярнее ее Пятрасане может быть никого. Увидишь, все будут хихикать в сторону и пожимать тебе руку, но при случае продадут. Цирк в Паудравском приходе! — И посмеиваясь, куда–то заспешил.

Милиционер уже ждал меня и очень вежливо объяснил, как найти кабинет Шепетиса. Улучив момент, он приостановился и шепнул:

— Не огорчайтесь, писатель, мы с Вами! — Это было так неожиданно и одновременно так ново, что я даже смутился. — Хотите, я даже о Вас анекдот расскажу, только не очень сердитесь.

— А почему я должен сердиться? — Кое–как я собрался и изобразил на своем лице равнодушие. — Валяй, пока никто не слышит.

— Вот вызывает Вас товарищ Гришкявичюс и ругает, а Вы все молчите. Он орет, а Вы молчите. Когда он устал, Вы тихонько встаете и выходите. На следующий день он опять вызывает Вас и приказывает орать Шепетису. Когда тот заканчивает, Гришкявичюс встает и тихонько выходит сам.

Я рассмеялся от души, и не потому, что было смешно, а потому, что анекдот рассказал дежурный милиционер ЦК. На таком передовом посту и такой праведник! Вот что значит забота Зоси о популярности.

Слегка ободренный, я снял пальто и подошел к газетному

киоску, возле которого паслось несколько «очень известных», а может быть, чересчур прославленных журналистов, которые сейчас называют себя звездами. Боже, с какой самолюбивой злостью они меня встретили. Будто им этот настрой был подан, как коньяк в чарках с барского стола. Такими милыми стали, подчеркнуто вежливыми, улыбающимися, одним глазом следят за мной — не рехнулся ли, а другим перемигиваются между собой… Не хочу называть их фамилий, ведь сегодня они снова ходят в моих друзьях. По их судьбам через год–полтора жизнь прошлась еще больше, чем по моей в тот день, но вместе с тем, пусть знают, что человек, напрасно обиженный, очень наблюдателен и ничего не упускает из виду…

В приемной главного идеолога сидели. Куолялис, С. Ренчис, ю. Палецкис, ч. Юршенас, В. Жеймантас и еще несколько работников. Как сговорившись, они встретили меня молча, будто я собирался отнять у них сытный кусок. Как же иначе? Вот пришел какой–то друг или недруг, враг или не враг, одним словом — скандалист, демагог и нарушил их очень ответственный покой. Лучше всего мой портрет, написанный Гришкявичюсом, отражался на печально сосредоточенном лице Ю. В. Палецкиса. Уж что–что, а эту трудноуловимую, либерально–обезболивающую, а затем вновь принципиально–осуждающую мимику он прекрасно отработал в школе советских дипломатов. Рядом с ним — подобная молодому месяцу, от уха до уха, улыбка

Чесловаса Юршенаса. Юозас Куолялис держался с достоинством и заранее готовился к битве. Витаутас Жеймантас пыхтел, видимо, переваривал только что съеденный обильный завтрак. Лишь один Сигитас Ренчис поднялся и подал руку. А Шепетис неожиданно, не обращая на них внимания, только со мной закрылся в кабинете и начал утешать:

— Сейчас по–человечески работать невозможно. Честное слово, надо принять какое–то решение насчет этих магнитофонов. — И опять, помолчав, уточнил: — Так, говоришь, не Хадзявичюс.

Я замотал головой.

— Но ты на Гришкявичюса не обижайся. Он очень переживает. Знаешь, с утра звонил, волнуется… Наверное, организаторы того собрания что–то ему не так подсказали.

— Скажи, кто?

— Писал Чесловас Юршенас, но на него не сердись, ему так

приказали.

— Чесик?! — Этого, я, ей–богу, совсем не ожидал. Судьба поселила нас на одной лестничной площадке — дверь в дверь. Он работал корректором в «Тесе», затем спортивным обозревателем. Я помогал ему подниматься по служебной лестнице. Вначале консультировал по международным делам, а потом попросил Януйтиса принять на телевидение международным обозревателем. Этого Йонас мне до сих пор простить не может, а мой протеже улыбается как лопнувший арбуз и показывает белые, похожие на не созревшие семечки зубки…

— Чего молчишь? — спросил Шепетис.

Мне захотелось пошутить. Другого оружия под рукой не было: — Знаешь, Ленгинас, окно в мир можно занавесить и газетой. Не американцы со своими ракетами, не японцы со своей бытовой техникой уложат нас на лопатки. Теперь всем придется как следует подтянуться: раньше как хотел, так и писал в протоколе, а потом судил по этим записям. Теперь слово, сказанное любым чиновником, не померкнет и останется в записях его врага для грядущих поколений.

- Только не вздумай и с ним так же… Согласись, и с тобой не просто.

Лёнгинас проводил меня в кабинет Гришкявичюса. Разговор по началу был очень вежливым, но напряженным. Мы оба старались делать вид, будто вчера ничего не произошло. Я положил книгу. Секретарь раскрыл, прочитал, улыбнулся и протянул руку то ли для приветствия, то ли в благодарность, но разговор, хоть и очень неохотно, перешел, наконец, на Ниду.

— Неужели Вы считаете, что Литве не нужна нефть?

— Нужна, и даже очень. Но Снечкус в свое время приказал даже на берегу все скважины забить, а там море.

— И что вы меня все попрекаете этим Снечкусом?

— Я основываюсь на истории.

— Так что вы там удумали?

— Секретарь, надо искать более прогрессивные технологии. Представьте себе проект, который предусматривает ежемесячную утечку нефти около двадцати тонн. За год это уже четвертая часть тысячи, а так как мы всегда планы перевыполняем.

— Откуда такая точность? — не дал мне говорить.

— Это по данным Академии наук Азербайджана.

— А как ты их получил? — Его притворная вежливость таяла с каждой минутой.

— Наша Академия наук позаботилась.

Гришкявичюс побледнел, зажмурился, веки начали подрагивать.

Взяв себя в руки, он повысил голос. Шепетис поднялся.

— Ведь это государственная тайна. А с нами согласовывали? — Не знаю, но и сама платформа негодная. Она рассчитана на теплые воды Каспия, а у нас — Балтика, ледяные торосы… При шторме эту башню перевернет. — Я демонстрировал свою осведомленность, но этим лишь портил дело. — Кроме того, трубы надо сваривать на всю толщину, а они слеплены лишь по поверхностям, обычными электродами, не в вакууме. В соленой воде они тут же проржавеют.

— А эти сведения откуда?

— Мы пригласили специалистов из института Патона. Они все проверили.

— Где проверил и, в Калининграде, на берегу? — Он решил, что я подтвержу его вопрос и попадусь, так как калининградцы нас на свою площадку не пустили.

— Нет, в море.

— Ведь туда нельзя, пограничная зона.

— Мы договорились с пограничниками, они дали вертолет… Гришкявичюс не выдержал, хлопнул руками о стол, потом вцепился в его край и вновь зажмурился, его подбородок дрожал, будто ктото неосторожно задел больной зуб.

— Что здесь происходит? Я уже не понимаю, кто распоряжается в Литве — ты или я?

Он собирался сказать еще что–то сердитое или куда–то идти, но споткнулся, ударился о шкаф. Только когда вбежал личный телохранитель, я заметил, что след Шепетиса давно простыл. И надо же так ухитриться! — почему–то удивился я. В это время охранник налил в стакан воды, бросил туда таблетки и усадил руководителя за стол. Мне стало не по себе, так как я понял, что передо мной сидит не секретарь, не товарищ Гришкявичюс, а очень больной человек. Продолжать спор было не только не гуманно, но и опасно для его слабого здоровья.

Поднявшись, я начал отступать к дверям. Уже у дверей секретарь меня остановил и почему–то сказал:

— Было бы хорошо, если бы ты и Митькину подписал свою книгу.

За дверью меня поджидали трое или четверо помощников Шепетиса. Они опять смотрели на меня с укоризной, но несколько веселее.

— Ну как?

— Ничего особенного, — дернул меня черт за язык, — теперь могу неделю руки не мыть.

Улыбки исчезли.

— Ребята, мне приказано и Митькину подписать свою книгу, но у меня ее нет.

Улыбки опять появились.

Не помню точно, но, кажется, С. Ренчис принес «Рябиновый дождь» на русском языке и аккуратно вырвал проштемпелеванную страничку шмуцтитула. Я написал: «Секретарю Митьки ну, Николаю»… — а отчество забыл. Но, что самое странное, его вдруг не смогли вспомнить и мои спутники. Не знаю, что здесь сработало — страх, литовская традиция или слишком большая любовь клерков к своему начальнику, но и они не могли мне сказать, только спорили между собой. В скором времени меня втолкнули в кабинет второго секретаря.

— Кто Вы такой? — не поднимая головы, спросил хозяин. Я представился.

— А… собственно говоря, как Вы сюда попали?

— Мне первый велел подписать Вам книгу.

— А!.. Если так, прошу садиться.

Митькин долго рассматривал меня маленькими, слегка припухшими, но очень внимательными и живыми глазами опытного практика. Взгляд был острым, пронзительным. Потом он улыбнулся каким–то своим мыслям и, довольный, сказал:

— Прошу прощения, но я ничего не знаю. Еще не владею литовским языком, — он показал на стопку словарей и учебников на правой стороне стола, — но непременно выучу. Он очень похож нарусский.

— Может быть, но на встрече Гришкявичюс говорил по–русски. — Да, он говорил по–русски, но Я не понял, что говорили Вы.

— Меня на той встрече не было, — пояснил я, а мой взгляд упал на фирменные обложки телевидения, сложенные слева.

Наверхней красивым каллиграфическим почерком была выведена моя фамилия. Без особого труда я сообразил, что это были переводы всех передач с моим участием.

— Странно, — поднялся секретарь, — возможно, я и ошибаюсь, но мне кто–то о Вас уже рассказывал.

Поднявшись с кресла, я спросил его отчество, дописал автограф и подал книгу. Он ее принял, положил на стол и, очень фамильярно положив мне руку на плечо, стал провожать меня к двери, рассказывая что–то о внучке и детском садике, в котором никто не понимает порусски. У дверей мы распрощались. В коридоре меня ожидал все тот же почетный эскорт, как будто сюда меня доставили силой. В кабинете Шепетиса уже собрался весь отдел пропаганды, но по моей вине разговор не состоялся.

— Ну как? — спросил шеф.

— Кажется, помирился с обоими, но чего ты, Ленгинас, сбежал? — Я с улыбкой стал рассказывать о своих приключениях, но меня не поняли. Шепетис встал и, к всеобщему удивлению, холодно попрощался. Один только Юстас Винцас Палецкис еще пытался обучать меня только ему известной дипломатической этике, но и его заставили замолчать мановением руки. Я понял, что при них Ленгинас не хочет показывать своего расположения ко мне, тем более что Ю. Куолялисвсе еще готов был драться, а его тень — Юршенас — умерил свою улыбку наполовину. Журналисты той поры называли этот дуэт так: Куолялис (колышек) и насаженный на него Юршенас…

О том, что я помирился с Гришкявичюсом, никто наверняка и не узнал, но то, что он учинил мне разнос, на проходившем съезде журналистов разнесли по всей Литве. Несмотря на это, мне позвонил Валентинас Свентицкас, работавший тогда в газете «Литература ирмянас» (<<Л итература и искусство»).

— Мы опубликовали вашу статью о проблемах Ниды, но она совершенно не соответствует московской. Что делать с гонораром?

— На литовском языке я им выслал такую, какую опубликовали вы, а если они вычеркивают, что хотят, и не считаются с авторами это их беда. Мы такой вариант обсуждали в Союзе журналистов, под таким и подписывались. Другого у меня нет. Виноват Кейдошюс, что его не защитил.

— Я так и понял, — ответил Валентинас и вежливо пошутил:

На сей раз пусть победит справедливость: кто писал, тому и заплатим.

Спустя еще какое–то время меня пригласили в Союз писателей. Дескать, ЦК предлагает еще раз обсудить проблему Ниды и поставить меня на место.

— Ставьте. Сами выбирали, сами обязывали, сами и продавайте. — Ничего другого я ответить не мог.

На очередном собрании докладчик Антанас Дрилинга очень осторожно, намеками, высказался, что в том месте, где говорится против нефти, не все гладко, что я превысил свои полномочия, а два представителя ЦК С. Ренчис и Ю. Палецкис промолчали, как будто эта проблема их вообще не интересовала. Моя комиссия из пяти человек даже не пикнула, только Кейдошюс с места тут же от меня открестился:

— Я ничего не знаю, это инициатива Петкявичюса. Он и литовский вариант опубликовал без правки, и гонорар получил один…

Я долго не мог понять, где собака зарыта, пока Статулявичюс не объяснил мне, что в своей статье я выдал государственную тайну, указав, что на шельфе Д–б запасы нефти составляют только 8,5 миллиона тонн. Стало необычайно обидно. Каждый писатель уже хорошознал, под каким текстом он подписался, еще лучше понял, как статью исказила Москва, но молчал. Барахтайся, как угодно. Хотя сердцем я чувствовал, что они меня поддерживают, только боятся рты раскрыть. Спасибо Дрилинге, что он каким–то образом отписался, и меня больше не трогали, только он мне дружески посетовал:

— И умеешь же ты плодить себе врагов.

С собрания мы возвращались пешком. Когда все разошлись восвояси, я, прощаясь у подъезда с Юстинасом Марцинкявичюсом, сказал:

— Ты знаменитый поэт, депутат, утебя столько почетных регалий… Будь человеком, помоги мне с этой Нидой. Ведь остановиться невозможно.

Он помолчал, а потом откровенно, с такой жалобной и дружеской улыбкой ответил:

— Дружище, я всегда завидовал твоей смелости, а я трус… Лучше оставь меня в покое.

Это было сказано действительно очень поэтично: я трус, а ты храбрец. Ведь невозможно за такую самоуничижительную

критику сердиться на человека, тем более, на друга, а помощи — никакой, но и за это невозможно гневаться, ведь ты — смелый человек.

Я стал еще более одиноким, когда меня предали такие уважаемые люди, которые поставили свои подписи и думали, что одно только их имя сотворит чудо. Крапива, вплетенная в венчающие их лавровые венки, их не устраивала. Мне было наплевать на гришкявичюсов, юршенасов, куолялисов, но что так поступят писатели, честное слово, я не мог предполагать. Оказывается, живешь в коллективе, утопаешь в серых буднях, все это нормально; хорошо, что ты такой же, как и все, но стоит тебе вырваться вперед, тут же начинаешь чувствовать отчужденность, одиночество, словно каменная баба в степи. Чем больше смотришь на товарищей, тем чаще видишь только самого себя, сомневающегося и не понимающего, почему тихий подчиняется окрику, большой поэт — задрипанному чинуше, ученый — рядовому невежде, а инженер душ — придурковатой цыганке. Почему в случае опасности товарищи выбирают тех, кто смелее, честнее?.. Неужели только потому, что за их спинами можно лучше спрятаться? А когда опасность проходит, они снова смело сходятся, чтобы судить тебя? И, опять–таки, неужели только для того, чтобы оправдать свое бездействие и страх?

Оказывается, люди не столь глупы, чтобы отрекаться от своего родства с обезьяной. Тех, кто умнее их, они боятся. Им нужно духовное равенство в стаде. Тогда они спокойны, ведь не нужно ничем рисковать, никого не нужно призывать или подавать другим пример, не нужно завидовать и лгать самим себе. Страх — это их первый осознанный шаг, но это сознание ложное, навязанное, вынуждающее только оправдываться, дескать, молчание — это тоже речь, а ничего неделание — не самый тяжкий грех. Остается только молиться…

А если бы я сломался, спился, получил от нефтяников взятку?.. Тогда другое дело, тогда каждый бы посочувствовал, вместе поплакался бы в жилетку, поохал и бросил бы пятерку на похмелье. Человеку всегда больше всего не хватает того, чего у него нет, а радоваться тому, что у него в руках, онне умеет. Крупнейшей моей ошибкой было то, что я судил о писателях по их произведениям, пока, наконец, не прозрел: творчество и личная жизнь писателя — это две разные вещи, поэтому в их мыслях рождаются творения, характеры, не присущие им самим. Горбатый в своих снах всегда прям, хромой — быстроногий,

трус — храбрец. За такое отсутствие наблюдательности я мог сердиться только на себя. Я слишком идеализировал свою профессию и своих товарищей, которые, в свою очередь, больше верили в то, что писали, чем в собственные поступки.

Все это людям свойственно. Но существует одно правило: дурак ни в каких своих снах, ни в каких своих поступках или творениях не может быть умнее самого себя, поэтому больше всего в мире он нуждается в тех, кто глупее его. Так появляются мнимые гении, властители, секретари… Их создает человеческая глупость.

Разве такое открытие можно назвать неудачей? Это большая удача. Если так, значит, не буду сдаваться и я. А крупнейшая моя неудача оказалась очень жизненной и простой: перед нами захлопнули двери и телевидение, и пресса. Правительство во главе с тем же благодетелем Сакалаускасом все взяло в свои руки, так сказать, выбралось из троянского коня, а ЦК через ЭЛЬТА заявил:

— Уже все в порядке, поэтому не очень пугайтесь… Делаются позитивные шаги, а шум, поднятый писателями, не имел никакого значения, только вызвал ненужные эмоции…

Это было не столько официальное оскорбление, сколько продиктованное страхом желание утихомирить людей, которых мы расшевелили. Было уже собрано 217 тысяч подписей, а они все плыли и плыли. Я позвонил премьер–министру и что–то сказал о мавре, сделавшем свое дело. Он мужественно ответил:

— ЭЛЬТА — это не моя инициатива. Москва затягивает вопрос. Я вас поддерживаю. Вы еще нужны. Было бы хорошо, если бы те подписи попали в Совет Министров СССР. При встрече поговорим подробнее.

— А как их доставить?

— Это общее дело. Может быть, через нашего постпреда… я приглашу Сабаляускаса. Командировки и пропуска гарантирую.

Мне было приятно услышать, что та атака была устроена такими же невеждами, которыми руководила глава «института идеологии» имени Гришкявичюса товарищ Зося. Наша троица снова собралась дома у Сабаляускаса и решила, что каждый из нас должен везти свою часть подписей: если пропадет одна часть, сохранятся остальные две трети.

Первым отправился Статулявичюс, но канцелярия премьера СССР Рыжкова ему поверила и написала, чтобы Академия наук выписала справку об общем количестве подписей и перевела

текст, под которым они собирались. Кроме того, Совет Министров СССР образовалновую комиссию, в которую помимо наших специалистов вошли люди, помогавшие раскритиковать тот проект. В их числе оказался и президент Академии наук СССР А. Л. Яншин, активно поддержавший нашу акцию. Это была победа. Кроме того, было решено провести в Клайпеде симпозиум заинтересованных балтийских стран, в котором тут же выразили готовность участвовать шведы, финны, эстонцы, латыши, поляки, немцы и датчане. Хозяин симпозиума Ю. Сабаляускас пригласил и меня вместе с неутомимым тележурналистом Стасисом Арнашюсом. В качестве представителя «Литературной газеты» прибыл Пятрас Кейдошюс, который по такому случаю обошел все склады организатора местной торговли Лихтенштайна, что помешало ему успеть на наши серьезные заседания.

Несмотря на все запреты, я снова попал на телеэкран, поскольку на сей раз брал интервью у иностранцев и меня выбросить не было возможности. В Клайпедском порту нам продемонстрировали технику, которую строители используют при разливе нефти для ее сбора или нейтрализации. Оборудование и средства не выдерживали никакой критики. Шведы подобное оборудование давно сдали в музей. Комментируя это «чудо», я снова разгневал «институт Зоси», заявив, что в настоящее время литовцы могут полагаться только на бульдозеры, лопаты и ведра. Эти слова я намеренно повторил несколько раз, имея в виду Пятраса Гришкявичюса, который пытался убедить участников симпозиума, что советская техника — лучшая в мире.

Во время совещания шведы подарили нам странную папку, в которую были подшиты фотоснимки со спутников с изображением устий Немана, Западной Двины, Вянты, Невы, Прегеля и Вислы, масштабов выносимых этими реками загрязнений, их количество, глубину и даже состав. Под каждым снимком была проставлена дата, записаны выводы, имя и фамилия оператора.

- Вот тебе, Петруша, и государственная тайна!..

Запер свою шкатулку и забыл, что у шведов уже давно имеется от нее ключик, посмеивался я среди участников. Красный крестик на одной из фотографий указывал, что в этом месте обнаружен страшный яд хлористый цинк, который, скорее всего, в Неман выбрасывает фабрика «Сириус». Проверка на месте это подтвердила. Один цех предприятия немедленно

закрыли. О нефти же шведы располагали гораздо более точной информацией — о составе, количестве, глубине залегания, — потому и не спешили кооперироваться с нами в планируемом нефтепромысле, как это предложили поляки и немцы. На собственном побережье они вместе с норвежцами уже эксплуатировали миллиардные запасы нефти, а шельф Д–б оценили как «бедняцкий ужин». Словом, нефти слишком мало, поэтому вкладывать такие большие средства пока невыгодно, — было их заключение, — все остальное — дело престижа Советского Союза.

Окрыленные симпозиумом, мы решили устроить ЭЛЬТЕ «приличную баню» и вместе с учеными начали готовить общее собрание творческих организаций, на котором выступили бы только специалисты и подтвердили, что обнародованные в печати и на телевидении данные еще очень смягчены. В целесообразности такого собрания усомнился даже такой энтузиаст, как Статулявичюс, получивший хороший нагоняй от Гришкявичюса за экологический меморандум, который он порвал и растоптал ногами. Кто–то должен был поднять перчатку, брошенную секретарем… Стиснув зубы, я еще раз пошел на риск, потому что Союз писателей и Академия наук это собрание поручили провести мне.

— Кто не рискует, тот не ходит без порток, — сказал я и принялся за работу.

Готовились, как говорится, «без дураков». Все должно было быть обоснованно, уточнено и сведено к одной цели — дальше играть в бюрократические прятки нельзя. Докладчиками записались академики Р. Лекявичюс, А. Пакальнис, Г. Паулюкявичюс, А. Будвитис, В. Антанайтис, практики К. Гинюнас, Ю. Сабаляускас и Р. Гаяускайте. Выступлений писателей я намеренно не записывал, чтобы «непогрешимые» снова не обвинили нас как специалистов по «неприкрытым эмоциям».

Зал Академии наук набился битком. Люди, знавшие о подстерегавших нас подводных камнях, ожидали если не фатальной развязки, то, по меньшей мере, какой–нибудь сенсации. В кратком вступительном слове о плачевном экологическом положении в республике я довольно резко и критически высказался и о распространяемых ЭЛЬТЕ глупостях. Хорошо зная, кто стоит за спиной этого агентства, я разобрал каждое слово заявления и попытался доказать экологическую безграмотность этих людей. Если верить ЭЛЫЕ, мы живем по

очень странному закону, сформулированному этим агентством: маленький начальник — маленькая ответственность, большой начальник — никакой ответственности… Зал зааплодировал.

Закончив, я предложил выступить только специалистам, которые доказательно, с заранее заготовленными таблицами и схемами стали рассказывать о сложившейся в Литве экологической ситуации. На этом собрании люди впервые услышали суровую правду о так называемых и запрещенных к упоминанию в прессе «черных пятнах» накарте Литвы, в которых, по международным стандартам, человек жить уже не может. Таких пятен было три — на пересечении каунасской, йонавской и кедайняйской зон, район Шяуляй и Мажейкяй–Акмяне.

Основательно достал ось руководству сельским хозяйством, которое не занимается изучением взаимодействия используемых химикатов, а вместо этого дает рекомендации по каждому виду отдельно, без учета их долговременного влияния на живые организмы. Никто не изучает генетических изменений этих организмов. Подверглось критике охотничье хозяйство, считавшееся доселе священным «институтом смены кадров», доступным только государственным мужам.

Конечно, собрание не обошлось без конфликтов. Неожиданно выскочив, Сигитас Геда произнес горячую и как обычно маловразумительную речь, усыпанную непристойностями и параноидными вымыслами, оперируя при этом только своим родным колхозом, озером Снайгинас и женским телом. После ответной реплики А. Будвитисаон принялся откровенно оскорблять академика. Пришлось его укрощать, поскольку подобные выходки нам были вовсе не нужны. Мы намеренно противопоставили «все знающим и понимающим» щит компетенции и научного опыта, чтобы снять все обвинения против журналистов и писателей, а этот петушок заляпал грязью наши усилия. Но Геда есть Геда. Чтобы с ним спорить, его нужно сначала связать, заткнуть кляпом рот и только после этого излагать свои мысли. Зал разразился смехом. Чтобы смягчить ситуацию, я привел цитату Гейне о том, что человек — самый большой пустозвон из всех живых существ, а поэт — самый большой пустозвон из людей.

Отголоски собрания разошлись по всей Литве. То, что во всеуслышание сказали ученые, писатели не могли бы и придумать. Люди в первый раз узнали так долго скрываемую от них правду и о тех бедах, которые принесли нам поспешно

построенные промышленные гиганты. Заводы такого рода Запад старается возводить в слабо развитых странах, а мы их приняли как величайшее благо. Так была охарактеризована колониальная политика московских монополий.

На собрании из писателей и ученых была образована экологическая комиссия, или совет, руководителем которого избрали меня. Теперь обвинять меня в демагогии и популизме стало гораздо труднее, но «непогрешимые» ухватились за новое обвинение. Их задели исследования Вайдотаса Антанайтиса, Алфонсаса Гедрайтса и других практиков, доказывающие огромный ущерб от непомерно разросшегося и созданного для господских утех охотничьего хозяйства.

В то время из Москвы пришло радостное известие: Совет Министров решил приостановить строительство нефтяной вышки до тех пор, пока не будут выполнены дополнительные исследования и приняты соответствующие природоохранные меры. Со всей Литвы посыпались поздравительные телеграммы, письма и подарки. Эту победу полностью перехватила телепередача «Правительственный час», которая нас даже не поблагодарила, но обмануть людей ей не удалось.

Прежде весьма сдержанные журналисты буквально ловили нас за полы пиджаков, чтобы выпросить статью или интервью. Газеты пестрели оптимистичными репортажами о том, что все повернется в лучшую сторону и к 2000 году Литва будет чистой, как росинка. Общий смысл этих публикаций можно охарактеризовать примерно так: ужмы так пахали, так пахали, может быть, даже больше, чем те, которые первыми впряглись в этот не вполне отремонтированный плуг… Поэтому вопросу у нашей троицы не было никаких иллюзий, нас заботило только одно — экологическая чистота и здоровье людей, вместе с тем мы радовались, что литовцы наконец почувствовали своюгражданскую ценность и сами начнут распоряжаться в своем краю.

Но победа есть победа! Ее надо не оплакивать, вывешивая флаги, как это сейчас у нас модно, с черными лентами, а как следует обмыть. Сестра В. Статулявичюса Пальмира, председатель колхоза, устроила нам праздник. Я наблюдал за седоголовым, угловатым, закаленным, как строительный рабочий, академиком и дивился его простоте. Никакого высокомерия, никакого величия или собственной переоценки — рядовой колхозник и только.

— Глядя на вас по телевидению, я уже не раз принималась

сушить сухари, — вертелась около нас председатель. — Для занятых людей этот ящик — что сундук с пустой болтовней, а как появлялись вы, я людей не могла выгнать на работу. Сначала думала, зачем *Витукасу* это нужно, а потом и сама втянулась.

Действительно, в случае поражения вице–президент Академии наук мог потерять гораздо больше, чем поэт. А о Юлюсе Сабаляускасе вообще было трудно предсказать. Всю жизнь учился, готовился к такой службе, потеряв которую, оставалось бы только траву на корм для собак запасать.

— В нашем классе ты был самым младшим. Подвижным, Как ртуть, не очень обязательным… Кто бы мог подумать, что ты забуреешь, как старый солдат? — похваливал я Юлюса. — Спасибо, что не испугался и так мужественно пошел с нами.

— Еще неясно, кто кого приручал, — отшучивался Юлюс. — В гимназии я тебя избегал. Комсорг, наган в кармане!.. А ты, оказывается, только снаружи такой стальной, а внутри — снисходительный и мягкий… Но с перцем!

— Витаутас, — сдвинув меха гармоники, объявил Статулявичюс, с этого дня начинаю перечитывать еще раз все твои произведения.

От этих слов я почувствовал себя на седьмом небе. О большей награде я даже не мечтал, хотя спустя какое–то время, пытаясь все загладить, руководство представило меня к ордену Трудового Красного Знамени.

— Шире грудь! — пошутил премьер В. Сакалаускас. В наградном документе было написано: «За многолетнюю и плодотворную творческую работу».

Вдохновленные успехом, писатели начали готовиться к новому собранию с Институтом литовского языка и литературы, где планировалось обсудить неотложные проблемы нашего языка. Проведению собрания *стал* противиться Н. Митькин. Чтобы выйти сухим из воды, секретарь парторганизации Ромас Гудайтис начал меня уговаривать:

— У тебя уже есть опыт, ты прекрасно владеешь аудиторией… — Не могу, устал, уже год как ничего не пишу… Кроме того, у меня не десять рук, есть много других писателей, критиков, ученых, которые лучше разбираются в этом деле. — Это была только отговорка. В действительности я не хотел связываться с этим очень скользким человеком.

Придя на работу в киностудию начальником сценарной

коллегии, я нашел и околачивавшегося там Ромаса Гудайтиса. Творческой пользы от него — никакой. Это был необыкновенно услужливый, слащавый и всюду липнущий клерк.

— Мухолов, — коротко характеризовал его старейший член коллегии Г. Канович.

Гудайтис писал разные «информашки» о работе студии, пробовал силы в критике, но режиссеры над его потугами только смеялись, а он не сердился, все сваливал на свою молодость и, где только мог, хныкал, что ему негде жить, что не хватает денег на питание новорожденному… Мы выделили ему солидное пособие, а он, голодающий, купил красные «Жигули». Одурачил меня сувалькиец, надул у всех на глазах, но таким шагом как бы поднялся вверх по лестнице карьеры.

Спустя некоторое время о моей решительной деятельности поползли всякие сплетни, пошла утечка и конфиденциальной информации. В один прекрасный день со мной изъявил желание встретиться ответственный работник госбезопасности Витаутас К., с которым я когда–то учился в начальной школе. Это был необыкновенно тихий и приличный мальчик. Став майором, он не изменился. После краткого разговора о погоде и о здоровье он меня спросил:

— Какие ты там в студии затеваешь революции, что слухи и до нас доходят?

— Никаких. Я хочу заставить людей честно трудиться. Зарплаты в студии фантастические, а портфель сценариев пуст.

Постепенно Витаутас перевел разговор на идеологию, лояльность…

— Сидя на мешке с деньгами, любой лоялен, но отними только несколько рублей, как начинает копаться в твоем прошлом, придираться к каждому слову…

К концу беседы он заговорил конкретно: а так было, а так говорил, а так делал?. Мне стало все ясно, но я проверил. Придумав несколько глупостей, я пригласил верных друзей и в присутствии Ромаса Гудавичюса их высказал. Вскоре об этой болтовне узнал куратор киностудии. Тогда я вызвал Ромаса и спросил:

— Сам уйдешь или тебе помочь?

— Я все понял, — не отпирался он и тут же написал заявление. Директор киностудии Лозорайтис с большим удовольствием подписал приказ об увольнении.

— Я чувствовал, что он такой… Ей–богу, чувствовал… Такой уж слащавенький, такой прилипчивый, хоть в ухо ему писай… И эти постоянные звонки заступников…

Так мы на долгое время расстались, а во время первого съезда «Саюдиса» он пробрался ко мне и, чуть не плача, принялся умолять, чтобы я предоставил ему слово. Ромас весь дрожал, волновался, умолял:

— Я хочу исповедоваться, хочу сказать все…

А уж как сказал, так сказал: все его насиловали, эксплуатировали,

а он как был, так и остается непоколебимым патриотом «края расстрелянных песен» из того же округа, в котором председательствовал его отец, весьма прославившийся борьбой с кулаками и бандитами. Словом, *Ромчик* решил превзойти себя, но не пожелал пачкать рук.

Я припомнил этому стукачу некоторые его заслуги, поэтому он очень быстро от меня отвязался и начал сам готовить собрание. Но от ответственности все равно увернулся и уговорил выступить СО вступительным словом В. Бубниса. На собрании расстался наконец со своим страхом и ю. Марцинкявичюс, очень осторожно выступил трижды иезуит В. Кубилюс, тогдашний пестун советской литературы, ныне черносотенный ее могильщик.

Выступал и я, не помню с чем, но во время перерыва писатели принялись меня критиковать, дескать, я не прав, в отношении литовского языка нет никакой дискриминации, что слишком грубо заявил, будто по данному вопросу осуществляется колониальная политика. Особенно старались Раймондас Кашаускас и Юозас Апутис. Мол, к этим словам могут придраться и запретить хорошо начатое дело.

— Раймондик, а что начал ты? Что сделал хорошего?.. Ты только бегал с ночным горшком за Слуцкисом и вставлял нам палки в колеса.

Услышав это, сдержанный Г. Канович подошел и, как Киндзюлис, сказал:

— Петька, ты со своей откровенностью когда–нибудь сядешь. — А что, может, неправда?

— Правда, но знаешь, у народа уши к этому еще не привыкли.

После двух таких собраний, расшевеливших Литву, авторитет творческих организаций рос не по дням, а по часам. Появилось

необыкновенно много активистов, желающих нам помогать, действовать, выступать… Молчал и выжидал только Союз журналистов — форпост А. Лауринчукаса. На встрече у них мне было высказано немало ироничных и даже сердитых замечаний, дескать, начатая писателями «игра» может принести нашей республике много бед, правительство есть правительство, а партия — есть партия, с такими силами вести игру не следует, достаточно только искренне им помогать. Словом, слабосильные людишки, которых постоянно обманывают, должны помогать могущественным, засекретившим свои действия, партократам. Логика более чем лауринчукская: появляется четвертая сторона доллара, только непонятно, откуда и для чего.

Подручные партии остались верными себе, если не считать нескольких тележурналистов, которые так перестарались, что даже самим стало стыдно. С детства я терпеть не мог малейшего ханжества, а ханжеств политике, я и сегодня так считаю, — тройное несчастье литовцев. В конце собрания, подобно воробью, залетевшему в затянутый паутиной костел, принялся чирикать вечно активный товарищ Р. Эйлунавичюс. Сколько времени я знаю этого человека, сколько слышал его речей — все они похожи одна на другую, как мыльные пузырьки. Видите ли, я ничего не делал, так как был очень занят, но зато прекрасно знаю, как все можно сделать. Надо немедленно брать инициативу в свои руки везде, начиная с экологии и кончая буфетом Союза журналистов. Подобными бонапартистскими замыслами ЭТОТ человек пробавляется и поныне, только, конечно, за большее вознаграждение.

В ходе таких нескончаемых встреч моя репутация, или, как нынче модно говорить, мой рейтинг порядком повысился. Со мной стал здороваться каждый третий житель Вильнюса, а чтобы побывать во всех учреждениях, салонах, дискуссионных клубах, кафе, куда меня приглашали, не хватило бы и десяти дней в неделю. Было бы нечестно утверждать, что мне такое внимание не нравилось, но у меня был и горький опыт: достаточно поскользнуться, чтобы все опрокинулось вверх ногами. Мне требовались одобрение, поддержка, но связанная с этим необходимость угождать и подлизываться к публике сводила челюсти, поэтому я стал избегать каких–либо встреч. Во мне крепко засела старая отцовская присказка: толпа — непредсказуемая стихия, она всегда готова вырывать корни зла уже только потому, что они питательные и сладкие. Но от меня мало что зависело.

Всколыхнувшаяся творческая общественность стала представлять разные проекты и предложения. Обратился ко мне и Ландсбергис. Он что–то очень бессвязно говорил о состоянии музея М. — К. Чюрлениса, предлагал провести кампанию по сбору пожертвований, создать фонд…

Точно не помню, но когда впоследствии прочел его воспоминания, мне стало неуютно жить в собственном краю. Врать на всю Литву, что он якобы защитил Чюрлениса и его музей!.. Нет, как хотите, это уже даже не ложь. Это палата N 6, напоминающая анекдот брежневских времен, в котором Сталин будто бы вызвал Жукова и спрашивает:

— Так что, будем штурмовать Берлин?

— Будем, товарищ Сталин!

— Хорошо, будем штурмовать, но ты, товарищ Жуков, на всякий случай поинтересуйся мнением подполковника Брежнева…

Можно подумать, что и Снечкус, принимая какое–то важное решение, не забывал спросить мнение Ландсбергиса, иначе столько лет не продержался бы.

А в действительности проблема Чюрлениса решалась на высшем уровне. Не знаю, то ли по собственной инициативе, то ли по чьему–то совету, во время одного совещания Антанас Вянцлова дал писателям такое задание:

— Разыщите отзывы Ленина, Горького, Ромена Ролана о Чюрленисе. — Он достал выпущенную в 1914 году книжицу критика Эткинда о выставке работ знаменитого художника в Петрограде. — Загляните, здесь есть интересные мысли.

Писатели все нашли. Сейчас эти цитаты можно увидеть в любом серьезном альбоме Чюрлениса, но тогда было не так просто все изложить в письменном виде. Собранный материал и аргументы писателей председатель отнес в Центральный Комитет вместе с С. Чюрлените, которая в свое время обращалась к Ленину с просьбой возвратить картины с выставки в Литву. Ленин спросил ее, смогут ли литовцы гарантировать надлежащее хранение и охрану этих шедевров? Получив утвердительный ответ, он разрешил перевезти все произведения в Каунас. В конце письменного обращения в ЦК была изложена гениальная мысль, Я бы сказал, высочайший образец дипломатии: если объятая разрухой межвоенная Литва, выполняя свое обещание вождю пролетариата, могла построить приличный музей Чюрлениса, то почему мы, утопающие в

богатстве, изобилии, держим его закрытым? Не знаю, куда это обращение пошло, но то, что оно адресовалось не вильнюсскому, а московскому руководству, ни у кого из нас не вызывало сомнений. Это предложение потом довольно часто использовали в качестве безотказного громоотвода во всех аргументах поклонников и сторонников Чюрлениса. Даю голову на отсечение, что во всех таких делах чувствовался почерк Снечкуса. Подобным же образом он защитил от хрущевских нападок реставрацию Тракайского замка, постановку кинофильма «Геркус Мантас», посоветовав мне собрать все высказывания классиков марксизма о восстании пруссов.

И только потом, когда несостоявшийся музыкант написал книгу об искусстве Чюрлениса, вспыхнул скандал совсем другого типа. Взяв на время у Чюрлените письма, Ландсбергис некоторые из них использовал для плагиата, за что на него подали в суд. Избегая по этому вопросу острых углов, ЦК постарался загладить неприглядный факт. И вот теперь этот *КопейколюБО8* придумал какой–то сбор средств или бизнес, и снова поневоле мне вспомнилась Индия, когда он собирал у нас неиспользованные кусочки мыла в красочной упаковке. Поначалу я думал, что профессор собирал их для раздачи нищим детям, но когда узнал, что он их обменивает на флакончики с мумиё, отказался ему отдавать. Но тогда не я его пристыдил, а он счел меня невеждой:

— Если не мы, то другие их соберут. Почему они должны пропадать даром?

У меня от таких речей горел и уши. Злился и он, дескать, воля ваша, не хотите, не давайте, отдайте детям. Он не виноват, что мы раззявы и не умеем подобрать то, что валяется у нас под ногами. Мораль – это условность. Каждый, принимая какие–то правила поведения, имеет право выговорить себе больше свободы действий. Выходит, что ему выгодно, то и справедливо и нравственно. Совсем как в Священном писании иудеев: старайся, человече, и я тебе помогу. Поэтому человеку только остается узаконить забытую Богом одиннадцатую заповедь — не зевай.

«Чушь», — махнул я тогда рукой, но сейчас, когда он транжирит накопленное народом за полвека добро, а из своих цепких пальцев не упустит ни цента, я понял, какие силы вытолкнули его во власть.

Эта война двух миров — мизантропов и альтруистов — продолжается и по сей день. Ее маскируют любовью к родине,

политикой «чистых рук», демократией и русофобией, поэтому господин мессиябез всякого угрызения совести собирает заработанные нами кусочки мыла, а на что он их обменяет, это уже не наша забота. Но когда его хватают за руку с миллионом, тут уж, извините, грешны все мы… Кому больше дано, у того больше и грехов. Такова его логика. Поэтому он разъезжает на наши деньги по всему свету и продолжает спасать обиженного и не понятого у себя дома Чюрлениса, бренчит его прелюдию для таких же музыкантов, как и он сам. Это еще одна ложь, ставшая его религией и образом жизни.

1 Провозглашенная правительством консерваторов, возглавляемых Ландсбергисом, политика «чистых рук», отмеченная особенно грязной приватизацией.

Во время учебы в консерватории он к окончанию третьего курса, как умел, подготовил ту прелюдию. Не его вина, что этот достойный шаг испортил преподаватель, известный композитор Балис Дварионас. Наблюдая за терзаниями студента, он не выдержал, остановил экзаменуемого и строго сказал:

— Молодой человек, не подрывай здоровье ни себе, ни мне, из тебя музыканта не выйдет.

Изгнанный из музыкантов последовательный защитник Чюрлениса переквалифицировался в музыковеды, а по окончании консерватории написал книгу о живописи гения, потому что Чюрленис ему нужен для прикрытия собственной несостоятельности. Вот почему он по всем своим кабинетам таскает с собой фортепиано, а играть на нем начинает, когда за дверями кабинета стоит какая–нибудь делегация или собрались другие посетители. Слушайте, дивитесь, как я беседую с Чюрленисом и готовлюсь к встрече с вами духовно!..

Ну чем не Нерон?! Чем не лавочник Финкельштейн, который, опасаясь порки, намалевал на своей заднице портрет царя!?

Но от дневника меня оторвала другая беда. В городе Купишкисе по халатности работников теплоцентрали из резервуара в озеро вылилось около 200 тонн мазута. Слетелись специалисты из Вильнюса и Каунаса, а первый секретарь райкома даже не соизволил явиться к месту аварии. Нас это задело, но мы с С. Арнашюсом за сняли на видеопленку последствия аварии только для того, чтобы еще раз показать людям, что помощниками в несчастьях такого рода остаются только ведро, лопата и сноп соломы. Репортаж мы закончили тем, что секретарь был очень занят проблемами атомной войны и отказался выступить перед телекамерой. В то время он

проводил семинар по гражданской обороне.

Й. Яунутис этот материал показывать отказался, объясняя, что купишкский секретарь — Герой Социалистического Труда и любимчик Гришкявичюса. Тогда я обратился к премьеру Сакалаускасу, которого убедил, что в отснятом материале есть много положительных моментов: как собирать с водной поверхности нефть, куда ее девать, как готовить место для захоронения грязи. Но и звонок премьера не смягчил перепуганного шефа телевидения. Только после того как была создана солидная комиссия из представителей МВД, военкомата, гражданской обороны и других генералов, дело продвинулось. Теперь у нас был прочный тыл, И мы опять прорвались на телевидение. Военные были далеки от чиновничьих интриг, поэтому передача прошла дважды. Особенно я был благодарен генералу Стяпонасу Некрошюсу. По своей образованности, компетентности и большой терпимости он намного превосходил других.

— Если все слишком засекречено, то не остается никаких секретов, — смеялся он. — Так и закаляют народ: мы ждем либо атомной войны, либо парникового эффекта, а из–за двухсот тонн пролитой нефти человечество еще не скоро погибнет.

В конце концов мне надоело доказывать каждому чиновнику, что я не верблюд. Заперся в Бирштонасе и предался охоте–рыбалке, но снова не выгорело. По просьбе коллег я начал готовиться к третьему собранию писателей и ученых, посвященному истории Литвы. Мы решили в газете «Литература ирмянас» провести нейтральную дискуссию об историческом романе, которая так или иначе коснется и нашей весьма запутанной историографии. Нужна была острая, как тогда объявлялось, полемическая и не отражающая мнения редакции статья.

Я начал со знаменитого высказывания М. Покровского о том, что история — это политика, обращенная к прошлому. За такую откровенную и справедливую с большевистской точки зрения оценку Сталин крепко «разделал» Покровского, но на практике советские историки ни на йоту не отступали от этого правила. Такое вульгарное, супер–патриотическое понимание истории причинило нам! немалый ущерб. Особенно истории Литвы. Жаль, но и сегодня наши историки не очень далеко отошли от этого правила. Посмотришь передачу какого–нибудь *Болото–Пузыревичюса* и грызешь себе пальцы, осознав, что наша подлинная история началась только десяток лет назад, так

сказать, с модных нынче трудов современных историков или с цитатников Ландсбергиса. Начетчики и только, приводящие откопанные ими новехонькие факты, которые можно перетасовывать как угоднои кому угодно.

Такие занятия нынче называют переоценкой исторических ценностей, на деле же они становятся летописью политических преследователей, поскольку тем, кого преследуют и вынуждают обороняться, писать некогда. Такие процессы у нас появляются периодически. А когда история топчется на месте, труднее всего тем, кто уже растоптан.

Еще во время учебы в Московском университете на лекциях таких всемирно известных преподавателей, как Пашуто и Арциховский, я понял, откуда эта странная ханжеская тяга к обоснованию истории ложью, домыслами, откуда эта плебейская потребность в самовозвеличивании, нежелание видеть ничего хорошего у соседей. Адресат был слишком очевиден, но я не мог прямо указывать пальцем, поэтому свернул на окольную дорожку. В своей статье я писал, что у литовцев замечательная история, но нет хороших историков. Почему мы должны стыдиться или, напротив, идеализировать то, что произошло сотни лет назад. Мы обезличили историю, втиснули ее в прошлое другого народа, лишь изредка вставляя свой пятак, поэтому, независимо от нашего желания, должны честно признаться, что до сих пор самым приличным учебником по истории Литвы была и остается «История Литвы» А. Шапоки. От него и надо отталкиваться, отвергая народные легенды и сказки, будто князья наши рубили головы безболезненно, а если кто–то давал нам по шее, то это был акт вселенской несправедливости.

В качестве парадоксального примера я привел слова академика Пашуто, высказанные при обсуждении проекта «Истории Литвы» Ю. Жюгжды. Академик отметил положительные и отрицательные стороны этого труда, а подводя итог, изрек:

— Я в своей жизни встречал много историков, хороших и плохих, но таких, которые ненавидят собственную историю, встречать еще не приходилось.

А. Снекус тогда велел поскорее собрать все пронумерованные экземпляры и немедленно передать в президиум. Сейчас этот факт трактовали бы, как измену нации.

Редакция выбросила это место, даже не спросив разрешения. Тогда я принялся за другую статью, пользуясь опытом издания

своей книги «Есть такая страна»l.

Когда я ее написал, мой издатель прочитал рукопись и очень откровенно сказал:

— Положи ее в стол, запри, а ключ выкинь в окно.

Его мнение разделили и главный редактор, и рецензенты–историки, к которым я обратился за поддержкой, и даже некоторые собратья по перу.

— Прославляет феодализм, пишет о князьях, — ползли между коллегами всякие слухи — словом, выскочка, не признающий никаких правил игры.

Поскольку в то время я уже был членом Совета по детской литературе в Москве, мне часто приходилось выступать с докладами о литературе такого рода, записывать выдержки из книг, а позднее меня даже включили в список коллективного соискателя премии Андерсена от Советского Союза. После одного из заседаний Совета директор издательства «Детская литература» Пискунов сказал мне:

— Витас, ты неплохой очеркист. Не мог бы ты написать для нас книгу о Литве? Мы сейчас издаем серию — шестнадцать республик. Мы заказывали такую книгу А. Лиобите, но у нее ничего не получилось, просили Юстинаса Марцинкявичюса, но и он, попробовав писать, отказался.

— Хорошо, напишу, — пообещал я, а вернувшись домой, пригласил переводчицу Н. Сафаренко и спросил: — Сколько тебе платят за мои переводы?

— По семьдесят рублей за печатный лист.

— Наташа, я тебе буду платить по сто, но книга до Нового года должна быть хорошо переведена и отредактирована.

Через несколько месяцев перевод уже лежал на столе у Пискунова. — Так быстро? — удивился он.

— Когда умеешь — несложно, — ответил я и стал ждать.

С ответом задержки не было. Книга издательству понравилась, но на всякий случай ее отдали на рецензию академику Иоффе. Его рецензия была ни то ни се. Такого высокопарного, оторванного от жизни академического невежества я еще не встречал в жизни. Среди всевозможных обвинений в национализме, однобокости, непонимании роли пролетариата были и такие: «Не понятно, почему автор называет своих князей великими, ведь Литва такая маленькая страна. Все историки привыкли М. К. Огиньского считать поляком, а он

пишет, что этот вельможа был литовцем. Зачем напоминать, что Москва платила дань Витаутасу и подписала невыгодный ей договор? Такие факты вредят дружбе народов. Зачем писать, что Кутузов был первым вильнюсским генерал–губернатором?..» Но больше всего замечаний было сделано относительно моей общей «небрежности», дескать, таких фактов в Большой советской энциклопедии нет.

— Узнав, что издательство не согласно с рецензией академика, я сел писать ответ. Прежде всего, я напомнил рецензенту, что книга специально написана о том, чего нет в энциклопедиях, что Русь во времена Витаутаса была гораздо меньше Литвы, но и ее князья называли себя великими в соответствии с тогдашней модой. Когда Польша и Литва объединялись в одно государство, от этого ни поляки литовцами, ни литовцы поляками не стали. Мы живем в Советском Союзе, но у каждого народа есть свое название, свои язык и культура. Для русских Кутузов — освободитель, а для нас — завоеватель… Таким образом я раскритиковал все 183 замечания историка. После моего письма академик героически отказался от рецензии:

— С таким автором работать невозможно.

Но для выпуска книги нужен был другой рецензент. По совету Пискунова я поехал к Пашуто.

Он очень любезно меня принял. Я ему поплакался о своих приключениях в Вильнюсе и в Москве.

— Не огорчайся, Иоффе ученый очень узкого профиля, а вильнюсцы составляют историю Литвы очень неграмотно, они читают чужие учебники и выискивают где, когда и кто упоминал Литву, особенно ее враги. Это ошибочный, не учитывающий всех аспектов путь. Надо копаться в подлинных, первичных документах, договорах, письмах, российских и папских архивах, создавать собственную научную Концепцию. Все остальное — лишь дополнительная иллюстрация, подтверждающая или опровергающая ее.

Академик прочитал книгу и написал лишь одно предложение: «Я был бы счастлив, если бы и в России были такие писатели, влюбленные в свой край и знакомые с ее историей. Книгу обязательно надо издать».

Уже через полгода 100 000 экземпляров книги разошлось по всей стране. Ее перевели эстонцы, украинцы, грузины, латыши, молдаване, арабы… Московская пресса приняла ее очень

благосклонно. И лишь после этого я был понят своими. Меня пригласили в издательство «Вага».

— Приближается сороковая годовщина Советской Литвы. Мы тоже хотим издать книгу, — сказал заведующий отделом Йонас Стукас.

— Пожалуйста, — ответил я ему, — но я послушался твоего совета и ключ выбросил в окно. Переводите с русского.

Казис Амбрасас был еще более любезным.

— Ну зачем тебе упрямиться? Неужели у тебя нет литовского варианта? В конце концов, разве тебе деньги не нужны?

— Есть у меня вариант, который вы раздраконили, деньги мне нужны, но шкаф дороже, не хочу выламывать дверцы. — Надо было и мне как–то поизмываться над трусостью и приспособленчеством издателей.

Потом меня упрашивал Й. Шимкус, еще несколько функционеров, пока я не оказался у Баркаускаса. Он принял меня очень вежливо и дипломатично напомнил, что я живу в Литве и что читатель не виноват в допущенных ошибках. Секретарь ЦК никак не мог игнорировать положительные московские рецензии, но я к тому времени был уже ученый, поэтому выторговал, чтобы цензоры не слишком придирались к тексту и позволили мне писать о том, в чем я разбираюсь, и так, как умею.

Художник Р. Дихавичюс подобрал для книги самые лучшие, по его мнению, графические работы. Рукопись отправили в типографию. В последний момент иллюстрации были заменены невесть откуда взятыми индустриальными пейзажами, а конец украсило неясно чьейрукой дописанное предложение о том, что я не представляю будущего Литвы без «светлого коммунистического завтра».

Разозленный я прилетел к Стукасу.

— Кто просил это писать за меня? Ваше право вычеркивать все, что вам не нравится, но, извините, присочинить?..

— Ты на меня можешь сердиться, проклинать и подавать в суд, спокойно ответил он, — но если бы не это предложение, книга никогда бы не вышла. Ты не представляешь, каких высоких помощников ты приобрел. При выпуске следующего издания сможешь вычеркнуть, но сейчас не отнимай у наших детей истории Литвы. Другой такой книги у нас пока что нет, и, думаю, еще не скоро будет. Лучше пошли в ресторан и сделаем по глоточку.

Когда невозможно ничего изменить, надо довольствоваться тем, что имеешь. Пришли мы, наконец, к общему мнению и мирно расстались в ресторане под рассказы разных анекдотов о глупой власти и не только о ней.

Вот с таким багажом общественной и творческой деятельности за несколько последних лет пришел я в «Саюдис», распростерший передо мной свои объятия. Когда меня предложили в члены Инициативной группы, секретарь собрания З. Вайшвила спросил:

— За что его предлагаете?

— Так без Петкявичюса просто невозможно, — ответил профессор Чесловас Кудаба.

Но когда клика Ландсбергиса все перевернула с ног на голову и начала грызню за власть, мои убеждения вынуждали меня сопротивляться. А еще позже, когда меня не поняли друзья и черт знает в чем обвинила свора новых приспособленцев, я отошел в сторону. Что делать? Одни засыпают ямы, мостят дороги, а другие крепят на тех дорогах таблички.

ЖАЖДА НА БОЛОТЕ

– я сувалкиец и возьму все, что мне дадут.

Й. Каросас.

– я цыган и украду все, что плохо лежит.

Ромалэ, цыганский барон.

Был прекрасный тихий вечер. Наша семья собралась на традиционный праздник. Разговор не вязался. После нескольких веселых фраз мы вновь возвращались к той злополучной политике, как язык к больному зубу. Мне все казалось, что я что–то не так сделал, чего–то не закончил, где–то ошибся… Дочь не выдержала и пожурила меня:

— Папочка, что ты переживаешь, что ты оправдываешься? Настоящий художник — сам по себе правда, потому оправдываться ему не пристало, даже некрасиво.

Это была истина, проверенная веками. И как хорошо, что хоть изредка об этом дети напоминают родителям. Я не находил слов для ответа, поэтому снова начал оправдываться, что художник становится настоящим только потому, что он по своей природе самоед, постоянно сомневающийся и вынуждающий думать других. К счастью, позвонил председатель Президиума Верховного Совета Витаутас Астраускас и очень скромно, не хвастаясь и не строя из себя большого человека, сказал:

— Мы тут, в Президиуме ВС приняли такое решение – поднять над башней замка Гедиминаса трехцветный флаг. Как ты считаешь?

— Это очень здорово! Замок — исторический памятник, поэтому никого не должно задеть. Я был в Чехии, там над замками развеваются старинные флаги.

— И мы так считаем, конечно, если вы не против.

— Витаутас, за кого ты меня принимаешь?

— А кто тебя знает? Вы же на своих плакатах надели на меня фашистскую фуражку Пиночета.

— Дурацкая работа. Это выдумки вашего проверенного интеллигента, но вы и сами виноваты, отпустили вожжи. За такие оскорбления полагается судить. Я всегда был и буду

против любых издевательств.

— Об этом мы когда–нибудь поговорим подробнее с глазу на глаз. Тот человек — это не моя инициатива. А теперь позвони Вилейкису, он уполномочен и обо всем знает.

— Это сделать не трудно, мы соседи, но, дорогой Витаутас, что побудило вас к такому шагу? Будь добр, скажи мне, как писателю и другу, даю слово, мне это чрезвычайно важно!

— Вы напрасно считаете нас своими врагами. Мы тоже хотим участвовать в национальном возрождении.

Так говорил тогдашний президент Литвы, от которого многое зависело. Даже судьба «Саюдиса». После этого говорить, тем более расписывать, будто все сделал один самозванец, более чем гнусно.

У нас не было серьезных врагов. Не было их. Поэтому мы и разрастались, как крапива в теплице. Не понимаю, почему этот факт сегодняшние историки намеренно замалчивают или искажают. Почему об этом ни разу не заикнулся и сам генерал госбезопасности, присутствовавший на том заседании и каждодневно консультировавший Верховный Совет?

Вилейкис был очень конкретным, деловым и будто избегал меня: — Дам команду, ночью спустят Государственный флаг, а утром мы поднимем другой, только у меня его нет.

— Найдем.

Председатель исполкома описал небольшой сценарий митинга. Замысел мне понравился. Я позвонил Жебрюнасу.

— Хорошо, у меня еще остался этот реквизит. Будет сделано парке Вингис он не порвался. Ты молодец.

— Не я, на сей раз — высшее руководство.

— Какая разница? Если твердо стоишь на своих позициях, чего доброго, завтра тебя назовут стагнатором. Ура!

На следующий день ранним утром по указанию Ландсбергиса ни с того ни сего была собрана Инициативная группа. Господи, какой скандал! Нас кто–то обошел, предал и оказался гораздо проворнее.

— Кто проведет митинг? — был первый вопрос Ландсбергиса.

— Председатель исполкома Альгирдас Вилейкис.

— Этот негодяй?! Этот стагнатор? Это дерьмо? — подобно базарной бабе принялся кричать интеллигентнейший из

интеллигентнейших.

— Как тебе не стыдно? Это выбранное тобой руководство. Ты сам за него голосовал.

— Кто дал вам такое право без нашего постановления? — метался четырежды обезвреженный кусачий кролик А. Юозайтиса Альвидас Медалинскас.

— Это измена! — Меня, старого волка, винил этот не остепенившийся и не блистающий способностями мальчик, которого не только через несколько институтов, но и в «Саюдис» протащил папаша. Мы будем протестовать!

— Альвидас, мы только что отучили тебя пресмыкаться, а ты уже начинаешь топтать других. Опомнись.

Почти все, за исключением Жебрюнаса, Даунораса и еще нескольких интеллигентов, высказались против поднятия флага. Озолас заявил, что он выйдет из «Саюдиса».

— Баба с возу — кобыле легче, — подкинул я.

— Как ты смеешь?!

— А мне подсказал А. Чеснавичюс, за которым ты шпионил.

Наступила гробовая тишина. Тогда я спокойно объяснил: — Если вы такие могучие, идите и поднимайте сами, только не забудьте, что у башни дежурят милиционеры с автоматами. Они вас не подпустят. Нужен приказ руководства, чтобы опустить Государственный флаг и оставить флагшток пустым… Иначе это будет криминал.

Этот холодный душ остудил горячие головы. Ландсбергис куда–то выбежал. Мы с Жебрюнасом разделились: он поехал за флагом, а я пошел к председателю Вилейкису. Как нарочно, на улице столкнулся сА. Терляцкасом. Распушив свой вихор, он пристал ко мне:

— Это правда, о чем вчера сообщили по радио и телевидению? — Правда.

— Что вы делаете?! Это измена! Флаг сменим только после получения независимости.

— Слушай, Антанас, ты сговорился с Чекуолисом или излагаешь собственное мнение?

— Пшел к черту этот кагэбэшник, но и ты порядочный негодяй! Я в тебя верил!..

— Продолжай верить, но сначала повтори эти слова своему патрону Ландсбергису, который называеттебя уличным

политиком и шарлатаном. И еще: почему ты повсюду шатаешься с президентским флагом?

— Это вопрос тактики.

— А это — стратегии. Передавай привет своим родителям и не забудь, что политика — концентрат всех людских пороков.

Вилейкис ждал меня на улице. Мы уселись в машину. Я вдруг спросил его:

— Что ты сделал этому Ландсбергису, если он с таким остервенением тебя ругает?

— Мы не дали ему квартиру на улице Шило. Он так заврался и столько напрописывал всяких родственников, что стало тошно. У него и так две квартиры, третья ему не полагается.

Вот так создавали «врагов нации». Одному не понравился Вилейкис, другому — Астраускас. Одни натравили на неугодных им людей несколько медалинскасов и гед, другие украсили их портреты фашистскими регалиями, толпа ухватилась за такую свежатину и начал*а* ее таскать по митингам, ничуть не задумываясь о том, что же эти люди сделали плохого. Бог живет в человеке, а в толпе его не бывает. Главное, чтобы была новая жертва, новая фамилия, новый виновник их бед, а то, что за этими именами стоят порядочные люди, имеющие перед Литвой заслуги, никому не докажешь. Толпе постоянно нужны жертвы, так сказать, твердое топливо для подогрева ее ярости. Цель оправдывает средства. Поэтому я и сказал на митинге:

— Духовная пустота вождей передается народу, поэтому опомнитесь. Перед тем, как ликовать, свергнув тиранов, хорошенько осмотритесь, кому вы помогали их свергать!

Эти слова людям запомнились, они раздражали, сердили, пока, наконец, не стали явью. Когда в борьбе за личную власть Ландсбергис превратил Верховный Совет в собственную «парламентскую резистенцию», многие в него еще верили, а когда он переименовал егов угодный ему Восстановительный Сейм, многие стали оглядываться, но когда он в конце своей политической карьеры потребовал себе президентскую пенсию, только тогда все очнулись. Но если бы этот врожденный разрушитель на начальном этапе «Саюдиса» предложил двурушникам платить по две пенсии, его прихвостни проголосовали бы за эту глупость единогласно.

И, наконец, крупнейшее злодеяние бывшего «искупителя» — афера с «Вильямсом», взвалившая на Литву оброк на

неограниченное время. Видите ли, не подпустим Ивана к трубе[9]… Вот мы какие великие! А через несколько лет несет по телевидению чепуху, будто не помнит собственного величия: «Я не помню, вносил ли поправки в тот договор или нет!» А чья подпись? Прав Адолфас Стракшис, прекрасный публицист и аналитик: «Ивана к трубе подпустили американские евреи, не спрашивая мнения Бабилюса и Ландсбергиса. Не подпустили, а свой своему отдал весь завод со всеми трубопроводами, несчастным Бутингским терминалом и правом управления предприятием ПОЖИЗНЕННО. Неважно, кому предприятие будет продано, но право управления им никогда не будет принадлежать Литве. По такой своей негативной мощи этот печально известный договор можно сравнивать с секретными договорами Молотова — Риббентропа».

После многочасовых бесед с Роландасом Паксасом оказалось: было заранее известно, что «Вильямс» — фирма–посредник и что рано или поздно, нахапав денег, она сбежит из Литвы. Для янки или янкелей, оказывается, очень заманчиво прижать арабов русской нефтью, и Литва здесь ни при чем. Пусть идет по миру, если подписывает документы, не читая их. Вот какие подводные скалы отшибли сегодняЛандсбергису память, которую стоило бы подлечить в какой–нибудь камере–одиночке, так как хищений такого масштаба в нашей истории еще не бывало. Что там Витаутас Первый, отписавший крестоносцам жемайтийцев (жмудь)[10]? Один смех, по сравнению с нынешним предательством Ландсбергиса. Разве это не новый способ покорения Литвы, спланированный «Черным сценарием»? Литву опять продали. Уже в который раз все сделано за спиной литовцев.

Очередной сеятель независимости Литвы, не считаясь с Конституцией, собрал Совет по обороне и без какого–либо сопротивления заставил всех его членов поднять руки. Разве это не похоже на решение правительства Меркиса без боя пустить русских в Литву[11]? Потом мирным путем предать их суду своих товарищей Скучаса и Повилайтиса, а уж после этого уносить ноги куда попало, чтобы пришельцы не отобрали полученные деньги. Подобным образом мы отказались от Вильнюса, отдали Клайпеду. Что еще отдадим мирным путем? Пока не все разграбили, значит, не все еще потеряно, еще можно в течение нескольких каденций поиграть в независимость.

Сейчас московская пресса пишет: русские построили Мажейкяйский нефтекомплекс — русские и будут управлять им.

Ландсбергис и Адамкус только восстановили историческую справедливость, сами того не ведая. С последними словами не могу согласиться. Ложь! Знали и знают, чья это выдумка, потому ребятки и отрабатывают своему настоящему хозяину, честно служат, но не за страх и не за совесть, а потому, что слишком глубоко заглотили заброшенные различными спецслужбами блесны. Особо не порыпаешься, когда острый тройник раздирает брюхо…

Такова правда жизни: одни мыслят, творят, участвуют в исторических событиях, а другие участвуют только в дорого оплачиваемых торжествах. И я не всегда пахал.

Митинг, приуроченный к поднятию флага, мы начали вовремя, минута в минуту. Заранее условились: по окончании митинга трубач подаст знак, флаг поднимется над башней, оркестр исполнит гимн… Поэтому речи были краткими, ясными, кто–то вместо слов только смахивал слезы радости. Около трибуны суетился не осмелившийся протестовать А. Терляцкас. Внезапно откуда–то выскочил весь взопревший Ландсбергис. Он противился поднятию флага, сколько мог, но, почувствовав поражение, поспешил привести своего отца и на этом подзаработать себе очки. Он подбежал ко мне:

— Можно ли выступить моему отцу?

— Пожалуйста, сегодня общий праздник, — ответил я, не заподозрив коварства.

Не поверив в мою доброту, он еще раз переспросил и обратился к «врагу нации», так сказать, помылился и у него на глазах:

— А вы, уважаемый председатель, согласны?

— Пусть выступит. Только кратко. Время поджимает.

Старый Ландсбергис время затянул. Как и прочие старые люди, он очень нудно рассказывал, как в 1918 году, будучи интендантом формируемого полка, он вместе с капитаном К. Шкирпой поднимал флаг на башне, как ему салютовали солдаты будущего полка им. Гедиминаса и как им после этого пришлось бежать от большевиков в Каунас, как в пути его арестовали, допрашивали… (и, насколько мне известно, завербовали).

После такой длинной баллады нескольких ораторов пришлось вычеркнуть. Митинг затянулся, а под конец все испортил чересчур усердный и рвущийся показать себя А. Медалинскас. Он достал какой–то «проверенный» список и начал выстраивать своих людей, которые имели предоставленное кем–то право

вцепиться в края флага и без предателей торжественно занести его на гору. Вся эта процедура порядком затянулась. Наверху трубача никто не услышал. Когда флаг наконец донесли до башни замка, охранник знаменосцев внутрь не пустил, сам взял флаг и, переживая за музейный экспонат, сам его поднял. Люди внизу начали аплодировать, кричать ура. В общем шуме звуки оркестра растворились. Перекличка не состоялась.

Я не помню фамилии того охранника, но он точно не был ни Ландсбергисом, ни даже его дальним родственником. Он случайно оказался исторической личностью. Впоследствии он не откликнулся даже на приглашение по телевидению. Но свято место пусто не бывает. Его заняли оба Ландсбергиса: один — мессия, другой — патриарх. Люди, услышав это кощунственно повторяемое слово, стали возмущаться. «А вы, случаем, не ошиблись? Насколько известно, такое звание заслужил и таким званием до сих пор величали только Йонаса Басанавичюса», — писали в коллективном письме каунасцы, а восходящая телевизионная «звезда», немножко покривлявшись, ответила им: «К счастью, и среди живых у нас есть люди, которых можем называть патриархами нации». Такое указание дал В. Чепайтис, а она только сделала несколько ошибок в ударении… и ничего святого в нашем прошлом не осталось.

Материалы об этих торжествах были жестоко исковерканы и урезаны. В них не осталось ни Вилейкиса, ни меня. Совсем как во времена Брежнева: Ю. Гагарин рапортует Н. Хрущеву о выполнении задания, а в центре Политбюро вместо Никиты чернеет четырехугольная дыра, рядом с ней — новый Ильич, только не лысый, а кудрявый, и успешно поднявший усы Сталина на должный уровень своих бровей. Мы недалеко ушли от тех корифеев и сейчас можем радоваться правде только в том случае, если кто–то из наших деятелей обделается до ушей, или в случае его политической смерти, поскольку только тогда все его ошибки и ложь воскресают из мертвых. Таков уж наш обычай: стоит отучить литовца пресмыкаться, как он тут же начинает давить других.

В своем архиве я собрал около полусотни видеозаписей о первых днях «Саюдиса». Ими пользовались кинорежиссеры, смотрели журналисты. Они просили дать комментарии и пояснения. Некоторые из записей я передал и «государственному» телевидению. После, при сопоставлении оригиналов и «о государственных» записей, я обнаружил огромное превосходство новой демократии над старой. Ни на

одном из митингов, которые я вел или в которых участвовал, меня нет, нет и моих соратников, а где только мелькнет *«папашка»,* все сделано крупным планом, замедлено, выделено. Ведь за такие героические усилия этим «государственникам» следовало бы платить абонентную плату какой–нибудь кашей в Правенишкес или борщом строгого режима в Алитусе[12].

Страшен не сам факт, гораздо страшнее, что в благодарность за повышение по службе какой–нибудь Эйдинтас на основании этих «подлинных материалов» напишет историю для грядущих поколений, которых, вероятно, в Литве не будет. «Historia est magistra vitae», утверждали римляне и сами исчезли, запутавшись в этой истине.

Расскажу еще об одном поднятии флага, которое состоял ось намного позднее, когда уже началась предвыборная кампания. Пример Вильнюса заразил всех. В каждом историческом месте стали подниматься триколоры. Ими украсилась вся Литва. Несколько запоздав, ко мне явились саюдисты из Тракай во главе с К. Лангасом.

— Флаг уже развевается над станционным сортиром в Кайшядорисе, а у нас, в древней столице, его еще нет.

— Сами виноваты. Кто вам мешал?

— Нам не разрешает директор музея.

— Сказки. Я хорошо знаю Ирену Мисюнене, такие обвинения к ней не липнут.

На следующий день я посетил эту прирожденную музейную труженицу и поведал ей о цели своего визита. Она порядком испугалась: — О, Боже! Идет ремонт замка, с над вратной башни снят флагшток. — Флагшток — не стенка, его можно прикрепить и временно. — В музее ничего нельзя делать временно: если мы флаг поднимем, он должен будет там оставаться.

Если честно, то только благодаря огромным стараниям этой женщины поднялся триколор над Тракай. Директор ни днем, ни ночью не давала покоя строителям, пока те не сделали что нужно, а потомее бессовестно забыли. Вместо нее объявилось какое–то «окно»!, а с ним вместе — зоотехник курятника, дебелая учительница физкультуры и еще несколько самозванцев, и пальцем не пошевеливших для дела.

На подъем флага прибыл А. Бразаускас. Дело было к осени, поэтому я сбегал в магазин и купил венгерский плащ. Кто знает? Тут Литва, тут дождик… Точно в таком же реглане

явился и Бразаускас. Одинаковая одежда и при ческа делают людей очень похожими. Уже во время митинга послышались реплики, что мы — двоюродные братья, иличто я — зять Бразаускаса и очень на него похож. Не выдержав, я вслухпошутил:

— Это Бразаускас на меня похож, ведь я на два года старше.

Совершенно неожиданно временный двойник нахмурился. Моя фамильярность ему не понравилась. А позднее, когда мы на руках внесли его в Президентуру, он и вправду ощутил себя «эксцеленцией» — его превосходительством — и очень любезно разговаривал только с теми, кто его так величал. Он и по сей день не знает точного перевода этого латинского Титула, но «эксцеленция» — словно подвешенная на елку игрушка. Думаю, что его буфетчица раньше негорасшифрует это слово. Извлечет из него всю нужную ей пользу.

После кампании с поднятием флагов мы приступили к подготовке первого съезда «Саюдиса». Люди порядком устали от торжеств и митингов. От всех групп поддержки требовалось выбрать делегатов. Мои денежки иссякли, как вода из колодца во время пожара. Но чем больше я бился, тем яснее понимал, что от подготовки съезда меня стараются изолировать, а сама Инициативная группа только одобряет уже сделанные дела. Никакие коллективные решения уже не исполняются. Все в свои руки перенимают А. Юозайтис, В. Чепайтис, В. Ландсбергис и прибившиеся к ним З. Вайшвила, В. Томкус, А. Медалинскас, Г. Сонгайла…

При обсуждении места проведения съезда я опять ввязался в спор и с трудом убедил других:

— В Театре оперы и балета не вместимся. Там красивее, теплее, но и дороже. Загляните в протоколы: сколько выбирают делегатов в районах и сколько записывают в качестве гостей? Столько желающих не разместить и на стадионе.

Просить Дворец спорта надо было у Вилейкиса. По известным причинам Ландсбергис разговаривать с ним отказался. Счастье, что нашу просьбу поддержали Астраускас и Бразаускас.

— Им нужно помочь, — говорил председатель Президиума ВС, — может быть, после этого не будут такими злыми…

— Ремонт. Приближается зимний сезон. Не подготовимся. Кроме того, пусть эти мудрецы и собственные мозги подремонтируют. Посмотрите, что они о нас пишут! Что говорят!

— Процесс пошел и больше не останавливался, — перефразировал кто–то Горбачева… Смеясь, мы ударили по рукам.

В ходе подготовки к съезду возникала масса всевозможных довольно важных мелочей, но с нашими «великими практиками» было очень трудно договариваться о чем–то конкретном. Они все еще витали в облаках, поэтому после споров меня несколько раз «приводили в чувство»: то вычеркивали из списка будущих ораторов, то возвращали, а один раз, по предложению пьяного С. Геды и при одобрении поссорившегося с самим собой З. Вайшвилы, были приостановлены мои полномочия. В этой процедуре я участия не принимал, поэтому не знаю, кто за что голосовал. О приговоре я прочитал на доске объявлений и в злобной статейке А. Юозайтиса.

Потуги этих зазнаек меня не удивляли. Рано или поздно это должно было произойти. Обидно, что большинство не придало этому значения и при голосовании воздержалось. В конце концов такие издевки приостановил Йокубас Минкявичюс:

— Что вы делаете? Кого изолируете? Петкявичюса от «Саюдиса» или «Саюдис» от Петкявичюса? А если он сам пошлет нас в одно место? Что тогда? Что останется от вас самих? Я первый уйду к нему.

По такому случаю из Чикаго позвонил Бронюс Райла (Сакадольскис) и долго уговаривал меня одуматься. Наконец каунасский политехнический и медицинский институты приняли соответствующие резолюции о том, что я не имею права отступать. Это должны решать выбравшие меня люди. Группа «восстановила» мои полномочия, хотя сама ими не обладала. Но я и сейчас жалею, что об этой шайке кагэбэшников не высказал всю правду на съезде, хотя половина упоминаемых здесь к тому времени так или иначе засветилась и всплыла на поверхность. Вот мое «антисаюдистское» заявление, которое записала на видеопленку Пангоните:

— Хлопцы, кончайте вонять. Некогда. Если будем продолжать пустые споры, я уйду. Мой карман пуст. Надо где–то зарабатывать деньги, а вы транжирите пожертвования…

И за это прекращать мои полномочия?! Суть не в этом. Перед съездом я попытался найти протокол от 3 июня как документа, удостоверяющего полномочия и действия Инициативной группы. Таких документов не нашлось. Писавший протокол *Зигмутис* (Вайшвила) передал его «комунужно», а снять копию

поленился. Точно так же, как и сегодня никто неможет найти записи, подтверждающие, когда и каким образом В. Ландсбергис оказался председателем «Саюдиса». Как в известной песенке: «Бак пробит, все дрожит, а машина летит на честном слове журналиста Альгимантаса Чекиста и на одном крыле…» Других доказательств нет.

На съезде не обошлось без фальсификаций. Ну как без них, если к чему–то приложил руку Ландсбергис? Они появлялись как–то сами собой, такая уж у него натура. Когда я писал книгу, пришлось много поработать, чтобы отыскать хоть что–то светлое в делах этого деятеля, но тщетно. Несколько раз я усомнился, не заподозрит ли меня читатель в патологической ненависти к этому человеку, но (слово писателя!) от самой первой подделки в студенческой зачетке до ужасной аферы с «Вильямсом» его спутниками были только интриги, корысть, мания величия и необыкновенная, просто библейская жажда власти. Нынче уже говорят более откровенно — параноидная.

Сопоставляя все имеющиеся факты, я раскусил и простейшую, с древнейших времен известную механику этих фальсификаций. Надо взять какой–нибудь незначительный, но подлинный факт и раздуть его до бесконечности. Этот факт где–нибудь описан и не вызывает сомнений, а все прочее — уже дело фантазии. При каждом удобном случае Ландсбергис хвастает, что он обыграл в шахматы чемпиона СССР Михаила Таля. Да, был такой случай, но Талю в то время было 11 лет, он только начинал свою спортивную карьеру в рижском Доме пионеров, а чемпионом стал намного позднее. О том, что этого мальчугана тогда обыграли еще некоторые каунасские шахматисты, ставшие впоследствии знаменитостями, «благородно» умалчивается. Подлинная школа Макиавелли: достоверность факта — это лишь пустой мешок, а чтобы он выглядел полным и свидетельствовал в твою пользу, его надо наполнить чем угодно — ложью, домыслами, неосуществимыми идеями, — все это будет подтверждать тот первый, хотя бы и очень незначительный, но подлинный фактик.

Так случилось и на съезде. Лишь только он начался, лишь только Марцинкявичюс привел нас к присяге патриотическими заклинаниями о любви к родине, как команда Ландсбергиса тут же вытолкнула Г. Сонгайлу зачитывать список кандидатов в будущий сейм «Саюдиса». Этот докторишка еще не приобрел навыков вранья, поэтому краснел, заикался, все перепутал и, наконец, покинул трибуну.

Надо было спасать положение. Взяв список, растерялся и я. Он был уже пронумерован, помечен и испещрен всякими замечаниями. Все это было сделано до выборов, на глазах тысяч людей, которые смотрели и не понимали, что происходит. Напротив фамилии Вайшвилы — приписка: «Уже выбран зелеными». А. Юозайтис, В. Чепайтис отмечены жирными плюсами и восклицательными знаками, а другие фамилии — еще более жирными знаками вопроса, хотя в правилах выборов комиссии было строго указано: никакой нумерации, никаких значков, никаких замечаний… Все кандидаты равны и должны быть записаны в алфавитном порядке.

Я вышел на сцену и под возгласы «Витаутас, Витаутас!» сказал:

— Никаких избранных заранее быть не может. Перед съездом мы все равны. Я зачитаю фамилии, а вы либо поддержите кандидатуры, либо потребуете вычеркнуть. Прошу обратить особое внимание местным организациям, выдвинувшим своих людей. Вы знаете их лучше.

Так мы быстро просмотрели весь список. Вычеркивать не потребовалось, но и после этого кто–то тайком дописал и напечатал Э. Зингериса и К. Уоку, которых в начальном списке при обсуждениине было.

Для меня появление Казимераса Уоки вообще остается не решенной до сих пор загадкой. В работе «Саюдиса» он не участвовал. В Каунасе учредил дискотеку с сомнительной репутацией. Когда посыпались жалобы родителей на то, что на ней совращают их детей, еще действовавшая власть прикрыла *этот* балаган, увеселительный центр. В знак протеста против такого «самоуправства» К. Уока привязал к камню брусчатки какой–то меморандум о своем творчестве ибросил его в окно квартиры начальника управления КГБ Г. Багдонаса. За это его арестовали. Было возбуждено уголовное дело, но судне состоялся. Две группы психиатров, изучив его действия, установили, что этот человек неподсуден. Его освободили.

Попав в сейм «Саюдиса», *этот* ковбой независимости стал проявлять себя с необычайной активностью. Он *стал* рупором Ландсбергиса, хотя его речи всегда балансировали между безумием и суперпатриотизмом. Когда Ландсбергис пробрался к власти, он неожиданно назначил Уоку государственным контролером. Даже когда правая рука Ландсбергиса, В. Чепайтис, усомнился в целесообразности такого назначения, *«папашка»* ему ответил:

— Так надо.

Этот факт, когда неподсудному человеку поручается контроль над преступностью в государственном руководстве, не имеет прецедентов ни в одной из стран. Каким образом, с помощью каких средств или законов мог он выполнять такую ответственную работу? Большего издевательства над нашей восстановленной государственностью не придумал бы и Чарли Чаплин, и созданный им диктатор Бензино Газолини.

Вся деятельность этого бедолаги за две каденции Сейма отмечена тем, что он трижды объявлял голодовку и четыре раза обещал публичное самосожжение. Когда в Гедрайчяй он возле памятника солдатам, погибшим за независимость, поставил палатку и залег туда на голодовку «до победного конца», Ч. Юршенас поручил мне съездить туда и по–мужски поговорить с ним. Мы с женой очень торопились, так как нас пригласили на юбилей каунасской 4–й гимназии. Героя мы в палатке не обнаружили. Какой–то дедок с метлой просветил меня: — Блудит здесь какой–то придурок.

В гимназию я порядком опоздал и чуть не споткнулся от неожиданности: великий патриот сидел за праздничным столом и уплетал все, что подворачивалось под руку. Рядом с ним сидела моя бывшая классная руководительница Йовита Ченене. Мне стало очень жалко эту необыкновенно чистую и интеллигентную старушечку.

— Учительница, как Вы можете сидеть возле такого неряхи и самозванца?

— А что мне делать? Директор обязала не спускать с него глаз. Пристал, и никак не могу отделаться. Витаутас, отведи ты его куда нибудь в сторону…

Я ушел с празднества и тут же отправился домой. Если бы не такой большой праздник, честное пионерское, набил бы морду этому диснейлендскому клоуну. К счастью, меня удержала жена.

А в следующий раз, когда мы попросили его вон с ответственной должности, *этот* притворщик с трибуны Сейма объявил о самосожжении и даже назначил дату: не более и не менее, как в День коронации Миндаугаса вспыхнет костер его аутодафе. Мало того, ровно в двенадцать часов, в самый полдень… Когда член Сейма Альбертинас подошел к трибуне и положил перед ним коробок спичек, чтобы он не забыл их прихватить, этот герой поправился:

— Я сожгусь, если Альбертинас привезет к Сейму грузовик

сухих дров.

у меня и сегодня не умещается в голове, при каком строе, в каком государстве могли происходить подобные комедии? В какую Европу, в какой Бим–бам–бумский союз могли мы прийти с такими руководителями? Поэтому хочу еще раз напомнить, что в совет сейма «Саюдиса»этого обормота записал сам его высокородие «мессия», поскольку ему, по правилам игры «Черного сценария», такого осла, контролирующего государственные дела, было очень удобно иметь под рукой, тем более что его рекомендовали те, которые первыми установили его неподсудность.

Эмануэлис Зингерис — человек иного склада. Прежде всего, это библейский брат Ландсбергиса. Интеллигентный, насколько это возможно для еврея. Оборотистый, осторожный, не сует носа куда не следует, никого не толкает и никуда не встревает, но прекрасно знает, сколько ему за это полагается. Согласно нынешней генетической теории, один из этих братьев уродился евреем большим, чем настоящий, другой — большим, чем настоящий, литовцем. Один блеет, оглаживает бородку, исходит соплями, другой — лицо гладкое, как у гермафродита, каждое свое слово тянет, будто бесконечную песенку; один черпает из казны, как из колодца, другой — ежечасно по щепоточке… И оба имеют… Ведь не обдиралы, как говаривал мой отецо торговце селедкой Барухе Менделисе; первый за несчастную чешуйку берет с католика по одному центу и процветает, а второй сдирал бы, если бы мог, по два, но через несколько дней непременно бы обанкротился. А оба вместе — идеальная пара.

Съездив через Израиль в Норвегию, Зингерис при поддержке соплеменников выпросил для Ландсбергиса премию. Норвежцам это ничего не стоило. Об этом они хвастались в норвежской масонской прессе. Когда мы вздумали обложить эту премию налогом, Зингерис доказал, что премия предназначена его библейскому брату по крови. Ну чем не барон Ротшильд? Когда тот миллионер ссужал королю Франции деньги, то постоянно хныкал, что он всего лишь бедный еврейский банкир, а когда грабил целый французский народ, то похвалялся, что он — барон голубых кровей. В нашем демократическом государстве нет ни королей, ни баронов. Плодятся только бараны, премьеры и президенты. По царским законам, действовавшим 300 лет, еврей вообще не мог быть дворянином. Только во время «поющей революции» среди них объявился один граф. Хотя Генеральная прокуратура такими данными не располагает, но

расследование ведет. Она установила, что дворянство не запрещается, по крайней мере, такое, какое в Швеции за 50 крон купил Сигитас Геда. Не запрещается и голубая литовская кровь, разбавленная благотворительной синтетической «дурью» (метадоном) от Сороса. Затем следует подпись: Пятая пятница недели Петнича (фамилия генерального прокурора при власти консерваторов, жарг. — пятница), или государственный Канканщик Заморышевич Дубина. Затем следует медицинское заключение: нос Петничиочень велик, но юридически оправдан — должно же что–то выглядывать из кармана Ландсбергиса[13] .

Положение явно анекдотичное, но мы обязаны научиться смеяться над собой сами, чтобы не смеялись постоянно наши соседи. Поучимся у евреев. Они так здорово подшучивают друг над другом, но попробуй сунься к ним со стороны…

Когда в сейме «Саюдиса» объявился Зингерис, я ничуть не удивился. Ведь не может фирма вождя обойтись без собственного еврея, тем более, без генетического или симбиотического брата. Но это проблемы глобализации, дошедшие до нас от счастливых времен создания Библии.

А пока что идет первый съезд «Саюдиса». Он еще волнует умы масс. Доверчивые литовцы думают, что возродился дух Витаутаса, что из той митинговой пыли восстанет какой–нибудь князь Гедиминас и встряхнет седую гору… Требовалось совсем немного — чтобы муж встал рядом с мужем и чтобы их скрепила для подвига добрая присяга. Торжественных обязательств было написано больше, чем требуется, а приличных мужей так и не нашлось. Поэтому на новом национальном возрождении поднялся не Гедиминас или Кястутис, а полукровок «мессия». Седая гора осела и превратилась в раскисшую землю Марии[14].

Никто такого и не предполагал, а кое–кто уже водил под ручки новоиспеченного «патриарха», друга Гитлера и Шкирпы, разведчика и соратника знаменитого «Витаса» — Юозаса Вайткунаса, архитектора и копировальщика стратегических карт старого Ландсбергиса. Но неблагодарная толпа не желала его даже замечать. Какое неуважение!.

После речи В. Алюлиса Альгирдас Бразаускас прислал мне записку с приглашением в правительственную ложу. Там сидели В. Сакалаускас, В. Астраускас, А. Вилейкис, Й. Шерис и другие представители руководства.

— Как ты думаешь, — спросил меня Альгирдас, — если мы вернем верующим Кафедральный собор?

— Что тут думать? Давно пора. Если не вы, то народ сам его вернет, а мы упустим случай побывать в мудрых политиках.

Пришел и Ландсбергис. Он все выслушал и спокойно решил:

— Это — не «Саюдиса» дело. — Словом, как поступите: так и будете отвечать. В связи с этим случаем он где–то даже написал, что он — лютеранин. Еще не масон, но уже реформатор.

— Хорошо, все будем в ответе, — закончил это короткое совещание Бразаускас и те же слова, правда, в иной, более патриотичной форме, произнес с трибуны. Зал ответил ему продолжительным скандированием: «Альгирдас, Альгирдас!..» А еще через несколько минут на трибуне появился Роландас Паулаускас, назвавший возвращение Кафедрального собора костью, которую подбросил КГБ, чтобы вернуть нас в объятия Москвы. Инициативную группу «Саюдиса» этот смутьян обозвал агентурой госбезопасности.

— Его выступление не планировалось. Кто пустил его на трибуну — возмущался Ландсбергис.

— Ему нужно дать отповедь. Кто председательствовал? — Мы еще придерживались демократии и руководили в алфавитном порядке. Ю. Марцинкявичюс выступать отказался.

— Я уже раз выступил, — поскромничал он.

Сидевшая рядом К. Прунскене принялась меня агитировать:

— Только ты можешь это сделать лучше других. Очень хорошо поправил Сонгай лишку, владеешь ситуацией…

Вот тут я и клюнул, как петух на похвалу кукушки. Сразу после выступления, во время очередного перерыва, я узнал, что Роландаса привел на трибуну Ландсбергис и от имени группы попросил обязательно предоставить ему слово. Я долго раздумывал и никак не мог понять, зачем профессору понадобился этот гимназистский, попахивающий рыбным рынком маленький подвох.

Уже много позднее, когда Р. Паулаускас приехал ко мне в Бирштонас, мы вдвоем наконец разобрались, что Ландсбергису показалось, будто масса слишком долго скандирует мое имя и имя Бразаускаса, а его и его отца встречает слишком скромно. Скажете, ребячество, гимназия?. А капля за каплей за десяток лет?

— Что они — святые? — возмущался он во время съезда. — Может, стать перед ними на колени? Ты, Паулаускас, будь мужчиной идемократом! — Вот он и выровнял ситуацию. В свою

пользу.

— Я не собирался выступать, — оправдывался Роландас, — поэтому речь получилась бессвязной и горячечной. Он сам мне подбросил мысли о кости…

На том провокации не кончились. При вскрытии урн выяснилось, что компьютер запрограммирован неправильно и подсчитал бы голоса, как удобнее или выгоднее программисту. Обнаружив диверсию, мы решили работать вручную. Набрали в зале полные карманы шариковых авторучек, пригласили отряд молодежи, так как люди, внесенные в бюллетень, не имели права подсчитывать голоса. Сразу «перевоспитать» в свою пользу такое число счетчиков было невозможно.

Наверное, все участники съезда хорошо помнят, как они терпеливо ждали результатов до пяти часов утра. Выйдя к ним, я успокаивал, что все в порядке, что это только капризы несовершенной техники, а в душу было нагажено. В массе возникли подозрения. Создалась неповторимая ситуация: по одну сторону тысячи людей ждали от нас справедливости, нового порядка, а наши «справедливые» очень постаринному грызлись за власть.

После неудачной попытки вовлечь в аферу бездушную машину никем не избранный А. Юозайтис занял место председательству Ющего и попытался осуществить трюк само лично. Во вступительной речи он сказал, что наступили иные времена и созрели новые правила игры. По его мнению, многие члены Инициативной группы постарели, уже не активны, поэтому в совет Сейма «Саюдиса» нужно выбрать других, молодых и более надежных людей, так сказать, не испорченных прошлым. «Долой коммунистов!» он воскликнул несколько позже, когда его самого схватили за руку.

Поднялся большой шум, начались яростные споры. Большинство избранных воспротивилось этой провокации. Даунорас обозвал Юозайтиса шизофреником и мерзавцем. Поднявшись, он хотел покинуть заседание, но мы его отговорили. Заволновались представители районов. Один из них крикнул:

— Выполняйте программу «Саюдиса», а не устраивайте в нем переворот!

Тогда С. Шальтянис нашел спасительное решение:

— Пусть Инициативная группа в полном составе считается советом Сейма. Эти люди все начинали, пусть они и кончают.

С предложением согласились все, кроме президиума. Группа осталась неизменной. Юозайтиса попросили из президиума. Не помог и принесенный им молитвенник. Его глаза остекленели, а сам он сделался каким–то мраморным и перенапряженным, как в столбняке. Его губы шевелились, не произнося ни слова. Мне стало его жалко. Его сменили В. Чепайтис и З. Вайшвила. Только после этого в зале были объявлены результаты. Никого не забаллотировали. Переутомленные люди приняли это известие без особых оваций. Поэтому говорить о нерушимом единстве «Саюдиса» И нации — более чем наивно.

Дальнейшие события подтвердили победу «Черного сценария» над мягкотелыми интеллигентами. Они еще пытались провести второй и третий съезды «Саюдиса», но ничего приличного склеить уже не было возможности. Народ перессорили. Вспоминая текст первой присяги «Саюдиса», приходится признать: там, где мы нашли мир, посеяли раздор, где нашли обман, распространили ложь, где нашли тьму, там и остались в потемках. Словом, могила для идейного «Саюдиса» была выкопана еще во время Первого съезда, оставалось только подтолкнуть, благо число могильщиков росло с каждым днем…

Каждый малейший факт, который я сохранил, надеюсь, когда нибудь заставит людей крепко задуматься о будущем нашего края, о чести и достоинстве нашего народа, но пока те события очень быстро предают забвению и по чьей–то воле тут же хоронят на свалке истории, вернее, в митинговой бессмыслице нескольких лет, — но что позволительно рядовому человеку, не позволено писателю.

Какими мы были замечательными во время съезда «Саюдиса»! Все ходили, как опьяненные. Не знаю, на каком заседании сейма «Саюдиса» мы начали читать проект новой Конституции, который почтив одиночку написал большой знаток таких дел Ю. Буловас, и тут же авторство присвоил Ландсбергис, так исказивший ее в государственной комиссии, что автор не узнал некоторых ее разделов. Мы все это приняли за чистую монету и с олимпийским спокойствием рассуждали: разве важно, кто автор?. Гораздо важнее, чтобы эта Конституция была хорошей и справедливой ко всем. Какая тупость! Хорошая для всех, хотя создается для одного человека! Такая невежественная «демократичность» разбирающихся во всем саюдистских интеллигентов позволила нашу основную идею «Единого потока» постепенно, понемногу, слово за словом, шаг за шагом, превратить в абсурд «единственного пути». Никто даже не

заметил этого хорошо замаскированного обмана, а когда все поняли, было уже поздно.

А как мы гордились, когда Верховный Совет стал приглашать нас на свои заседания! Видите, нас признают, нас допустили, а мы, даже не задумываясь, как осуществлять наши идеи, только обвиняли других, требовали и страшно возмущались, что не слушают своих.

Бывая в Эстонии, Юозайтис стал главным политиком «Саюдиса». Практически он все копировал у соседей, не вкладывая от себя ни гроша: эстонцы делают так, эстонцы действуют этак, эстонцы уже обогнали «Северные Афины»… Эстонцы уже приняли постановление о верховенстве своих законов над законами СССР. Их нужно поддержать. Мы им обещали. Обещал Юозайтис, а выполнять должен, ни много ни мало, наш Верховный Совет. Ничего себе, скромность! Этот человек и сейчас так поступает. Разрушив планы А. Паулаускаса и не будучи причислен к лику святых, сбежал к «коммунисту» Бразаускасу.

А тогда вопрос был поставлен срочно и неожиданно, депутаты не подготовлены, никаких обсуждений, даже слуху непривычно, поэтому Ю. В. Палецкис и прикончил всю процедуру:

— Я буду голосовать, как Бразаускас и Марцинкявичюс… я подниму руку, только посмотрев на них…

А они взяли и не стали голосовать, испугались. Видимо, на них посмотрели и другие. Вопрос «остался открытым». Активисты «Саюдиса» покинули зал и тут же у здания устроили скандальный митинг. Я не присоединился к этим скандалистам, остался в зале, но вскоре получил из президиума несколько записок: «Призовите к порядку своих хунвэйбинов», «Наведите порядок, не позволяйте плевать в депутатов».

Уже смеркалось. Толпа была порядком возбуждена. Выступал Бронюс Гензялис.

— Чтоб их жены никогда не рожали! — рубил этот «гинеколог». — Это предательство, сравнимое с пактом Молотова — Риббентропа!..

— Бронюс, ты что делаешь? — остановил я разгоряченного оратора и призвал людей к спокойствию.

Гензялис словно пробудился ото сна и замолчал, устыдившись.

Такие дела ему не были свойственны. Он растерянно озирался и сам не мог понять, что здесь происходит, но его сменили

Вайшвила, Гудайтис и еще несколько горячих голов. В адрес Ю. В. Палескиса, А. Бразаускаса и Ю. Марцинкявичюса снова посыпался такой град проклятий, что стыдно пересказывать.

По окончании сессии депутатов встретили всеобщим воем. Выходящих начали дергать за рукава, плевать им в лица. Я вынужден был провожать их группами по несколько человек сквозь разъяренную толпу. Внезапно ко мне подбежала та женщина с аистовым гнездом на голове из двух рядов кос — та, которая не так давно просила разрешения прикоснуться ко мне, как к святому человеку, — и, отхаркнув, плюнула мне в лицо.

— Негодяй!.. Твою бога–душу–мать!..

— Чего они так взбесились? — дивился провожаемый мной Шепетис. — Что с ними?

— Их разгорячили. — Объяснять не было времени, хотя я понял все до мельчайших деталей. Так всегда сбрасывали троны.

Одна моя хорошо знакомая художница, спокойная интеллигентная женщина, расстелила перед выходом дорожку с проклятиями. Это

был длинный рулон бумаги, который она не поленилась разукрасить такой дьявольщиной, что не пересказать словами.

— Что вы делаете? Кто вам это поручил?

— Я предчувствовала, что они не примут, — лгала она и не призналась, что это безобразие ей заказали заранее.

Мое внимание снова привлек побледневший и словно окаменевший Юозайтис. Он походил на нынешних Мурзу[15] или Уоку. На рукаве только не хватало свастики.

«А если бы кто–то подбросил сюда оружие?» — подумал я и сам испугался такой мысли.

Эта организованная истерика перекинулась в штаб–квартиру «Саюдиса». По предложению Ландсбергиса было решено немедленно снова собрать депутатов и продолжить работу сессии, на которой повторно голосовать по вопросу о поддержке эстонцев. Предложение отдавало безумием или тайной провокацией, способной вызвать непредсказуемые последствия.

— Витас, ведь это чепуха. Если депутаты не приняли решения по доброй воле, то насильно мы ничего не добьемся, только себе навредим. Мы рассердим не только противников, но и тех, кто нам сочувствует, — пытался я успокаивать, но чувствовал, что подливаю масла в огонь. Стоило бы бабахнуть несколько

выстрелов в потолок и, как в фильме ужасов, крикнуть: «Кто только шевельнется, будет готов!..» Иного способа прекратить эту политическую вакханалию не придумал бы и сам Джеймс Бонд.

В ту ночь я впервые лицом к лицу встретился с Алоизасом Сакаласом. С виду человек сдержанный и в то же время своего рода легенда гимназистской поры. Но и в него вселился бес. Засев за телефон и положив перед собой список депутатов, он звонил им всем подряд, будто своим подчиненным:

— Вы не представляете, какие вас ждут последствия! Вы обязаны вернуться на сессию… Мы вас предупреждаем…

— Кто дал вам такое право? — гневно спросил я.

— Ландсбергис, — ответил этот обиженный *«папулей»* человек.

Конец света! У меня были некоторые новости о его гимназистских отношениях с Ландсбергисом, но я плюнул на все и уехал домой. Дома меня ожидали Ю. Пожела, А. Бразаускас, Ю. Марцинкявичюс, В. Березовас и еще несколько депутатов.

— Что делать? Созывать сессию? — спросил перепуганный Бразаускас.

Меня ничуть не удивляла трусливость этого человека. Это уже было привычно. Он — орел в других ситуациях. Против человека он может идти со взяткой, с чемоданом подарков, но никогда — с ружьем. А вдруг осечка?..

— Мама, свари кофе, — попросил я жену, рассадил всех, как смог, утихомирил и в шутку сказал: — Созываем!

— Но как это сделать?

Он готов был согласиться!

— Если не можем, то и не надо. Большинство депутатов уже в пути, другие где–нибудь приходят в себя, пошли к друзьям, родственникам. — Он дело говорит, — поддержал Пожела.

— Послушайте, когда моя тетя закатывала истерику и шлепалась на землю, дядя потихоньку приносил ведро с водой и опускал туда вожжи… От одного их вида тетя мигом воскресала из мертвых. Пройдет. Не надо горячиться. Если такая необходимость будет, созовем сессию через день–другой. Если сегодня уступите, завтра можете не возвращаться в свои кабинеты. А теперь пора и отдохнуть.

— Ты, Витулис, если что скажешь, к тому ни прибавить, ни

отнять, похвалил меня Марцинкявичюс.

Выпив кофе, все разошлись. Не знаю, каким путем, но несколько активистов «Саюдиса» прослышало, что у меня на квартире идет какое–то тайное собрание, поэтому спустя какое–то время ко мне домой завалились Вайшвила, Гудайтис и еще несколько парней. Они подняли скандал, разбудили только что улегшуюся спать семью и принялись угрожать теми же словами Сакаласа, будто выучили их назубок.

— Господи, какое духовное убожество! — Я смотрел на них и невольно улыбался, а их это только злило. Они укоряли, перебивая друг друга, спорили между собой, а когда утомились, я миролюбиво спросил:

— у вас часы есть? — Как по команде они глянули себе на левую руку. — Скоро уже пять. Наша акция повисла в воздухе. — Я нарочно сказал «наша». — В такую пору добрый хозяин даже собаку не гонит из будки.

Выслушав мои нравоучения, они спокойно, как овечки, разошлись, чтобы представить своему вожаку серьезную уважительную причину: уже скоро пять. Честное слово, мне было жаль этих людей, но мне захотелось стать профессиональным летописцем, бездушным компьютером, поэтому я сделал запись: им любой ценой нужно действовать, что–то делать, неважно, для чего и для кого. Для Ландсбергиса, отечества, для меня, а в действительности — для самих себя. Из них рвалось наружу желание дать под зад поселившемуся в их душонках ощущению неполноценности и после этого похвастать на весь мир: а ведь не убоялись! Вот какие мы великие, величественнее самих себя.

Возвратившись в штаб–квартиру, они принялись за еще большую глупость — останавливать в городе транспортное движение. Около Совета Министров и на других оживленных перекрестках подстрекаемые ими активисты бросались под машины, создавая огромные пробки. Нескольких из них милиция арестовала за хулиганство и оштрафовала, но ни Ландсбергис, отдавший такой приказ, ни Сакалас не защищали этих бедняг, поскольку, разумеется, ни тот, ни другой под машины не ложился. Закрывать телом амбразуру — обязанность рядовых.

Я наблюдал за Сакаласом в самый разгар этих событий и не мог понять, что за бес в него вселился. Вроде бы профессор, вроде бы интеллигентный человек… и на тебе — потный, бледный, с остекленевшим взглядом, командует такой страшной

битвой при Ватерлоо… — Что с Вами случилось?

— Я верен идеям Ландсбергиса. — Он произнес это с особой патетикой, убеждая самого себя.

— Уважаемый профессор, разве устраивать в городе беспорядки идея «Саюдиса»?

— Мы хотим привлечь внимание людей.

— К чему — к себе или к дурости своего дружка? Ведь вам от него уже доставалось. — Он насторожился, но не нашел слов для ответа. Коллега, — добил я его, — нам следовало бы понять, что среди идейных людей «шестерок» нет и быть не может.

Несколько позднее, став председателем Комитета по этике и процедурам Верховного Совета, Сакалас настрочил на меня в прокуратуру донос и потребовал строгого наказания. Меня стал таскать прокурор А. Милкерайтис. Он грозил мне тюрьмой, припомнил дело А. Климайтиса («Клюгериса»), Бурокявичюса и даже то, что я незаконно вступил в Общество охотников. Выслушав в очередной раз бредниэтого политического спекулянта, я жестко заявил:

— Обвинения прошу предъявить мне в письменном виде, тогда я буду знать, как себя вести.

— Успеем.

— Больше я сюда ходить не буду.

— Приведем.

— Тогда мне не о чем с вами говорить.

Он посмотрел в свои бумаги, пошевелил губами и наконец вспомнил: — За постоянные оскорбления первого человека Литвы.

Я начал смеяться.

— Господин прокурор, а кто этот первый человек Литвы? Милкерайтис смутился.

— В моем понимании, первым человеком Литвы является Эдуардас Межелайтис. Сколько помню, я никогда и нигде его не оскорблял. Так что прощевайте.

Не утерпев, я зашел к Артурасу Паулаускасу и потребовал прекратить эту комедию.

— Уважаемый прокурор, этот ваш Милкерайтис — законченный негодяй. Общество охотников возбудило против него уголовное дело за хищение казенных денег.

— Я знаю, — ответил генеральный. — Он такой же наш, как и ваш. Дело подбросил нам Президиум Верховного Совета…

Паулаускас достал фирменный бланк ВС, отогнул подпись подписавшего жалобу депутата и дал прочитать. Без особых церемоний я развернул бумагу. Боже мой, Сакалас!. . Которого, еще учась в гимназии, тот «первый человек Литвы» упек в кутузку… Как угодно, но в поступках таких людей есть что–то демоническое. Такие дела, такое попрание людей уже издавна расцениваются как величайшее несчастье, находящееся где–то по ту сторону грани между добром и злом.

Работая с Сакаласом в Сейме, я пытался найти корни такой бессмыслицы, но профессор очень неохотно ответил:

— Я был глуп.

— А может, вас соблазнили? Друзья попросили?

Он ничего не ответил. Возможно, действительно был глуп, но учиться думать, кляузничая на других, — черта не Сакаласа, а Ландсбергиса. И только после этого Алоизас наконец понял, что это «воплощение нравственности» с помощью следователя Душанскиса отправило его к белым медведям.

Но вернемся к спокойному, еще недостаточно выдрессированному *«папулей»* «Саюдису», еще способному творить, искать цитаты о всемогущей демократии и ее пользе для дурачков, все еще мечтающих о «Северных Афинах» и небольшом окладике в каком–нибудь органе власти. В такой вот идиллически спокойной, по сравнению с нынешним бардаком, обстановке мне опять позвонил В. Астраускас. Договорились встретиться в кабинете Бразаускаса.

— Видишь ли, — излагали они мне, — в Верховном Совете не хватает четырех депутатов. Их мандаты мы хотим предложить «Саюдису». Выдвигайте своих людей, а мы поддержим.

Разве после того, что мы наделали этим людям, можно было отказываться от предложенного единства? Ни в коем случае. На следующем заседании мы обсудили кандидатуры. Мне предложили баллотироваться от Каунаса, но, обиженные за критику Р. Паулаускаса, там стали выражать недовольство. Поэтому я оказался кандидатом в Расейняй, Озолас — в Шяуляй, Ландсбергис — в Вевисе. И опять беда. Желая по лучше угодить, Астраускас поменял нас с Озоласом местами.

— Ты горожанин, тебе больше подходит Шяуляй, а он из лютеран, лучше договорится с сельчанами.

На этом и закончилось кратковременное перемирие единства.

Озолас устроил истерику:

— Ты узурпатор! Ты не считаешься с решениями нашего Сейма. Я шяуляец! Ты мне нарочно портишь. Я отказываюсь баллотироваться. Я буду делать все, чтобы ты провалился…

Не знаю, от чего бы он еще отказался, может, от папы, может, от мамы, поэтому я позвонил Астраускасу и попросил, чтобы меня вычеркнули из списка кандидатов, но он очень миролюбиво ответил:

— Мы приняли решение и опубликовали его в печати, поэтому ничего нельзя изменить. Но какая разница? Разве не все равно? Ты как–нибудь успокой Озоласа, он ни за что, ни про что уже на нас накричал. В конце концов, невелика беда, что отказывается, меньше будет крикунов.

— Ты слышал? — спросил я Озоласа.

И опять начался полуфилософский, полуполитический крик трижды оскорбленной торгашеской амбиции, от которой он по сей день не находит лекарств. Глас вопиющего, — махнул бы рукой любой миролюбивый человек. Согласен. Но как понимать беднягу, постоянно ныряющего в созданное собственными руками болото и постоянно требующего — «Дайте воды! Дайте хоть глоток чистой воды!»? Подать можно, но как приблизиться к нему, если он отчаянно разбрызгивает тину.

Это разбрызгивание собственной тины, как мне кажется, прикончило Озоласа и как политика, и как человека. Вера в собственноручно сотворенные мифы превратила его в какого–то ведьмака, раскладывающего перед собой карты «Таро» без понимания их смысла ифанатично верящего в свое магическое призвание, в свою «легкую руку» И могучий тяжеловесный язык церковного причетника.

Однажды около Литературного кафе мы увидели дерущихся парней, среди которых был сын Озоласа Джюга. Мы их разняли. Я попросил милиционера соединить меня по специальному служебному телефону с отцом.

— Кто говорит? — спросил Ромас Озолас.

Я представился и тихо, прикрывая трубку рукой, попросил:

— Ромас, приезжай и забери своего сына. Он весь в крови, ободран. Он еще раз переспросил, кто говорит, и что, как вы думаете, он

мне ответил? Что в таких случаях может ответить отец? Ни за что не отгадаете!

— Это политическая провокация! — Точка, потом — ту–у, ту–у, ту–у… Этому можно верить, можно не верить, можно даже над этим посмеяться, но это беда, большая беда, над которой смеяться не полагается. Ее надо как–то общими усилиями лечить. Но беда не ходит одна, особенно когда к ней привыкают и не обращают на нее внимания. Беде нужна компания, она так размножается. И вот в новогоднюю ночь этому непутевому мальчишке не хватило «шнапса», он занялся его поисками у таких же лоботрясов. Он бродил между садовыми домиками, пока не нарвался на злобных людей. Те его избили и выбросили вон. Покинутый дружками, он всю ночь провалялся в снегу. Общее охлаждение тела перешло критическую черту, поэтому никакая медицина спасти его не могла… Известие нас потрясло. И вдруг читаем в газете разглагольствования Озоласа о том, что это–де политическое убийство по заказу Чепайтиса, месть отцу.

Господи, до чего можно договориться, когда считаешь себя пупом вселенной! Да, Чепайтис — непорядочный человек, авантюрист, но вместе с тем он и друг–приятель Озоласа, политический соратник, так сказать, два сапога — пара, только с разной степенью износа… И такая черная грязь! Не знаю, как на это реагировал сам Чепайтис, но когда просматриваешь дело, там не найти не только версии, но и намека на какой–то заказ. Все это домысел. Допустим, от боли утраты. Нозачем подобные заявления? Для повышения своего политического рейтинга? Ведь это еще более грязный абсурд. После разоблачения Чепайтиса запачкался и сам Озолас. Такой безумный поступок не прибавил к его популярности ни одного процента, все получилось наоборот…

Но Литва — земля Девы Марии. На ней проходимцы всегда были и остаются востребованными больше, чем сами литовцы. Такова суровая правда, но и такая она нам нужна больше всего, даже если она оборачивается против нас. Не только Чепайтис, но и сам Озолас является ходячей провокацией. То, что он этого не чувствует и не может чувствовать, понятно всем и без особых разъяснений. Но чтобы этого не понимали окружающие его друзья, надо быть либо похожими на него, либо еще более несчастными, чтобы потом, по общему сговору, притащить в Литву еще большее всеобщее несчастье — Валдаса Адамкуса.

Выборы в Шяуляй прошли для меня неплохо. Я порядком вырвался вперед, но не добрал требовавшихся пятидесяти процентов, поэтому был объявлен второй тур. Участвовать в нем я отказался. Хватило всякой ерунды еще в первом. На мое место

вернулся Озолас и был избран. Он должен был победить, так как его всеми силами поддерживал «Саюдис». Меня обозвали врагом возрождения. В первом туре против меня действовала агитационная группа во главе с Вайшвилой. Ему помогали два неразлучных друга, два богатыря местного значения — Чепайтис и Озолас, которые после победы сцепились. Якобы один против другого нанимал убийц… Фантасмагория! Видимо, только от большой любви появляется такая пещерная ненависть.

После нескольких встреч с избирателями, на которых было вдоволь провокаций, подстроенных моими «соратниками», я приехал в Вильнюс и заявил:

— Мы подписали декларацию о единстве, так почему же вы только против меня одного, такого же саюдиста, как и вы, организуете враждебные митинги? Зачем вы подставили под топор ту учительницу?

— Тебе, такому зубру, было бы стыдно идти на выборы одному, без альтернативы, — под хихиканье Ландсбергиса ответил Юозайтис.

Я с ним не спорил, понял, что он так расплачивается за мою статью в журнале «Швитурис».

Все шло по заранее подготовленному плану. *Вайшвиленок* мутил в Шяуляй воду до тех пор, пока я не вышел из игры. Вернулся другой «зубр», но для него альтернативного кандидата не оказалось. Отсюда и происходит знаменитое признание Чекуолиса: люди проголосовали бы и за гориллу, если бы ее поддержал «Саюдис».

Какая чудная оценка избирателей! Но я не желал унижаться, придерживался собственных принципов и продолжал говорить избирателям правду, как я ее тогда понимал. Из «Саюдиса» Я не вышел только потому, что стало интересно посмотреть, до чего дойдут при таком поведении его вожачки. За это меня прозвали «черным пророком». В этой словесной перепалке победил массовый психоз, который отрыгается нам всем и сегодня.

Следует признать, что мои оппоненты проявили большую изобретательность. Они даже объявили «новую читку романов Петкявичюса». Что это значило, многие не понимают и сейчас. Обманутые люди все еще спрашивают, а я отвечаю: как можно по–новому прочитывать Достоевского, Межелайтиса, Саломею Нерис или Балтушиса? Простой человек этого никогда не поймет, а фарисею понять очень просто: читай сколько и как угодно, но понимай и объясняй другим, как это

велятландсбергисты. И наконец окончательный и не подлежащий обжалованию приговор саюдистского Торквемады Чепайтиса: «Романы В. Петкявичюса исправить купюрами невозможно, их надо уничтожить».

В соответствии с этим правилом, на кострах сжигали книги Юозаса Балтушиса, спалили его усадьбу в Аникщяй, не находит в могиле покоя литовский соловей Саломея Нерис, по этому правилу вся литовская литература была приговорена к смерти. Сопротивляясь инквизиторам, и я не сидел сложа руки. Написал десятки статей, выпустил книгу сатиры, а водном фельетоне сквозь слезы посмеялся: «Когда вижу Вайшвилу, Чекуолиса, Озоласа или Ландсбергиса, «делающих» политику, меня охватывает паника, и рука невольно поднимается, чтобы перекреститься: — О, Господи, за что караешь так тяжко?»

Но Всевышний не пожалел. И не только меня. Когда очнувшийся Юозайтис написал статью «Историческая ошибка», было уже поздно. Выдрессированные тем же Юозайтисом «мудрецы» с большой серьезностью ему ответили: ошибся не Ландсбергис, ошиблась сама история.

Как ни крути, политика была и остается концентратом человеческих пороков. Редкий из попавших во власть не теряет головы. Подобное случилось и с моим давним приятелем Алфонсасом Беляускасом. Сейчас он в своих произведениях строит из себя писателя, наиболее пострадавшего в советское время. Но стоило в те проклятые годы избрать его председателем Союза писателей, как он тут же почувствовал себя самым лучшим, самым справедливым и талантливым прозаиком. После некоторой критики он стал покрикивать: не позволю, нельзя, только через мой труп, — пока не стал таковым в среде товарищей.

Когда я представил в издательство «Вага» раскритикованный им роман «Группа товарищей», он всех редакторов заставил переписать положительные рецензии. Трясясь за собственную шкуру, кувыркнулись К. Амбрасас, С. Сабонис, один мой редактор К. Брузгелявичюс за меня пострадал. Но тогда у нас было куда пожаловаться. После пятилет борьбы Шепетис благословил издание произведения. А куда пожалуешься, когда хозяйничает Ландсбергис? Где искать правду сегодня, если к светлому будущему нас ведут только следы его преступлений?

ЗАКОН РОБЕСПЬЕРА

— Литву может спасти монархия иликакой–нибудь интеллигентный культ.

А. Юозайтис.

— Мы полагаем, что стоило бы начать с династии Трайдянисов-Терляцкасов.

Миндаугас II фон Урах.

Когда отца и вождя французской революции подвели к гильотине, он воскликнул:

— Революция — это гидра, пожирающая своих детей!

Такую революцию он сам сотворил, такой желал и от такой пострадал.

А когда собирались вешать министра и уже к столбу газового фонаря крепили веревку, он неожиданно спросил:

— Господа революционеры, разве от этого в Париже станет светлей? Народ стал смеяться, оттаял, и толпа его отпустила, поняв бессмысленность своей ярости.

Так вели себя два человека, которых постигла одна и та же беда. Один, который считал себя богом, учредил суды, в которых достаточно было посмотреть человеку в глаза и без каких–либо улик осудить его на смерть, другой — специалист, который боялся разрушений больше собственной смерти. Один вопил, выпячивался, доказывал собственную исключительность, другой улыбался, до последнего мгновения доказывая своим палачам их неправоту, убеждал, что разрушать гораздо легче, чем строить, что все зависит не от совершенства идеи, а от того, каким образом люди хотят и умеют эти идеи осуществить, с какой совестью, какими руками к ним прикасаются, как понимают окружающих их людей и как стараются, чтобы поняли их самих.

Все революции похожи одна на другую тем, что люди, ввергнутые политиками в распри и духовно ограбленные, очень быстро забывают о многолетней подготовительной работе интеллектуалов. Забывают об их гуманных целях, о рожденных в результате длительных обсуждений и споров правилах будущих перемен и о неуклонном стремлении личности к избавлению

людей от автократического, государственного, духовного или национального гнета. Короче, вначале появляется слово, возвышается дух человека, его интеллект, личность, а наплоды этого возвышения мгновенно набрасывается оборотистая и ловко умеющая приспосабливаться к ситуации посредственность. Чаще всего — неспособное ни к какому созиданию чиновничество, в руках которого новые, выстраданные народом законы становятся страшнее старых.

Это аксиома, истина, не требующая доказательств, раз уж подобные ошибки повторяются из поколения в поколение. Казалось бы, правила игры очень просты. Но старого порядка нельзя изменить, не сменив старой власти. Вот тут–то и собака зарыта. Любая подготовительная работа рано или поздно достигает кульминации, начинается борьба за власть, в которой нет места ни гуманизму, ни нравственности, ни братству, ни дружбе. Все, стоящее на пути к ней, очерняется, сметается, уничтожается. Лишь после долгих мучений и неудач снова наступает пора осмысления, терпимости и порядочности, а вместе с ними и новый, более совершенный всплеск созидания.

Почему в начальной стадии борьбы в передних рядах выступают личности, творцы, и только потом — разношерстные политиканы, которые осторожно осматриваются и терпеливо выжидают удобного случая, чтобы осуществить свои меркантильные цели? Объяснение имеется. Личность находится под защитой собственных трудов, общественного признания, авторитета и годами копившегася доверия людей. Известного деятеля науки и культуры труднее отодвинуть в сторону, выслать, тем более — уничтожить. С ним нужно считаться. Расшевелив массы, такие люди и в дальнейшем не теряют головы, они постоянно чувствуют ответственность за последствия, их пугает любое разрушение, им предпочтителен мирный, эволюционный путь, но дело уже сделано, скала сдвинута с места. Вначале с ними еще считаются и посредственности, прикрывающиеся их замыслами и именами, но чем больше сопротивление интеллектуалов такому беспардонному предательству их идей, тем чаще к ним начинают относиться как к врагам нового, едва народившегося движения. Кроме того, умные люди ничего не обещают просто так, они говорят о будущих трудностях, а явившиеся вслед за ними политики обещаний не жалеют, но тоже до определенного момента.

Всплыв на поверхность, «любимцы толпы» или ее вождишки

тут же абсолютизируют свои действия, прикрываясь священными лозунгами, провозглашенными интеллектуалами, до абсурда превозносят свой «патриотизм», поскольку у них нет ничего другого, а реальное, правовое, историческое, культурное и духовное понимание Отечества превращают в веру, догму, организованную или о государствленную религию, которая позволяет без особого труда расколоть весь народ, поделить его на правых и неправых, а в действительности — на врагов и друзей этих политиков. Но что удивительно, в лагере врагов раньше всех оказываются последовательные люди, которые подготовили и начали эту революцию, — то есть стремились к истине, минимальным потерям и не считались с ошибками, которые допускали дорвавшиеся до власти политики. Словом, в очередной раз срабатывает так называемый закон Робеспьера: люди, начавшие революцию и не сумевшие управлять ее процессами, становятся первыми жертвами той революции.

С этими словами я обращался на одном из совещаний к Михаилу Горбачеву, но меня не услышали. Я повторил их Альгирдасу Бразаускасу, который в погоне за материальными выгодами отказался от социал–демократических идей и стал разваливать партию, которая привела его к высшей власти. Он второй раз расчистил, как говорят избиратели, вылизал путь тем, которые привели нас в крепостную зависимость от «Вильямса».

У меня нет желания строить из себя какого–то пророка. Этот закон открыл не я; будучи одним из первых сторонников перестройки, я только испытал его на собственной шкуре. Этот закон давно уже кочует по всей истории человечества. Поэтому давайте попробуем ответить еще на один вытекающий из этого правила вопрос зачем нужна эта гипертрофированная любовь к родине и что такое этот несказанно раздутый патриотизм? За ними лучше всего прятаться невеждам, приспособленцам. Это машины, не требующие большого напряжения ума или душевного равновесия, они очень быстро срабатывают по давно усвоенному посредственностями принципу: кричи — и обязательно кто–нибудь откликнется, хотя бы такой же, как и ты… Чем громче будешь кричать, тем сильнее будет звучать твой голос. Патриотизм, писал Лев Толстой, есть последнее прибежище негодяя. Иначе говоря, испробовав все и нигде не пригодившись, злонамеренный человек очень быстро ориентируется в условиях любой заварушки, которую мгновенно использует в собственных интересах. По словам барона Ротшильда, во время революции зарабатываются миллиарды.

Освободившись от каких–либо морально–этических принципов, перевертыш вызывает хаос, беспорядок и, очутившись в родной стихии, очень быстро становится хозяином положения. Потакая «массам», он как бы возвышает их, хвалит, но фактически творит образ своей близости к народу, после чего испытывает ощущение своего необычайного величия и могущества. Так к власти приходят заурядные, закомплексованные личности, которые сколачивают вокруг себя группу «соратников», активное, или, как еще называют, агрессивное меньшинство, которое и становится движущей силой, поскольку арифметическое большинство граждан обычно всегда молчит и никуда не суется.

Так произошло не только у нас, в Литве, где из 35 зачинщиков движения осталась только четверка «праведников», а прочие тем или иным способом были причислены к врагам нации; так произошло в Москве, Грузии, на Украине, конечно, с некоторыми исключениями, которые только подтверждают правило. Так «Саюдис» был лишен головы, разума.

Большинство интеллигентов, писателей, артистов, ученых, получив от агрессивного меньшинства или возбужденной им толпы по зубам, вдруг испугалось, притихло и отстранилось от активных действий, а посредственностям только этого и требовалось. Они моментально присвоили труды интеллектуалов, их заслуги, программы, мысли и объявили себя их единственными авторами.

В Литве, может быть, только один–другой писатель или ученый понял, что такое положение не может продолжаться, но большинство притихло, испугалось созданного политиками нового аппарата насилия и морального террора. Однако были и зазнайки, которые стали мыслить несколько иначе: если это историческая закономерность, которой нельзя избежать, то этим недугом должны переболеть и «массы», И породившие перестройку интеллектуалы, поэтому, несмотряни на что, они должны продолжать начатое дело, то есть помогатьагрессивному меньшинству. И только единицы поняли, что они не имеют права бояться психических и политических атак со стороны посредственностей, что они обязаны помочь людям сориентироватьсяв создавшейся обстановке, должны критиковать приспособленцеви обманщиков, повышать политическую культуру соотечественникови привести к власти более благородных и талантливых сторонников нового движения. И чем скорее вернется к общественной деятельности

разогнанный негодными политиками интеллект нации, тем скорее будет собрана ее политическая воля и творческая активность. В противном случае нас ожидают длительные агонии и мучения.

Мания величия — это духовная нищета человека, но когда мания величия безответственно заражает толпу, она становится страшной всесокрушающей силой. Так появляется почва для великодержавного шовинизма, национализма и фашизма. Люди, разочаровавшиеся в настоящем и не видящие просвета в перспективе, начинают оглядываться на прошлое, идеализировать его, искать параллели и, в конце концов, «твердой руки»… Так у нас появились глупейшие потуги по возвращению сметоновского режима 1939 года, а в России – по восстановлению династии Романовых.

Но история реанимацией не занимается. Что попало на ее свалку, то достается музеям или предается забвению. Поэтому каждый творец обязан трудиться для будущего, стиснув зубы, забыв собственные обиды и перенесенные оскорбления. Будущее принадлежит не тем, у кого самая многочисленная армия или активные партии, а тем, кто сумеет решать проблемы созидания и сделать своих граждан свободными, творчески настроенными. Сумма нулей равна нулю, а сумма единиц — уже некоторая величина, постоянно растущая, расширяющаяся, создающая вокруг себя постоянно действующее поле притяжения для интеллекта и духовности.

Это мое кредо, поэтому «Саюдис» не оказал большого влияния ни на мои убеждения, ни на мое творчество. Он стал лишь объектом моих изысканий и в какой–то степени ареной моей политической и журналистской деятельности. В истории «Саюдиса» Я копаюсь и сейчас. Иногда с успехом, иногда впустую. И вдруг открытие!

Бывший майор КГБ Витаутас Вайтас (это не настоящая его фамилия) своей сдержанной, но довольно квалифицированной и откровенной исповедью оказал огромную услугу всем членам инициативной группы «Саюдиса». Он очень точно указал, как было расколото, а впоследствии уничтожено это движение. А. Юозайтис, Б. Гензялис, В. Бубнис, В. Раджвилас и другие активисты и по сей день ищут«подлинных» виновников и не чувствуют, что сами, подчинившись хорошо организованной Ландсбергисом клике «единственного пути», внесли основной вклад в процесс этого уничтожения. А может быть, они только притворяются?

В. Вайтас очень точно все расставляет по своим местам и поясняет: — Скажем, в обществе образуется определенная группа, которая

с каждым днем крепнет. В ней нет формального лидера, а неформальный, если он тут же выдвинется, еще больше усилит эту группу. В группе был найден злобный, склонный к конфликтам человек. Одного информатора попросили, чтобы он предложил его выбрать председательствующим на собрании, другому информатору поручается требовать, чтобы он на митинге выступил с речью и т. д. Все, уже готов лидер, который в будущем расколет и ослабит группу, надо только осторожно его подправлять…

Не в силах примириться с такой абстрактной формой беседы теоретического характера и прекрасно понимая, что речь идет о «Саюдисе», журналистка Баликене возвращает майора к реальной жизни и пытается вытянуть какую–нибудь сенсацию:

— Допустим, это вы проталкиваете такого лидера вперед. Тогда почему корреспондент московских «Известий» Капелюшный нападал на него, называя «радикал Ландсбергис и его команда»?

— Это продолжение игры, чтобы наш лидер был еще более похожим на настоящего, — ответил бывший майор.

А как все идет в самом «Саюдисе»? На заседание собираются 16 из 35 членов Инициативной группы. Информатор Чекуолис предлагает Ландсбергиса на пост председателя. Все поражаются, даже ужасаются. Начинаются споры, большинство высказывается против. «Спохватывается» и Чекуолис. Он уже не хвалит своего кандидата.

— Да, Ландсбергис злой, мстительный, насколько мне известно от его коллег по консерватории, большой интриган, но в настоящее время нам как раз такой и нужен для борьбы с бюрократическими сетями.

Так сказать, обозначаются конкретный враг и конкретная форма борьбы с ним: камень против топора.

Не выдержав, взбунтовался Озолас:

— Что, этого лишенного политического слуха музыканта?!

Но его ловко осаживают другие информаторы и сам Ландсбергис:

— Предлагаю избрать председателя на время, на шесть месяцев. После меня стоит выдвинуть Озоласа! — И рассыпает в

адрес этого необычайно амбициозного, но пустого человека несколько мешков похвал за несуществующие заслуги. Ублаженный «философ» опускает глаза и сдается. Поднимаются руки. Из шестнадцати участников девять голосуют «за», семь — «против», а в протоколе пишется «большинство». Председатель уже избран. Я заявляю, что в уставе «Саюдиса» должность председателя не предусмотрена, что это незаконные выборы, поскольку за Ландсбергиса проголосовал только каждый пятый член группы, четыре пятых либо голосовали «против», либо вообще не участвовали в голосовании. Против меня устраивают большой скандал, которым дирижирует уже не Ландсбергис, а обласканный им Озолас. В знак протеста я покидаю заседание. Несколько человек уходят вслед за мной.

— Я предлагаю после Озоласа избрать председателем Витаутаса Петкявичюса, — пытается еще удержать нас Ландсбергис, но черное дело уже сделано. Теперь ему удобнее играть роль мирового судьи.

В кармане второго информатора, В; Чепайтиса, заранее заготовленный планчик. По такому случаю он предлагает устроить около штаб–квартиры «Саюдиса» небольшой митинг, на котором Ландсбергис произнесет программную речь. Он торопится как можно скорее узаконить грязно выполненное дело, поэтому для новоявленного председателя подготавливает букет из желтых, зеленых и красных гвоздик. Поскольку зеленых гвоздик не бывает, часть желтых перекрашивают в зеленые, и все приобретает привлекательную национальную форму. Весьма фальшивую, искусственную, — но этафальшь, эта искусственность витает над нашими головами и сегодня.

И, наконец, замена Й. Шименаса[16] Г. Вагнорюсом, который временно работал премьером два срока: первый — даже без принесения присяги государству, а второй — расплатившись за него с Бразаускасом гостиницей «Драугисте». Все слово в слово, как при выборах председателя «Саюдиса», точнее, как в представленном майором В. Вайтасомсценарии: «Временно — одна из самых безопасных форм закрепиться у власти». Он будто в воду смотрел: нет ничего более постоянного, чем временный закон или временно пришедший к власти диктатор.

И вот еще один майор КГБ, добровольно решившийся помочь нам в телепередаче «Аутодафе». Он говорил то же самое, а на мой вопрос, мог ли он на тайную квартиру пригласить какого–нибудь постороннего, не завербованного человека, ответил однозначно:

— Ни в коем случае.

Ведущая передачи, Шарпницкене, поняв, к чему я клоню, *тут* же безграмотно попыталась защитить «священную корову»:

— Нам известно, о каком политике вы говорите.

— Я узнал и голос спрашивающего, — мгновенно отреагировал майор. — Привести на квартиру не завербованного человека, тем более на тайную? Что вы! За такое слетали не только погоны, но и головы.

Господин Ландсбергис, схваченный А. Буткявичюсом за руку, нес в прессе чепуху, будто его иногда приглашали на тайную квартиру просто так, на дружеские беседы…

Думаю, не нужно быть большим аналитиком, чтобы из этих двух примеров сделать правильный вывод: да, Витаутас Ландсбергис был информатором КГБ и всей своей деятельностью оправдывал доверие этой организации. Один только последний, заказанный «Вильямсом» кордебалет премьеров говорит о том, какой это злобный, вздорный, болезненный и вовремя найденный для нашего возрождения человек.

И еще одно доказательство. Директор Департамента архивов Илгунас объявил, что дело В. Ландсбергиса обнаружено, заговорила пресса, но заместитель директора особого архива Антанас Шолюнастайком отнес его председателю Сейма Ландсбергису. Через неделю тот вернул свое дело в архив. Из него было вырвано несколько листов. Поскольку дело не было учтено и описано, никаких претензий Ландсбергису предъявить не было возможности. Кто вырвал эти листы, так и осталось в глубокой тайне.

После разговора со специалистами и дураку стало ясно: такого рода дело могло оказаться в КГБ двумя путями: либо Ландсбергис сотрудничал с этим учреждением, либо подвергался с его стороны преследованиям. Поскольку второй вариант отпадает сам по себе, все становится на свои места. Кроме того, работникам правоохранительных служб и сегодня не составило бы труда установить, в каком состоянии Шолюнас отнес дело Ландсбергису и в каком состоянии оно вернулось обратно. Но никто не осмеливается это сделать, как и с делом Сакаласа: всем известно, что в подпольной организации было два члена: одного посадили, а другой разъезжал по заграницам, — и почему–то никто сегодня не ведает, кто на кого донес.

Чтобы такое больше не повторилось, Ландсбергис, снова

придя к власти, тут же уволил руководителя Центра исследования геноцида и резистенции Витаутаса Скуодиса и на его место назначил комсомольскую активистку Куодите. Когда Скуодис этому воспротивился, У него отобрали ключи, печати, и начался длительный период шантажа, пока нервы этого человека не сдали.

Вот почему протолкнутый во власть Ландсбергис, постоянно и ничем не рискуя, использует против своих противников так называемую карту КГБ. Откуда такая информация? Далеко искать не нужно. Его правая рука или наш благословенный «правый протез Ландсбергиса», председатель Депутатского клуба — тоже информатор. Без согласования с ним на стол председателя не попадал ни один вопрос.

Другой активист этого клуба, «левый протез правой руки» К. Сая сам признался в прессе о своем сотрудничестве с КГБ. Мотив довольно странный: если бы я не согласился сотрудничать, то не имел был возможности съездить к брату в США.

Первым заместителем профессора и председателем Комиссии по помилованию избирается Казимерас Мотека, следователь по особо важным делам и консультант КГБ. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать дело автоинспектора Кундротаса и дневник, переданный Мотекой «Саюдису».

Вторым заместителем становится Б. Кузмицкас, кличка «Юргис», ватиканолог КГБ, имевший тайную квартиру в Вене и не вполне легально пригнавший оттуда несколько автомобилей «Волга». Придяк власти, он таким же путем скомбинировал три квартиры — для себя и двух своих дочерей.

Одним из вице–премьеров назначается з. Вайшвила, кличка «Студент», несколько лет воспитывавшийся в окружении генерала контрразведки А. Марцинкуса.

Вторым вице–премьером назначается Озолас, прошедший соответствующую подготовку и шпионивший за своим шефом Александрасом Чеснавичюсом, за что не понес никакого наказания, а только былвежливо выпровожен из издательства «Минтис».

Секретарем выбирается Людвикас Сабутис, тоже крепко связанный с этой организацией.

Советница э. Дапкуте, агент ЦРУ, перевербована в КГБ, на деле связная между этими двумя разведками. Об этом она довольно пространно, но очень неубедительно написала в своей

якобы исповеди в газете «Республика».

Казначей «Саюдиса» Кястутис Урба, которого за ручку притащил Ландсбергис и проворачивал с ним всевозможный бизнес, тоже кадровый работник КГБ.

Наконец, Андрюс Эйва — специально присланный агент цру, участник вьетнамской войны, «хитро», тем же путем, что и Дапкуте, пробрался в Литву. Этот специалист так здорово организовал защиту Сейма, столько затолкал в подвал здания различных горючих жидкостей для изготовления коктейлей Молотова, что хватило бы одного неосторожно брошенного окурка, чтобы здание взлетело на воздух.

«Моей целью было, — проболтался он корреспондентам, — как можно дольше продержаться или показать всему миру, что такое Москва». Но после неудачного чеченизированного варианта замка

Пиленай он тем же путем, «не замеченный госбезопасностью», но в сопровождении ее сотрудников покинул Литву.

В то время, когда проходили акциИ протеста против правительства Прунскене, был сфабрикован вербовочный лист «Шатрии». Подготовил его генерал С. Цаплин. Непосредственные исполнители — Кареняускас и капитан Куолялис. Этот документ подсунули ВалериюИванову, а–через руки участников движения «Единство» он попалк Чепайтису и очутился на столе у Ландсбергиса, как и предусматривал сценарий: «Надо стараться, чтобы интересы непримиримых противников полностью совпали».

Когда А. Буткявичюс вместо уничтоженного КГБ создал собственную Службу иммунитета во главе с Чеснулявичюсом, он какую–то часть этой информации тщательно собрал, но не использовал, выжидал удобного момента. Не выпросив во время встречи в Палуше поста начальника госбезопасности, он попытался шантажировать Ландсбергиса и предать факты огласке, но, как я уже писал, *«папашка»* его обскакал, поскольку пользовался информацией того же стукача…

Сам Аудрюс Буткявичюс, авантюрист до мозга костей, тоже все время вел двойную, если не тройную игру. После того как он попал в руки омоновцев Макутыновича, которые его вдруг отпустили, он везде на вопрос, почему не защищался, отвечал бравурным тоном:

— Разве нужны были еще два трупа?

Но сам Макутынович придерживается иного мнения.

Московскому корреспонденту он туманно намекнул: «Буткявичюс оказался весьма сговорчивым человеком, поэтому мы его надолго прописали под опеку Р. Папряцкаса». Казалось бы, невинные слова, если не знать, что Папряцкас был официантом, а потом заведующим «кабака», специально устроенного КГБ. Он обслуживал специально приглашавшихся туда клиентов, записывал их разговоры и даже снимал на видеопленку.

После смены правительства А. Буткявичюс помог Папряцкасу приватизировать ресторан «Бочю», а тот и здесь очень изобретательно воспользовался своим опытом. Поскольку ресторан находился рядом с Министерством обороны страны, Буткявичюс заключил с ним договор на обслуживание работников министерства по талонам, выдаваемым Папряцкасом. Выгода была обоюдной: хозяин получилогромную инъекцию казенных денег, а министр точно знал, что говорят о нем офицеры.

Второй подобный ресторан, под названием «Забегаловка миллионеров», Буткявичюс устроил в здании Дворца профсоюзов для публики совсем иного типа. Меня специально сводил туда генерала. Марцинкус, усадил за столик, а когда официант удалился выполнять заказ, кое–что показал мне.

— Зачем Вы это делаете?

— Если Вы не глупы, узнаете.

На следующий день Буткявичюс появился в моем кабинете и полушутя, полусерьезно сказал:

— Рискованно играете, председатель.

— А Вы, министр, очень глупо подслушиваете.

Он удивился и поправился:

— Я Вас недооценил.

Нет, Аудрюс, ты переоценил себя.

Главой его Службы иммунитета, или частной охраны Буткявичюса, был В. Чеснулявичюс, окончивший Минскую высшую школу милиции и бывший там некоторое время комсоргом. Этот человек с неуравновешенной психикой однажды во время допроса застрелил подозреваемого. Загнанный бедой в угол, он прикинулся неподсудным ис помощью друзей худо–бедно выкрутился, но карьера не состоялась. Опять он всплыл на поверхность в период возрождения. Я был вынужден собирать о нем информацию

после того, как услышал от пограничников, как этот тип с пистолетом в руке учил их помалкивать о событиях у телебашни.

Финал карьеры Папряцкаса был неожиданным. У себя на родине в Расейняй он построил отличную усадьбу с оборудованным там бассейном. Как рассказывали родственники, его застрелили, а тело бросили в тот бассейн, хотя, согласно официальной версии, он покончил самоубийством под воздействием сильной депрессии.

Я не раз беседовал с ним и внимательно наблюдал за этим любителем хорошей выпивкии закуски, поэтому и сейчас не верю, что этот проворный толстяк, преуспевавший в бизнесе и карьере, мог наложить на себя руки. Помимо прочего, по словам сотрудников, он был необычайно терпелив.

Читатель может усомниться: откуда автор так много знает? Прежде всего, я работал председателем Комитета национальной безопасности в Сейме, во–вторых, Литва — это республика «свояков», здесь все так засекречено, что нет никаких секретов. Особенно, когда меняется руководство. После победы ДПТЛl на выборах первым ко мне явился Аудрюс Буткявичюс и без особых предисловий сказал:

— Петкявичюс, берем власть в свои руки.

— А если не отдадут?

— Заставим, скажи только слово — и мои ребята сделают, что требуется.

Я спокойно посмотрел на его спутника, командира дивизии «Гележинис вилкас» Ч. Езярскиса и вспомнил характеристику этого спортсмена, которую нечаянно обронил Аудрюс: В его голове вместо мозгов бицепсы. Меня разобрал смех, но мало ли что?

— Она мне не нужна, — ответил я, — мы и так у власти.

Тогда визитер принялся объяснять, кто такой Ландсбергис. О своем хозяине он нес такие гадости, что было неприятно слушать. Но эти новости были второстепенными, многим известными, а главные он придержал для себя. В это время, опасаясь возможного переворота, по поручению Бразаускаса к нам примчался Гедиминас Киркилас с полным портфелем бутылок и странным указанием, как я должен себя вести с гостеприимным министром.

— Хорошо, что ты начал с ним работу, — похвалил он меня в прихожей. — Вдвоем мы его как–нибудь склоним на свою

сторону.

Меня еще сильнее разобрал смех от лепета лидера партии, победившей на выборах, и его решимости соблазнить бутылками авантюриста такого высокого ранга. Но Гедиминас был глубоко убежден, что он таким образом вершит историю, поэтому пришлось всерьез убеждать и его, и Бразаускаса, что подобные заявления от того стратега переворотов я слышал уже не раз, что он только набивает себе цену, а фактически слишком много блефует.

Несколько позднее, когда прокурор А. Паулаускас возбудил против этого суетливого человека уголовное дело о крупном хищени ипри покупке вертолетов, Буткявичюс В присутствии всех прокуророви членов Сейма принялся угрожать:

— Ну, погодите, сволочи! Когда я возьму власть, всех вас перевешаю!

- А когда в мою сторону было сделано несколько выстрелов из проезжающего автомобиля, он публично заявил:

— Особенно не бойся, это мои ребята тебя попугали.

Поэтому я вполне допускаю, что он мог еще сильнее прижать к стенке того подозрительного предпринимателя Киршу, потребовать еще больше долларов, так как для подобных дел у Аудрюса была необычайно жесткая хватка и еще более изощренный нюх. К более серьезному человеку этот вымогатель не стал бы так неосторожно цепляться. И теперь еще надо признать, что этот психолог неплохо разбирается в человеческих слабостях. Ничего не добившись, он стал вредить и мне. «Черный доктор» не постыдился накачать лекарствами тяжело больную женщину, депутата Сейма Б. Недзинскене, доставить ее на телевидение и заставил зачитать состряпанноеим заявление. Неделю спустя, уже на смертном одре, эта несчастная женщина через поэтессу Виолету Ясукайтите передала мне свои извинения и пожелала этому негодяю мучений в аду.

Да не прогневается на меня читатель за то, что мне еще раз захотелось напомнить и перефразировать давно высказанную истину: политика — это наиболее совершенная форма самовыражения порочного и извращенного человека. Поэтому нет ничего удивительного В том, что Буткявичюс еще раз попытлся выплыть на поверхность, воспользовавшись демонстративным уходом В лес каунасских добровольцев. Желая проявить себя, он в первую очередь потребовал особых полномочий, а не получив их, потребовал по телевидению,

чтобы добровольцы немедленно сложили оружие. В лес он неездил, ибо Йонас Максвитис1 первым пунктом своего заявления требовал отстранить его от обязанностей министра и на его место назначить А. Саударгаса, поскольку так посоветовал Ландсбергис.

Как ни странно, те повстанцы в первую очередь обратились через А. Патацкаса ко мне и передали свой ультиматум. Мы очень быстро выяснили, что первые экземпляры этой прокламации были отпечатаны на ротапринте Ландсбергиса. Когда я с этой новостью пришел к главнокомандующему вооруженными силами Бразаускасу, тот перепугался, отстранил весь наш комитет и образовал собственную комиссию во главе с Э. Бичкаускасом. Так он надеялся застраховать себя от действий лидеров других партий. Комиссия была оснащена мобильными телефонами. Члены комиссии, начиная с ударившегося в политиканство С. Печелюнаса и кончая нашим Киркиласом, принялись ездить на дачу профессора В. Лашаса и бомбардировать штаб Бичкаускаса всякой чепухой. Их примеру последовали представители прессы, господин Ландсбергис и капеллан Сваринскас, будущий министр Саударгас и советник Норвилас… В специальных телепередачах показывали Максвитиса с украшенным охотничьей оптикой «калашниковым». Он на всю Литву похвалялся, что с расстояния в несколько сот метров может попасть непрошеному гостю в любую пуговицу. Егонавестила рота добровольцев из Гарлявы, ездили к нему всякие одетые в форму представители из Алитуса, Пренай и Мариямполе… Потеряв терпение, я обратился к президенту:

— Сколько этот нарыв может пульсировать? Какие в таких случаях могут быть дискуссии на телевидении? Вызовите Буткявичюса и Гячаса и прикажите немедленно вернуть добровольцев к месту дислокации. В случае невыполнения приказа можно принимать предусмотренные уставом меры.

Но Бразаускас был так перепуган, что расширил свою комиссию представителями других партий. Это он называл демократией, хотя и без переводчиков было ясно, что вылазка добровольцев была организована против него самого.

В самый разгар страстей Буткявичюс объявил о своей поездке в Турцию.

— Никуда ты не поедешь, пока не наведешь порядок у своих хунвэйбинов, — сказал я ему. — Кроме того, на такую поездку надо получить разрешение главнокомандующего вооруженными

силами.

— А пошла бы эта старая дева в одно место! — послал он президента и уехал, ни у кого не спросясь.

Где–нибудь в Америке такой министр мигом бы вылетел со всех постов, но Бразаускас, будто брат милосердия, продолжал тянуть резину.

В конце концов, под давлением общественности, мы стали принимать меры. Министр внутренних дел Вайтекунас дал команду. Солдаты первого полка внутренних войск окружили дачу Лашаса, не пропуская никого ни в ту, ни в другую сторону. Повстанцы поели сырой картошки, насытились грибами и решили возвращаться домой. Но ив этом случае Бразаускас остался Бразаускасом. Он пригласил меня и дал указание, чтобы выводили их из леса ночью, потому что днем добровольцы могут взбудоражить весь Каунас. Но добровольцы вернулись в город в самый разгар дня. Никто их не встречал нас с цветами, ни с метлами. В штабе они увидели своих пьянствующих единомышленников, отдубасили их прикладами, так как наконец поняли, за что они «кровь проливали» и кому понадобилась такая великая жертва.

По пути в кутузку Йонасу Максвитису устроили допрос, и вся его исповедь была записана на магнитофон. Не знаю, куда сейчас делась эта запись, но при ее прослушивании у меня мороз пробегал по коже. С перекошенным лицом Йонас проклинал Ландсбергиса, Саударгаса и других политиков, подбивших его на мятеж.

— Теперь я один окажусь виноватым! Канальи! Негодяи! Твердолобые патриоты! Ублюдки! — А дальше уже требовался переводчик с русского языка.

Но самое удивительное, что в это время заместитель Буткявичюса командор Назельскис и полковник Кнезис доставили в Президентуру очень странный приказ–заявление министра обороны страны. Непонятно, почему они поторопились, ведь их шеф все еще гостил в Турции. Ради интереса, я цитирую документ полностью, без лингвистической правки:

28.09.1993. N!! 02–1428

Министерство обороны Литовской Республики

Канцлеру Наградной канцелярии Президентуры Литовской Республики

Представляем к награде:

2. *За подвиги, совершенные в боевых условиях, и успешное руководство боевыми операциями по защите страны наградить орденом Креста Витиса 1–й степени:*

Аудрюса Буткявичюса

Витаутаса Ландсбергиса

Альгирдаса Саударгаса

Чесловаса Станкявичюса

2. *За мужество и твердость духа, выдержку и самоотверженность при охране государственной границы! и важных государственных хозяйственных ишых объектов наградить орденом Креста Витиса 2–й степени:*

Александраса Абишалу

3. *За самоотверженность при выполнении государственного задания в трудных условиях наградить орденом Креста Витиса*

5–й степени:

Римантаса Балтушиса

Аудронюса Бейшиса

Витаутаса Бенедиктавичюса

Пранаса Драгунайтиса

Йонаса Гячаса

Чесловаса Езярскаса

Стасиса Кнезиса

Еронимаса Наприса

Генрикаса Нарщюса

Альгимантаса Насвитиса

Эугенюса Назельскиса

Цирилиса Норкуса

Антанаса Пусвашкиса

Юозаса Славинскаса

Зенонаса Вегелявичюса

Альгиса Вайчелюнаса

Саул юса Вепраускаса

Виргинюса Вилькялиса

Приложение: 23 *листа представления Министр А. Буткявичюс*

Обратите внимание, в документе президента уже нет, неясно, кто орденский канцлер, но «боевые условия» раздуты как следует, как во время восстания. Полагаю, приказ был заготовлен на всякий случай, если бы осуществился замысел Ландсбергиса. В этом наградном листе перечислены все без исключения главные организаторы путча, другие — просто так. Но эти «просто так», эти самые маленькие, не тронулись с места. Замысел провалился.

Когда Буткявичюс вернулся из Турции, я попросил его объясниться. Он только глянул на документ и тут же воскликнул:

— Ах, чтоб тебя!.. Я этого Назельскиса повешу! — Но через несколько дней сам подал в отставку.

Я не думаю, что Аудрюс верил в успех того путча. Хорошо зная его характер и способы достижения цели, я думаю, что он при помощи этой бумажки специально обращал наше внимание на подлинных организаторов, желая как–нибудь себя оправдать. Но Бразаускас не сумел воспользоваться и этим документом. Он только радовался и жал нам руки. Дескать, возблагодарим Господа, и никого другого. Это двусмысленное положение сохранилось надолго, поскольку ему, видимо, таким образом было удобнее и приятнее спасать Литву. Только от кого?

Выполняя такую двойную работу, я очень быстро раскусил все ходы наших оппонентов. Важно постичь их правила игры. Иногда даже сам Ландсбергис подсказывал мне нужное решение. Словом, если хочешь поймать вора, никогда не беги за теми, на кого он показывает пальцем, а спокойно, тихо ступай вослед кричащему. Рано или поздно улики сами выпадут из его переполненных карманов. Так и здесь. Со временем Ландсбергис сам укажет, где и кого искать, поскольку во время всевозможных кризисов он очень неосторожно начинает растрясать свои закрома, переполненные картами КГБ.

Господин Ландсбергис — очень азартный игрок, но посредственный. Благородный риск ему чужд. Ему играть не в покер, а в политического дурака. Окружив себя еще большими глупцами, он очень быстро забывает, что в одной карточной колоде пяти королей не бывает. Схваченный внезапно за руку, он выбрасывает не ту карту, которую следует. Когда на руках оказываются два пиковых туза или несколько бубновых валетов, лучшего доказательства шулерства вроде бы и нет, но не надо торопиться, пока не выманишь у него все спрятанные в рукаве «козыри». Только таким способом можно сразу прекратить и без

того чрезмерно затянувшуюся с ним игру. На все времена!

Как только он обвинил Р. Павилениса и других ученых из университета в сотрудничестве с КГБ, я тут же поинтересовался архивом, ноне архивом КГБ, который он захватил, а ЦК КПЛ, и нашел «мнение донос» профессора, будто маэстро Саул юс Сондецкис одобряет участие своего отца Сонды во Всеобщем комитете освобождения Литвы(VLIK) и не уговаривает его возвратиться домой, как сделал автор, уговорив вернуться из Австралии своего папеньку.

Когда он начал рассказывать о заслугах отца перед Литвой, я узнал, что старый Ландсбергис лечился в госпитале у психиатра М. Нуделя. Этим госпиталем в то время пользовались только военные и работники КГБ, у милиции уже были собственные лечебные заведения. И вдруг заслуженный архитектор проверяет свое здоровье не в спецполиклинике, а скрывается среди военных!.. Поставленный Нуделем диагноз прост: расшатавшиеся на очень ответственной работе нервы и наследственная паранойя.

Насколько помнят бывшие сотрудники, не сохранилось никаких документов после странной смерти доктора Нуделя, найденного умершим от передозировки успокоительными лекарствами. В архиве обнаружены только наградные документы старого Ландсбергиса. На вопрос: «Чем вы занимались во время немецкой оккупации?»

заслуженный архитектор Литовской ССР отвечает коротко и ясно: «Партизанил». Ему нельзя мелочиться. За него говорят несколько московских реляций и специально выпущенная книжка. Ему бы подошло и любое другое звание. Важно не это. Без титула заслуженного деятеля он не мог получать персональную пенсию республиканского значения первой категории, а платить ему военную пенсию – значит расшифровать бывшего агента.

Как только Ландсбергис начал кричать, что его подслушивают, что из церквушки в районе Жверинаса его облучают лазерными лучами, я начал выяснять у специалистов такую возможность и окольными путями узнал, ЧТ08се обстоит наоборот: он сам вместе с В. Жемялисом учредил при Службе охраны руководства подчиненный ему 3–й отдел, который занимался подслушиванием его противников. В число его «любимцев» попала и моя семья.

Это был неслыханный конституционный скандал. Этот факт должен был стать литовским Уотергейтом, но из–за ротозейства

оппозиции и умышленной халатности Юршенаса Ландсбергису и на сей разудалось выкрутиться. Эта не вчера и не позавчера начатая грязная игра, все еще продолжается и будет долго продолжаться по той лишь причине, что многие оппоненты тоже играют краплеными картами. Таких фальшивых козырей можно найти в карманах Бразаускаса, Паулаускаса, Юршенаса и других политиков сколько угодно.

Как все это нам знакомо, как напоминает карточную игру, описанную в романе Пятраса Цвирки «Франк Крук», когда крапленая карта бьет еще более крапленую, или тот джентльменский спор деревенских поводырей, когда дружки игроков заканчивают его во дворе костела кольями. Расплакаться можно!.. Но слезы льются не у тех.

Почему мы так доверчивы? Почему мы такие телята? Потому что нас приучили искать виноватых на стороне, тогда как все происходит у нас под носом. Ведь не так трудно сообразить, что любой протиснувшийся к власти самозванец сам не разбирается в тех процессах, которыми берется управлять. Для творческой работы разрушители не годятся. Пигмеи во власти обычно совершают гигантские ошибки. Окружающие их подхалимы эти ошибки только усугубляют. Популярность лидеров падает. Не в силах анализировать собственные ошибки, разношерстые вожачки начинают прикрываться патриотизмом и искать виноватых. Первыми в их нем ил ость попадают трудящиеся люди, имеющие собственное мнение. Таких «врагов» гонят с любых постов. Появляется искусственный дефицит специалистов. Этот вакуум тут же заполняют хоть и бездарные, но свои… И все начинается сначала. Песенка без конца.

По такой системе работал и Ландсбергис, но странно, что и народный избранник Бразаускас не умел руководить иначе. Прежде всего, он уверовал в собственную исключительность, поэтому понес чушь о том, что президент выше партий, что его выбрал весь народ и что его таким образом обязывает Конституция… Взобравшись по горе обещаний на высший пост, он вдруг от всего отказывается. Избирателям становится неясно, с кем и как он будет спасать Литву? Гарант Конституции без убеждений, без идеи и ответственности начинает разглагольствовать о каком–то абстрактном единодушии, когда большинство защищаемых им граждан уже обобрали и он сам со своими дружками тоже немало награбил. Какой абсурд!

Основной Закон запрещает президенту активно проявлять себя в деятельности какой–либо партии, однако он не запрещает

ему иметь собственные убеждения и выполнять волю избирателей. Поэтому А. Бразаускас и повис в воздухе, а ДПТЛ превратил, по его собственным словам, в партию «позитивного выжидания». Я до сих пор не могу понять значения этого термина, но прекрасно знаю, кто подкинул эту идею. Как можно, ничего не делая, позитивно выдать?? Выжидание — это не действие. Партия — не какая–то куколка бабочки, которая может, наевшись голосов избирателей, заснуть и ждать, когда у нее вырастут крылья.

Почувствовав такую политику президента, ландсбергисты моментально ожили, словно лягушки после майского дождя. Начались угрозы, как вы уже читали, в леса под Каунасом подались спровоцированные ландсбергистами добровольцы, поэтому мы не могли мириться с такими безобразиями и выбрали председателем партии энергичного премьера Адолфаса Шлежявичюса, а впоследствии для его поддержкисоздали «Программную группу» членов Сейма от ДПТЛ. Когда мы представили Адолфаса Бразаускасу, тот не поверил собственным глазам.

— Ты согласился стать председателем партии? – приподнявшись из–за стола, справился он.

— Да, — спокойно ответил Шлежявичюс.

— Ты согласился? — переспросил Бразаускас.

- Ведь кто–то должен отвечать за обещания, данные избирателям.

Бразаускас хотел что–то сказать, но спокойный и очень уверенный ответ выбил его из колеи. Президент покраснел, побагровел и не сразу сумел взять себя в руки, сообразив, что перед ним сидит самостоятельно мыслящий человек, помыкать которым, как каким–нибудь Киркиласом или Каросасом, у него никогда не получится. Даже младенец, присутствуя при этом странном диалоге, понял бы, что Бразаускас вдруг почувствовал себя обойденным на первом повороте, точнее, он сам перевернулся, лишившись поддержки в своих личных манипуляциях со стороны самой многочисленной партии. Этого он никак не мог простить обошедшему его и обладающему государственным мышлением премьеру, который, будучи настоящим политиком, правильнее оценил, что ожидает их обоих в случае утраты доверия большинства.

С этого дня конфликт между ними нарастал и усиливался. Наши прогнозы полностью подтвердились. Когда Шлежявичюс

стал по всем параметрам обгонять вообразившего себя святым и неприкосновенным Бразаускаса, повторился вариант психологической драмы между Ландсбергисом и Прунскене. Один трудился, занимался стабилизацией экономики, а другой как был, так и оставался Ландсбергисом, слегка подретушированным под Палецкиса, несколько подмалеванным под Каросаса, основательно закамуфлированным реставраторами под Киркиласа, — Ландсбергисом, с нетерпением выжидающим удобного случая, чтобы избавиться от своего конкурента.

Такой повод появился. По милости Бразаускаса, являвшегося председателем комитета по литу, начался обвал банков. Из одного из них Шлежявичюс изъял свой вклад. Президент тут же дал указание генеральному прокурору В. Никитинасу возбудить против премьера уголовное дело. Суть и форма обвинения были до того абсурдны, что еще и сейчас некоторые политические мышата типа Киркиласа несут чепуху, будто это была провокация соперников ДПТЛ, то есть ландсбергистов.

Деятелей, изъявших свои вклады в тот же день, я насчитал среди депутатов Сейма еще двенадцать, в их числе были Кунявичене, Грицюс, Плечкайтис, Арбачяускас и другие. Не утерпев, я спросил президента: — Почему дело заведено только на Шлежявичюса?

— у него другое положение. — Ответ был более чем странным как будто для премьеров в Литве действуют другие законы.

Сегодня об этом я не стал бы писать, если бы мои выводы не подкреплялись всеми последующими действиями Бразаускаса. Сейчас он оправдывается: «Биография у меня довольно сложная, и я не знаю, где бы Литва могла проявить себя с таким президентом, как я, а премьер — совсем другое, он управляющий, администратор».

Дальше — еще лучше: «Согласно законам, Литва — республика премьера». Вот и вылезло шило из мешка. В жизни все намного проще: пока не все приватизировано, значит, не все еще потеряно, есть еще за что зацепиться, так как распределяющему всегда достается львиная доля. Все премьеры уже стали миллионерами, так почему бы и мне не попробовать? Тем более что в период его президентских полномочий еще не ослабла созданная им одна из самых совершенных система взяточничества. А чтобы такая цель не скоро выявилась и не бросалась другим в глаза, для простачков была состряпана трогательная биография «тайного католика периода

большевизма» вкупе с мифом о бесподобной буфетной порядочности. Дескать, все мы — дети прошлого, всех нас гнетет первородный грех — так почему только я один должен занимать менее прибыльный пост?

Эту позицию подтверждает и постоянно растущее личное достояние Бразаускаса, и опровергающий его домысел факт: во главе всех пост коммунистических государств руководителями остались бывшие коммунисты. Эстонии, Латвии, Польше это не во вред, а у нас обязательно повредит карману Бразаускаса.

Не будем завистливыми. И правда, если при наличии такой совершенной системы воровства ничем не разжиться, то в оценках новыхлитовцев это может означать какой–то духовный порок или застойный комплекс. Но если уж приобщился к этому братству кровососов, то его не стесняют ни Конституция, ни другие законы. Он подготовил сверхидейный сюрприз для всей социал–демократии своего уровня: привел за ручку свою беспартийную возлюбленную, с которой его обвенчал «орден святых папарацци»[17], и заявил, что она — политолог высшей буфетной закваски и в политике будет первой. Так вся идеология, социология и политология этой партии в мгновение ока улетела коту под хвост. Если ему вся Литва досталась как трофей после удачной охоты, так почему бы не поприжать посильнее несколько скачущих еще впереди него чересчур идейных социал–демократических зайчишек? А разжившись, необходимо ведь задуматься о проблемах наследования. Я бы не удивился, если бы к концу каденции и обе его дочки пришли спасать Литву с министерскими портфелями. Вот кому мешал Шлежявичюс. Поэтому перепуганный Владас Никитинас и позвонил мне:

— К тебе зайти или ты ко мне заедешь?

— Как тебе удобнее.

— Видишь ли, в этой вашей конторе слишком много свидетелей. Я понял, что разговор будет серьезным. Мы сА. Паулаускасом часто прибегали к таким намекам.

Новый прокурор ждал меня в отдельной комнатушке. Мне пришлись по душе его мужество, откровенность и подчеркнутое нежелание пользоваться какими–либо дипломатическими уловками.

— Вы можете меня н–е-утверждать, — заявил он на заседании комитета Сейма. — Я судья, а не прокурор, но если есть необходимость, могу и поработать.

— Нам нужен порядочный человек, а прокурорский опыт – дело наживное, — ответил я ему тогда.

А теперь мы разговаривали о том, о сем. Неожиданно он спросил: — И что ты за человек?

— Владас, почему меня об этом спрашивают последним?

— Уже кто–то нажаловался?

— Даже не пытались. Некоторые слышали. Если откровенно, мы с Паулаускасом решали его личные дела. Просто так вышло из разговора.

— Он мне тоже проговорился, что ты ему как отец.

— Может, немного преувеличил, но мы неплохо понимали друг друга. Я отговорил его уходить из прокуратуры и просил остаться твоим заместителем.

— А куда он собирался?

— К Андрюкайтису.

— В партийные функционеры?!

— Да. Он был в полной растерянности. Человека очень обидели. ~ Хорошо, что послушался, а то бы пропал. Политика — не его стиль.

— И отец ему то же советовал.

— Если не секрет, какая кошка пробежала между ним и президентом?

— Ты сам знаешь ту историю, когда управляющий банком Литвы Р. Високавичюс провернул 20 миллионов литов, предназначенных для сельского хозяйства, прилично заработал и вызвал у земледельцев бурю.

— Я что–то слышал…

Тогда президент пригласил меня и Паулаускаса, вкратце объяснил, что незаконного совершил управляющий, и резюмировал: «Високавичюса надо посадить».

— Если будет достаточно улик, посадим, — ответил генеральный. — Их и сейчас больше чем достаточно, а ты, Петкявичюс, проконтролируй.

— Тогда все ясно, — ответил Паулаускас. — Начнем уголовное дело. Мне не понравилось такое рвение Паулаускаса, поэтому я его предупредил, чтобы он все хорошо продумал, так как еще не ясно, как все обернется. Решения Бразаускаса скоропалительны и противоречивы. Прежде всего, Ромас Високавичюс — его старый друг и финансовая опора. Я

припомнил, как однажды застал их вдвоем за обедом. Не видя меня, Ромас вдруг вскочил и сказал:

— Я не подам в отставку! Ты что, хочешь, чтобы я развалил «Литимпекс»? Ты этого хочешь?

— Тебе надо уйти, — не поднимая головы, повторил Бразаускас.

— Нет, этого не будет! — Управляющий банком поднялся, чтобы уйти, и только тогда увидел меня. — , Видал?! — сказал он, проходя мимо.

Бразаускас действительно не мог разваливать «Литимпекс» — это был банк Велонскиса, который щедро финансировал Альгирдаса на президентских выборах и чеканил его избирательные медали. Впоследствии Велонскис с лихвой вернул потраченные средства. Он провернул очень прибыльное дельце, отыскав в Америке старый четырехмоторный президентский самолет «Джистар». С этой целью онполучил от нашего правительства кредит в два миллиона долларов, отремонтировал этот реликт и продал нам за восемь миллионов. Газеты подняли скандал. Чтобы успокоить общественность, Велонскис–младший пригнал в Литву специально отреставрированный муляж «Литуаники»,[18] сыграл на наших патриотических чувствах, ивсе остались довольны.

Дело в том, что европейские аэродромы отказываются принимать самолеты такого типа, а в Литве на нем некуда летать. Он еще долго истязал крупными убытками авиакомпанию ЛАЛ, пока его не продали за полцены. Поэтому с подготовкой обвинения против Р. Високавичюса А. Паулаускас порядком влип. Кроме того, и Шлежявичюс четыреразa менял свои показания. Когда Високавичюс побежал за сочувствием к Ландсбергису, порядком поблекли и обвинения, предъявленные Бразаускасом. Тогда, явившись в нашу фракцию, президент разразился продолжительной обвинительной речью против Паулаускаса и с категоричностью заключил:

— Голосуйте или не голосуйте, я Паулаускаса больше держать не буду. Подчеркиваю — не буду.

Так сказать, новый дворцовый переворот.

Эту его речь незаметно записал на магнитофонную ленту член фракции Ивашкявичюс. Спрятавшись, они прослушали запись с К. Гашкой, который передал ее заместителю редактора «Республики» Стасялису. В прессе поднялся скандал, дело еще больше осложнилось. После этого всякий раз, когда я заходил к

президенту с какимито делами, он припирал меня к стенке:

— Почему вы не гоните из партии этого негодяя? Настанет время, он и тебя продаст.

— Я не председатель партии, — говорю.

— Но тебя все там слушают.

— Возможно, но вы не хотите, чтобы этот скандал разразился еще шире. Вы требуете тихо. А сделать этотихо невозможно. Наша фракция во главе с Каросасом — академия плюрализма.

Но когда, рассердившись на одного, Бразаускас стал буйствовать против всех, когда он недвусмысленно заявил: «Что такое десять тысяч членов ДПТЛ?! Меня выбрал весь народ!» — мне стало очень не по себе. Это было началом развала партии. Таких фюрерских заявлений, а тем более действий, я не приемлю ни умом, ни сердцем. С того дня я работаю и действую в соответствии с собственными представлениями о приличиях. Он для меня уже никакой не авторитет.

Выслушав меня, Никитинаса признался:

— Если ты такой крутой, тогда и я тебе скажу: когда меня утвердили генеральным, вызвал Бразаускас, пожал руку и, провожая, посоветовал остерегаться Петкявичюса.

Я рассмеялся:

— Это не он и даже не Ландсбергис придумал такой способ ссорить своих подчиненных. Помнишь анекдот, когда Сталин от скуки звонит Молотову и предупреждает, что его ненавидит Каганович, а через несколько минут сообщает Кагановичу, что против него что–то замышляет Молотов. Они ссорятся, грызутся и с большой любовью вспоминают о необыкновенном расположении к ним Сталина…

Мы оба смеемся. Он успокоился и сказал:

— Бразаускас требует возбудить против Шлежявичюса уголовное дело.

— Какое, какое?.. Уголовное? Слушай, Владас, мы еще ничего не выпили…

— Выпьем. Я здесь новичок и ни черта не разбираюсь в закулисных делах. Все уголовные дела оставил Паулаускасу. Сходи к нему. Паулаускас так быстро меня не ждал.

— За что? — спросил я.

— Он незаконно забрал из Инновационного банка свой вклад. — Вы, Артурас, сказали — свой?

— Да.

— Тогда — все это бессмыслица.

— У нас другое мнение. — Прокурор улыбнулся своей ослепительной улыбкой.

Мне спорить не хотелось, подумал, что Паулаускас таким способом хочет как–то пойти в глазах президента на уступки, поэтому согласился еще раз влезть в такое бесперспективное и нечистое дело. «Ну и говнюк», — подумал я, но промолчал. Однако, похоже, он понял меня без слов, поэтому все передал самому политизированному прокурору К. Бетингису.

Когда я об этой бессмыслице предупредил Шлежявичюса, он подумал, что я пьян. Но, справившись в прокуратуре, побледнел, как лист бумаги.

— За что? Ведь он меня пригласил, мне не очень хотелось, — были первые его слова. — Что делать?

— Поезжай к президенту.

И вот классический, перенятый у Ландсбергиса ответ святого, пораженного манией величия:

— Против тебя, Адолфас, как премьера я ничего не имею. Я хочу проучить тебя как человека.

Если бы эти слова были произнесены в ссоре или от обиды за то, что Шлежявичюс его, первого человека в государстве, обходит на каждом повороте, Бразаускаса еще можно было бы как–то оправдать: гнев — человеческое чувство, праведный гнев — благороден. Но когда он, имея все возможности снова стать президентом и продолжить так хорошо начатую партией ДПТЛ работу, только из личных соображений выбрал впоследствии пост премьера, все его замыслы стали более чем ясными. Учить одною соперника за счет всех избирателей и, не выполнив ни одного обещания, снова лезть людям на глаза, чтобы, видите ли, после четырехлетнего отдыха опять приняться за спасение Литвы, может только хорошо натренированный филистер, обладающий китайскими глазами с наглухо затягивающимися застежками.

Когда все члены фракции ДПТЛ, в том числе и Юршенас, проголосовали против отставки Шлежявичюса, началось неслыханное разрушение этой партии. Якобы не зависящий от ДПТЛ президент, пригласив в помощники Юршенаса и Саламакинаса, вызывал членов фракции по одному и уговаривал их не выполнять общего постановления, голосовать против председателя партии. В ход был пущен целый арсенал

благо глупостей, вплоть до обещания новой дележки портфелей. Только для этих целей им и требовались приспособленцы. Людей, сохранявших верность программе партии, они не уговорили. И все это делалось, когда до истечения срока правления ДПТЛ оставалось только полгода! Так они уговорили 26 членов фракции, которые «единодушно» вместе с ландсбергистами проголосовали за собственный крах.

Еще раз подтвердились прогнозы «Черного сценария» относительно совпадения интересов противоборствующих политических группировок. Достиг кульминации сговор между Юршенасом и Ландсбергисом:

— Вы начните, а мы поддержим.

Как писал один деятель, руководители ДПТЛ не расчистили, а просто вылизали дорогу для возвращения власти консерваторов и установления крепостной зависимости всех нас от «Вильямса». А сам Юршенас, услышав, что и после поражения Шлежявичюс не откажется от поста председателя партии, не постеснялся заявиться к нему, чтобы как попрошайка выклянчивать у него эту «улыбку фортуны»: дескать, у тебя, Адолфас, есть все, ты молод, еще многого достигнешь, а меня года поджимают, поэтому сделай милость, уступи мне этот пост…

В этом поступке литовского холопа — весь духовный заряд Юршенаса. Будучи не в состоянии перепрыгнуть через высоко поднятую планку политической жизни, он прополз под ней на брюхе и вытащил увязшую в навозе побрякушку[20] Бразаускаса. Оба порядком вымазались, но оба были счастливы. И посмел же после этого пойти к пострадавшему, нагадить у его дверей и попросить бумажку, чтобы подтереться.

Поняв, с кем имеет дело, Шлежявичюс хлопнул дверью и доказал свою невиновность в Страсбурге. Штраф, который присудили в его пользу, должны бы платить не налогоплательщики, а заваривший кашу президент, но на какие шиши тогда будешь ремонтировать свою гостиницу «Драугисте» и отсудишься от многочисленных папарацци — дружек на своем вынужденном бракосочетании.

Но — шутки в сторону. Предвидя подобный исход, я поднялся тогда на трибуну Сейма с предостережением о том, кто такой Бразаускас. Однако после полного краха ландсбергистов люди снова его выбрали, как меньшее из двух зол. Для большей верности и для того чтобычитатель не подумал, будто я машу кулаками после драки, я процитирую свое выступление целиком.

«Уважаемые членыI Сейма, сегодня мы! являемся свидетелями политического фарса, задуманного одним и тем же *заказчиком. Какое бы! решение Мь! ни приняли, полагаю, оно не выявит реальной истины. В этом зале победителей не будет, а* в *проигрыше останется* с *трудом выкарабкивающаяся из огромной разрухи Литва.*

Безответственные, своекорыстные действия нескольких политических группировок посеяли вражду и загнали двух дополняющих друг друга талантливых и выбранных народом людей в *замызганный угол политических амбиций, из которого есть только один выход* – новый у*падок государства и хаос.*

Я хочу спросить их обоих: как так, получив от избирателей абсолютное большинство в *Сейме, имея возможность сформировать эффективное, деловое и благоприятное для идей Трудовой партии правительство, Вы от этого отказываетесь? Кто дал вам такое право,* во *имя какой цели, материальных или личных амбиций вы! отвергли волю большинства, его любовь и симпатии и попустительствуете враждебному, остервенелому и утратившему власть меньшинству?*

Почему один замаскировался предусмотренной в *Конституции аполитичностью, а на практике, за неимением политической воли, собрал вокруг себя отвергнутых избирателями корыстолюбцев и откровенно враждебных по отношению к трудящимся людей? Ведь этот выбор не пришел сам собой. Это многолетнее логическое продолжение неопределенных и несамостоятельных действий полуполитбюро, полудоброго дяди.*

И почему второй (Шлежявичюс. — **Пер.),** *собрав вокруг себя отряд вроде бЫ мудрых практиков и политологов, так долго мирилсяс негодной тактикой Президента,* с *тактикой политической агонии, навязанной нам окружением, враждебным идеям Трудовой партии? Отрекаясь от предвыборной программы и не выполняя самых реалистичных обещаний, данных избирателям, мы практически теряем социальную базу и объединяющую нас идею, которых никогда не заменят никакие авторитеты, тем более сомнительные. Когда это элементарное правило, наконец, проявилось во всей своей красе, мы перестали быть нужными избирателям.*

Уважаемые члены Сейма, левые и правые, неужели вы до сих пор не понимаете, что все эти три года мы жили только ради запросов той или иной власти и работали только на власть, особо не задумываясь и очень туманно представляя себе, на кого работает, кому служит она?

Сколько уже времени мы никого не защищаем, поэтому вынуждены защищаться сами в этой бессмысленной междоусобной войне.

Это политический абсурд, порождающий групповые интересы, правовой нигилизм, коррупцию, бесцельное растранжиривание бюджета и государственного имущества и голодранско–шляхетский парадный милитаризм. Как бы это ни было больно, мы должны признать, что большинство честных и порядочных членов Сейма не беззлой воли своих лидеров и их окружения стали заложниками в этой непристойной и корыстной игре.

Вот почему все мы вместе никак не могли поставить на место ландсбергизм, заразивший общество злокачественным недугом, ведь мы уже сами заболели.

За три года совместной работы каждый трезвомыслящий политик не раз имел возможность убедиться, что очередная бесцельная перестановка кресел государству ничего не дает. Без ясной, основанной на теории и практике экономической, право вой и оборонительной программы, защищающей наших избирателей, никакаяпартия, никакая фракция нормально существовать не может. Любой рождаемый в наших распрях закон продиктован только нынешним днем без перспективы на будущее. Такое постоянное латание ошибок, наделанных прежней или нынешней властью, уже начинает граничить с насилием над совестью и личными убеждениями.

К несчастью, в Литве повторяется сценарий вражды между Ландсбергисом и Прунскене, сегодня — между Бразаускасом и Шлежявичюсом. Кем он подготовлен и кому выгоден, нетрудно догадаться.

Поскольку из двух поспоривших или не понимающих друг друга людей более виноват тот, который умнее, или тот, который возведен обществом на более высокий пост и обладает верховной властью, я обращаюсь к Вам, Президент, и напоминаю Вам о так называемом законе Робеспьера, который довелось рассказать Горбачеву перед телекамерой, когда меня пригласили в его совет:

«Человек, начавший какую угодно реформу или революцию и неспособный управлять ее процессами, очень скоро начинает сомневаться в своих убеждениях, мечется и ищет все новых и новых поддерживающих его коллаборационистов, подхалимов и фаворитов, пока, наконец, сам не становится их жертвой».

Мне очень бы хотелось оказаться неправым, но такой судьбы еще не удалось избежать ни одному политику, не имеющему

твердых принципов. Полагаю, и вы не избежите этого, господин Альгирдас».

После этой речи Бразаускас перестал со мной здороваться. Его дело. Каждый ведет себя в меру своей испорченности. Он перестал здороваться, а десятки депутатов, министров и просто общественных деятелей пожимали мне за эту речь руку, благодарили, искали знакомства. Таков, видимо, закон дружбы: теряешь одних, находишь других. Меня волновало нечто иное. Этот человек до сих пор не желает или не может понять, что, когда все действуют вместе, он тоже обязан пожертвовать частью личных интересов ради других, что каждый близкий друг может и должен предъявлять ему неоплаченные счета и попросить того или иного отчета за ворох невыполненных обещаний, а не только выполнять его сомнительные указания.

Вспоминаю, как в Верховном Совете, вследствие его бездействия, многие депутаты, которых поддерживала КПЛ, перебежали на сторону Ландсбергиса. Альгирдас выглядел довольно жалко.

— Брошу все и уйду к черту, — грозил он, не видя выхода из положения, которое сам же создал.

«Меня на выборах ты не поддерживал, нашел более удобного, — шевелилось в душе что–то злорадное, — так чего теперь причитаешь, чего мечешься?» Хотелось рассчитаться той же монетой, но я быстро подавил это чувство, поскольку понимал, что за нашими плечами стояли тысячи поверивших в нас людей, которые ждут не дождутся от нас каких–то позитивных шагов.

Я спешно написал сатирический рассказ «Абракадабра» и своими деньгами поддержал партию, которая переживала трудные дни. Наши верные труженики работали без зарплат, Ландсбергис и его свора закрыли в банках наши счета, отобрали здания, взломали гаражи, реквизировали машины и для слежки за нами учредили при МВД отдел контрразведки во главе с Генрикасом Маргянисом. И вот я от этих детективов услышал, что Бразаускас вместе с завхозом КПЛ Алфонсасом Навицкасом отмывает через банк «Таурас» партийные деньги. С каунасским филиалом банка «Таурас» они заключили более десятка договоров и самолично забрали оттуда около 50 тыс. долларов. Под каждым договором, написанным рукой Навицкаса, красуются подписи самого Алфонсаса, его жены, Бразаускаса, некоторых членов его семьи и родственников. Они скреплены подписями и печатью управляющего банком Люйшайтиса.

Некоторое время спустя, Навицкас и его друг Ромас

Марцинкявичюс учреждают фирму «Ромарас», спекулирующую нефтепродуктами, и просят Бразаускаса освободить их от уплаты налогов, поскольку компания на средства от прибыли строит в Мажейкяй дом престарелых. Налоги были уменьшены, компания стала процветать… Вот тогдау нас в стране впервые показались уши литовского бизнесмена из Австралии Юозаса Петрайтиса.

Сейчас он пишет, что Навицкас получил от него взаймы полмиллиона долларов. Это не исключено, однако Навицкас никогда бы не осмелился просить такую сумму, а Петрайтис никогда бы ее не дал, если бы за его спиной не было надежного гаранта. Строительство дома престарелых оказалось чистым блефом, гарант заколебался и запретил Навицкасу появляться в Президентуре. Марцинкявичюс купил в Нью–Йорке огромный дом и исчез с нашего горизонта, Навицкасом заинтересовалась прокуратура, компания «Ромарас» прогорела. . Зато появляются несколькофирм Петрайтиса и последнее его заявление: «Но и вы, господа, погрели руки». После этого он галантно предоставляет читателю решать, кто этот член Сейма нынешнего созыва… Так сказать, заметает следы, поскольку прекрасно знает, что искать надо в правительстве.

Поначалу в действиях Навицкаса я усматривал глубоко законспирированную провокацию, но, посоветовавшись с друзьями, решил, что, может быть, правильно ребята делают, ведь все равно Ландсбергис все отберет, а каким–то образом скрытые суммы, возможно, и сохранятся для общего блага. Тогда на всех собраниях я стал убеждать Бразаускаса и других коллег, что при таких условиях мы обязаны объявить себя оппозиционной партией, что у нас нет иного пути, что, разочарованные нашим бездействием и даже подозревающие нас в сговоре с правыми, партию покидают порядочные люди. Наша партия практически поставлена вне закона, а мы еще пытаемся сотрудничать с ландсбергистами. Какой мазохистский абсурд!

Вспыхивали большие «теоретические» споры, иные возражали, что, перейдя в оппозицию, мы предадим независимость. Особенно противился Ю. В. Палецкис. Он даже создал теорию:

— Называть себя оппозицией еще слишком рано. Литовский народ к этому не готов. У него с 1926 года не было никакой оппозиции иеще долго не будет.

— Юстас, ты где учился истории дипломатии? — съехидничал я. За какую позицию сидел в тюрьме твой отец? Ведь это

ландсбергистский бред сивой кобылы.

— Вам за это когда–нибудь придется извиняться, — рассердившись, ответил дипломат.

А когда ДПТЛ (Демократическая партия труда Литвы, бывшая Самостоятельная Коммунистическая партия Литвы) провозгласила себя оппозиционной партией, в самое трудное для нее время этот гигант дипломатической мысли перебежал к социал–демократам, открыто поддерживавшим Ландсбергиса. Требовалось во что бы то ни стало доказывать, что это продажная ложь, что это явное, растущее с каждым днем предательство, готовое продавать своих друзей. При таких обстоятельствах и родилась газета «Оппозиция» как противовес, как последний козырь, который с каждой страницы вместо впавшей в ханжество «Тесы» Шнюкаса кричал:

— Люди, если смертельно необходимо, то можно! Ничего не случится ни с храбрыми, ни с трусливыми. Ну, попугает прокуратура, потаскает по судам, но больнее укусить не сможет. Не те времена.

Оппонируйте, сплачивайтесь, не позволяйте вас стравливать и загонять в необольшевистское гетто!..

С этой идеей я пошел к Бразаускасу.

— Попытайся. Это здорово, я помогу, чем только смогу. Без борьбы они нас всех потихоньку передушат.

Вначале все складывалось наилучшим образом, мы добились тиража 40 тыс. экземпляров. Народ расхватывал газеты и радовался, что закончился гражданский манкуртизм.

Однако Томкус, якобы из–за каких–то несуществующих долгов, прекратил печатать газету, не предупредив заказчика, а в глаза посмеялся:

— Почему я должен поддерживать своих конкурентов?

Мы не сдались. Я влез в долги, разорил семью, но выпуск «Оппозиции» мы возобновили, а ДПТЛ не дала нам ни гроша. Более того, из боязни нас даже лишили помещения в штаб–квартире ДПТЛ.

— Как вы смеете публиковать наш адрес?! Хотите, чтобы нам окна повыбивали? — брызгал пеной Владимирас Березовас.

— Нам стыдно, что вообще есть такая газета, — вторил ему великий политбедолог Альгис Кунчинас и отобрал у нас ключи.

Нам пришлось вторично раздеваться и переселять редакцию в будку сторожа водопровода. Я побежал за помощью к

Бразаускасу.

— Я ничего не знаю, — ответил он, — разбирайтесь сами.

Разгоралась упорная предвыборная борьба, а эти двое ДПТЛовских святош, Владимирас Трясун–Осинкинас и Альгис Каросасу–Затычкинзадницас, испугались за два окна. Что это, фантастика или подлинные визитные карточки псевдодеятелей? Дело в том, что к нам потянулись люди. Они пришли в себя, ожили, стали более открытоговорить. Нашему примеру последовали некоторые другие газеты, началась всеобщая атака на ландсбергизм, загнавшая «мессию» И его клику в «парламентскую резистенцию». Итоги выборов были предрешены, а Бразаускас все дрожал:

— Только бы выбрали хоть тридцать наших депутатов, — и представил на съезде список из 35 человек.

— Что вы делаете? — Я несколько раз выходил к трибуне. — уже только потому, что Ландсбергис выдвинул сто одного, мы должны выдвинуть на несколько человек больше.

Кое–как набрали 75 человек. Каросас записал половину своей кафедры, Яскелявичюс собрал всех своих экономистов, уговорил и я нескольких писателей. И все равно списка не заполнили. Несколько мест пришлось отдать другим партиям.

Виноватых не было. Самым виноватым оказался руководитель избирательного штаба Киркилас. На нем Бразаускас и сорвал всю злость:

— Присох, как болячка, не могу отделаться.

Но победа есть победа. Победители своих ошибок не анализируют, но меня прижали финансовые ревизоры, поэтому я пришел к председателю не только для того, чтобы поделится радостью победы на выборах:

— Что будем делать с «Оппозицией»?

— Мы победили, поэтому газету можно закрыть. Она нам больше не нужна.

— Может быть, и так… Но я разорил семью, сам основательно влез в долги…

— Неужели ты пришел к нам на заработки?

Меня этим вопросом он нокаутировал.

— Но у партии есть деньги, чтобы покрыть некоторые долги.

— Что?.. И тебя уже озадачили партийные деньги?

Получив по морде, я снова вспомнил о договорах, написанных

рукой Навицкаса. Оказалось, что управляющий каунасским отделением банка «Таурас», утвердивший и скрепивший их печатью, упрятан в психушку, что партийные деньги куда–то исчезли, что Навицкас построил поместье из двух сблокированных домов, и что Бразаускасоб этом ничего не знает. «Все законно», — по–русски оправдался он. За эту тему ухватилась газета «Республика» и выпустила в свет несколько статей под общим названием «Клан».

Так и остался бы я в дураках, «сочинителем сказок», как выразился Бразаускас, если бы не счастливый случай. Когда выполнивший черную работу Маргянис перестал быть нужным Ландсбергису, он оченьскоро ушел на дно и стал распродавать архив контрразведки. Некоторые из этих документов купил и я. Почти все копии договоров Бразаускаса. Если после выхода в свет этой книги начнутся какие–то беды, у меня будет что положить на стол. А тогда об этом я боялся и думать.

Меня вызвал Бразаускас.

— Ты победил в первом туре, даже собрал больше голосов, чем я. —

Я уловил в его тоне какую–то недобрую нотку, но не придал значения. — Нужно в Мариямполе помочь такому славному парню с красивыми усами.

— Байорасу?

— Верно. Нужно сделать все, чтобы тот карьерист и предатель

Ромас Гудайтис не попал в Сейм. В Мариямполе во втором туре будут баллотироваться Бобялис и Палецкис. Делайте все, чтобы и этотперебежчик никуда не прошел. Он очень хотел стать министром иностранных дел, заранее договаривался с Ландсбергисом, но тот его «наколол», дескать, слишком поздно положил членский билет ДПТЛ. ТЫ оказался прав.

Второй раз он рассказал то же в присутствии Арвидаса Байораса. Лично мне Ю. Палецкис ничего плохого не сделал. Я дружил с его отцом и матерью, но в политической борьбе друзей не бывает. Отправившись в Мариямполе, я собрал все сведения о том, где больше всего проиграл Байорас в первом туре. Туда мы и договорились ехать. Труднее всего выглядел поселок Людвинавас, в котором я всегда чувствовал себя как дома, вместе со всеми родственниками К. Боруты из Кулокай и окрестных деревень. Оттуда и начался переворот в пользу Байораса, хотя и сам Арвидас был достаточно подвижным и понятливым. Поработали мы и в пользу Казиса Бобялиса, а под

конец встретились у него дома. Бразаускас нас за это благодарил.

Спустя какое–то время мы, двое «победителей», встретили в Президентуре Палецкиса и спросили, что он здесь делает. Юстас ответил, что он — советник президента по иностранным делам, а второй «предатель», Гудайтис, не без гордости похвастался, что его назначили советником по вопросам культуры.

Я чувствовал себя облитым помоями, а Байорас, не привыкший к таким штучкам Бразаускаса, только моргал и не находил слов. Когда подвернулся случай напомнить об этом президенту, тот, глазом не моргнув, ответил:

— Вы все забрались в Сейм, а мне неоткуда взять людей. Подчеркиваю, он сказал — вы забрались! Будто без этого «забрались» он один мог чего–то достичь, не говоря уже о том, какоебольшое влияние оказали эти двое парней на развал ДПТЛ изнутри. Вот каким путем покупает Бразаускас оценки своей доброты. Скажите Палецкису или Гудайтису, что Бразаускас плохой… Они рассердятся, обязательно его похвалят и скажут, что не Бразаускас, а мыявляемся неумытыми свиньями.

Таков стиль его работы. Рассердившись на одного, АМБ[22] начинает изливать зло на других. Когда на охоте неподалеку от Паневежиса, будучи под хмельком и подражая Гришкявичюсу, он стал открыто бубнить, что не будет больше держать ни Шлежявичюса, ни Вайтекунаса, которые будто бы собирают на него компромат, я понял окончательно, что, еще не взяв разгона, мы свернули на путь позорного поражения.

На Бразаускаса нет нужды собирать компромат. Он настолько обнаглел, что не в одном только деле крупных вильнюсских, каунасских и мажейкяйских бизнесменов выглядывают уши самого неприкосновенного лакея Литвы или его многочисленных родственников. На его крючок клюнул и Бернатонис. Поднятый им скандал почти в точности соответствует упомянутому сценарию абсурда. Вначале поднимается страшный шум, а потом срочно разыскивается повод, чтобы избавиться от ненужного или неудобного человека.

Комиссар В. Григаравичюс, как и Р. Вайтекунас, навел в полиции порядок, повысил ее престиж, вернул на работу способных криминалистов, но к собранному ими банку данных отказался допустить подобранных министром Бернатонисом людей, за что ему было предложено подать в отставку. Григаравичюс воспротивился: «Незаменимых людей нет. Я уйду, но сначала скажите, за что».

Срочно занялись поисками повода. По инициативе Бернатониса и Ляуданскаса стали следить за самим Григаравичюсом. Материал для интриг накапливался. И вот нашелся выход: некоторые работники полиции по любопытству или при поиске по служебным делам однофамильцев Бразаускаса аж тринадцать раз, как говорит премьер–министр, заглядывали в базу его личных данных. Согласно теории и практике ясновидящей Лены Лолишвили, это ужасное, продиктованное самим дьяволом число, должно было возникнуть из–за нечистоплотности и некомпетентности Бернатониса, все происходило под носом не у Григаравичюса, а самого министра, но если вожаку надо иначе, вперед…

Но надо знать и самого министра Бернатониса. Это до крайности верный слуга своего шефа. Без разрешения или одобрения Бразаускаса он не только к генеральному комиссару полиции, а даже к своему левому уху правой рукой не смел прикоснуться. Этот человек — партийный локомотив. Он начинает работать, только находясь на определенных рельсах. Тогда он пыхтит, тянет состав и никогда не сворачивает с заданного направления. У него нет заднего хода. Чтобы повернуть назад, его нужно направить в депо и подтолкнуть. Так несколько раз и было сделано.

Караул, опять собирают компромат![23] Министр вылезает на телевидение, Бразаускас его тут же одобряет, Паксас не вникает, обменивает комиссара на А. Зуокаса и частично соглашается. Что еще нужно? Премьер стращает Сейм и правительство, что он показал бы всем этот страшный материал, но опасается Европы. Что подумают ее высокие чиновники о Литве? Кое–кому, но очень конфиденциально, он мог бы представить это несчастье нашей страны, но лучше не надо, поэтому он запускает новую побасенку: «Я Григоравичюса уволю уже завтра, а в пятницу понесу президенту представление».

Но в ставшей несколько более демократичной стране происходит неслыханное дело: объявляют забастовку министры. Тогда начинаются причитания, сам премьер идет на телевидение и после пятой рюмки (шестую, видимо, отобрал Юршенас) выдвигает новое обвинение: «Григаравичюс как комиссар хорош, у меня нет к нему претензий, но его заклевали политики». В первую очередь, он сам.

Создается комиссия Сейма, которая ничего плохого не обнаруживает. Надо спасаться самому и выручать Бернатониса, но тому не поменяли направление, он пыхтит, набирает

скорость и никак не может свернуть. Ляуданскас проводит аттестацию подчиненного, понижает его в должности, а министр, еще раз обнюхавшись в Президентуре, отстраняет Григоравичюса от работы. С юридической точки зрения это решение достойно протектората Пустозвонии. Полный конфуз. Министру нужно исчезнуть, но невежда Ляуданскас перестарался и пригрозил, что он знает обо всем больше самого Бернатониса. Потом, как нарочно, вмазывает начавшему сопротивление А. Паулаускасу…

Защищать Ляуданскаса начинает еще не назначенный министром В. Буловас. Если я осмелился заслуженно сравнить Бернатониса с паровозом, то Буловас никакой не локомотив, скорее, это подцепленный к паровой машине тендер, загруженный мелким политическим углем и заполненный мутной водой конъюнктуры. Такие и требуются Бразаускасу. Тогда у него руки свободны, тем более что появляется новый повод: этот человек, когда–то им сюда поставленный, целых восемь месяцев смешил все министерство.

Но что самое главное, наблюдать за этой комедией абсурда выходят на улицы тысячи людей, которых все труднее обманывать. Они протестуют против такого самоуправства, разрушительного для государства. Референдум о вступлении в Европейский союз повисаетв воздухе. Тогда Бразаускас снова прицепляет себе крылья архангела Михаила и неожиданно примиряет «противоборствующие стороны». Он пытается спрятать свои уши под малахаем Снеговика, но уже поздно. Когда Р. Паксас почуял, откуда потянуло гарью и начал гонять В. Буловаса, как школьника по домашнему заданию, снова понадобилась мудрость Лолишвили: «Если не будет В. Буловаса, исчезнет и Г. Павиржис»…

Таких спектаклей абсурда Бразаускас создал много. Он, подобно Наполеону, первым ввязывается в битву, а потом смотрит, что из этого выйдет. Когда проигрывает, то обливается перед народом горючими девичьими слезами, а через некоторое время снова принимаетсяза свое: я хороший, очень хороший, но меня никто не понимает…

Но дело есть дело. В то время мы были обязаны хоть на время помириться. Бразаускас подарил мне свою книгу «Развод по–литовски», я ее внимательно прочитал, сделал пометки и сказал, что там многое неверно, перепутаны даты и даже деятели. Вместо меня он во многих местах записал Ландсбергиса, Палецкиса, Шепетиса…

Альгирдас глянул на меня открытым невинным взглядом, усмехнулся и без зазрения совести заявил:

— Не я писал — Жукас.

Но, оказывается, он и тут ошибся. Эту книгу на основе аудиокассет Бразаускаса написали два журналиста издательства «Политика».

Вот тебе на!.. Не я! Его аудиокассеты, его портрет, его подпись, а он даже не знает, что там написано. Это ли не фантастика? Писатель ненормальный, он не понимает дерзновения своего товарища, — может сказать читатель. Но если я напомню, что Брежнев тоже долгое время не знал, что является автором книги воспоминаний «Малая земля», пока ему не сказал об этом Суслов, то станет немножко грустно. В этом мире нет ничего нового. Стоит кому–то заняться чепухой, как в народе тут же вспоминают едкий анекдот: Брежнев умер, но Политбюро еще три дня скрывало от него эту ужасную новость…

— Не я писал — Жукас.

Можно ли после такой исповеди ждать от этого человека честных воспоминаний? Как должно быть, так и будет, а он и далее станет действовать *около* этих воспоминаний, но только так, чтобы ему и другим «соавторам» было лучше и удобнее. Чем он хуже Ландсбергиса, история которого тоже написана заранее?

Когда, защищая министра Р. Вайтекунаса, подал в отставку и я, Бразаускас неожиданно согласился, чтобы председателем Национальногокомитета по безопасности стал тот самый А. Ивашкявичюс, который записал его секретный разговор и передал журналистам, из–за чегопрезидент полтора года на меня давил: когда вы выгоните этого негодяя из партии?

— За какие заслуги? — спросили меня коллеги по Совету обороны. — Неудобно, жалко человека, еще может рассердиться.

О подобной, ничем не оправданной игре судьбами людей можно

писать бесконечно, но наступает время и подумать, а что же заставляло первого человека республики так непорядочно поступать? Врожденное непостоянство? Страх? Забывчивость? Высокомерие или только собственная ощутимая корысть?

Приводя в порядок свои записи и пометки на документах, я пришел к выводу: это переменчиво искренний и коварный, часто выдавливающий из себя слезу актер, еще более искренне

убежденный, что он незаменим, избранный народом подлинный католик, честно играющий свою роль в заранее подготовленном сценарии. Если на него находит блажь или он проникнется подкинутой кем–то идеей, то в практической деятельности и в отношениях со своими коллегами он становится непрогнозируемым аппаратчиком, решающим все проблемы таким образом, чтобы они как можно меньше ему навредили или принесли максимальную выгоду.

Не раз все это по–человечески взвешивая и обдумывая, я пытался его оправдывать: может быть, он действительно по–джентльменски все простил и Ю. В. Палецкису, и Р. Гудайтису, и А. Ивашкявичюсу?

Но почему тогда он для раздувания собственной славы воспользовался неудачами, постигшими меня и Байораса? Почему он смешал с грязью такие светлые личности, как Р. Вайтекунас, А. Шлежявичюс, В. Эйнорюс, почему при визите в Израиль наградил орденами всех бежавших от нас еврейских писателей, а здесь, у себя под носом, на празднование своего 75–летия забыл пригласить члена правления нашей партии Й. Авижюса? Это были только догадки, поскольку другая цепочка событий оказалась еще грязнее. Он совершенно перестал считаться со своими бывшими сотрудниками и при ведшими его к власти людьми, он стал унижать соратников и верных товарищей попартии, окружил себя всякими проходимцами, начиная с Бенаса Гедялиса, спаивающего литовцев, и кончая потренировавшимся на полиции безграмотным в финансовом отношении воришкой Йонасом

Уркой, которого специальным декретом внедрил в совет Банка Литвы. Потом началась эпоха банковских крахов и растранжиривания налево и направо огромных, ничем не оправданных кредитов. Всеэто организовали многочисленные дружки председателя Комитета по литу Бразаускаса, как потом выяснилось, «ничего об этом не знавшего».

- Не я писал — Жукас…

Сейчас Бразаускас хнычет, что ему не с кем работать, что приходится опираться на либералов. Видите ли, он представляет умные и хорошие законопроекты, но многие его не понимают и сопротивляются его благородной миссии. Как все это похоже на уже упоминавшегося оторвавшегося от земли божка Робеспьера, когда он на спаде революционной волны обратился в Конвент и заявил: «Что же здесь творится? У французов есть республика, а они требуют хлеба. Только тираны

раздают хлеб своим подчиненным. Конституция может дать людям только свободу»…

Правильно. Ведь Альгирдас Миколас пришел, только чтобы спасти Литву, а не раздавать хлеб. Кроме того, он ничего не знал, пока разъяренные крестьяне не напомнили ему об этом, заблокировав дороги кучами навоза…

— Не я сажал эту свеклу — Кристинайтис[25]…

ПО ГРИБЫ–ЯГОДЫ

— Дурак, которого проучили, испорченный человек, он не пристанет ни к глупцам, ни к умным, он ни в чем не разбирается, поэтому лезет во власть, чтобы учить других.

Б. Рупейка.

– Беня, а что такие государственные мужи будут делать, если нас вдруг оккупирует Израиль?

— Они побегут наперегонки в синагоги, чтобы сделать обрезание.

Избирательная система в Литве от первого замысла до принятия законов была и остается порочной, позаимствованной у других государств с плохо известным нам строем. Она не отражает ни традиций нашего народа, ни его устремлений, направленных на управление государством, ни его правовой осведомленности. Правы В. Успаских и Р. Повилёнис, утверждая, что это хитро замаскированная система партократической диктатуры.

В Литве членов различных партий не насчитывается даже двух процентов от общего числа людей, обладающих избирательным правом. Поскольку только партии обладают неограниченной возможностью выдвигать своих кандидатов в Сейм и муниципальные советы, эти два процента и навязывают свою волю остальным девяноста восьми. Это диктатура меньшинства над большинством, поэтому говорить о какой–то демократичности нашей системы могут только те, кто ею пользуется для удержания собственной власти.

Кроме того, половина депутатов избирается по партийным спискам. Они ни за что не отвечают перед избирателями, поскольку подчиняются только лидерам своих партий. Даже наиболее скомпрометированный в глазах народа человек непременно попадет в Сейм, если сумеет угодить своему партийному руководству и будет включен в верхнюю часть партийного списка. Поэтому в Сейме вегетирует бесконечное множество вечных *сейма чей,* которые после четырех избирательных кампаний ни разу не победили в честной борьбе

в одномандатных округах.

Кому такие люди служат, и кому они вообще нужны? Это политические прислужники, которые всеми правдами и неправдами потакают своим партийным боссам. Это их рупоры, громкоговорители, марионетки, *для* которых проблемы избирателей так же далеки от их практических дел, как далек лунный свет от солнечного: светит, меняет фазы от ущерба до полнолуния, но никого и ничего не греет.

Избиратели видят только внешнюю сторону избирательных кампаний, разукрашенный плакатами и обещаниями фасад. Им подсовывают самых серьезных кандидатов от партий, чтобы собрать как можно больше голосов за свой партийный список, а остальных уже обсудили заранее, расставили, пронумеровали, им уже назначены посты и должности, распределены министерские портфели и места в представительствах Литвы за границей. Поэтому за тринадцать лет в нашей политической жизни не было никаких перемен: все те же лица, те же обещания и та же ложь избирателям. Большинство этих деятелей, как они сами смеются, идет на выборы, чтобы пособирать грибы–ягоды, то бишь голоса избирателей, проверить собственные акции или проветриться с местными властями и заручиться их поддержкой.

К счастью, люди уже раскусили «демократическую» игру этих всевозможных группировок, кланов и клик, поэтому в оценках граждан Сейм занимает последнее место. «Саркофаг», «темница», «корабль дураков» — далеко не полный перечень прозвищ этого учреждения. Последние выборы президента стали банальной комедией, окончательно обесценившей и саму должность, и рвущихся к ней номенклатурщиков.

Сам факт, что избиратели уже не видят разницы между правящим президентом и популярным скоморохом[26], демонстрирует, до чего докатилась литовская псевдодемократия и какая от этого польза трудовому люду. Сам выбор граждан сопровождался не политической идеей, не стремлением к лучшей жизни, а превращенной в смех безысходностью: «Как они нам, так и мы им…» Или: «Хуже уже не будет».

Сейчас мне легко иронизировать по поводу этой антидемократичной общественной процедуры, но были и дни, когда я шел на выборы, как на праздник, веря в их особую силу, рвался, как на войну за светлое будущее и единств? народа, пока наконец не понял, что я — ДОНКИХОТ, воюющий с ветряными мельницами. Когда жители Пакруойиса выдвинули

меня кандидатом на второй срок, мне пришлось им откровенно признаться:

— Я не хочу больше обманывать людей. Вы ничего плохого мне не сделали, а я, если попаду в Сейм, смогу только не мешать вам и не портить вам жизнь.

Поэтому я сижу и пишу. Может, хоть таким путем что–нибудь изменю. Хотя вряд ли. Наверное, любое явление должно само установить свое предназначение и смысл. Оно должно подчинить себе людей, стать их сущностью. Избиратели должны встряхнуться и выбрать депутатов, которые последовательно будут защищать их гражданские права и человеческое достоинство. Другого способа что–то изменить в их пользу нет. А если депутаты оторвались от своих избирателей и не считаются с их требованиями, если они не выполняют данных людям обещаний, должен немедленно срабатывать механизм их отзыва.

Второй раз я сунулся в выборы, точно зная, что победы не будет. Все начиналось по правилам: Президиум Верховного Совета предложил мою кандидатуру в Совет Союза одному из округов. Из разных колхозов, трудовых коллективов и организаций Жемайтии[27] пошли телеграммы: мы хотим вас видеть своим депутатом, просим согласия баллотироваться. Таких пожеланий у меня набралось свыше сорока. На всякий случай я зашел посоветоваться в штаб–квартиру «Саюдиса». — Так тебя же нигде не выдвигают, — ответил Ландсбергис.

Это подтвердил и Чекуолис.

— Хочешь, иди по моему округу, но ты там продуешь. — Он уже считал себя победителем.

— Почему я должен идти в твой, а ты — в мой, если меня выдвигают в Жемайтии?

— Я ничего не знаю, — смутился великий Пинкертон, — всю информацию собирает Андрюс Кубилюс.

Андрюс принес тетрадь, заглянул в нее и очень быстро, как зазубренное стихотворение, произнес:

— Да, есть два сообщения из Скуодаса. — Он принялся оглядываться то на меня, то на Ландсбергиса, ожидая дальнейших указаний.

Не сказав ни слова, я подошел к нему, взял из его рук тетрадку и увидел на аккуратно разлинованной странице в графе писем поддержки напротив своей фамилии число 42, то есть десятка на полторабольше, чем у любого другого

кандидата.

— Андрюс, как тебе не ай–яй–яй?.. Ведь может грянуть гром, только и смог я сказать этому выросшему среди наших детей и неспособному составить связное предложение соседу, которого никогда не обделял ни конфеткой, ни добрым словом.

— Мне так велели… — Далее не было смысла разговаривать, поэтому я пошел на почту и по адресам отправителей дал ответы на все телеграммы:

— Согласен!.

Это был бойцовский азарт. Придя домой, я стал убеждать себя, что любой трус может хорошо драться, когда уверен в победе, но найти героя, готового бороться, когда почти уверен в поражении, не так просто. По–моему, бывают такие победы, которые не стоят одного поражения благородного и самоотверженного человека. Мне нужна трибуна!.. И я ею воспользуюсь! Любой ценой. Человек может склоняться перед такими негодяями только при необходимости оторвать их самих от земли.

Странным было и ТО, что ЮНЫЙ *Кубилюсик,* как побитый щенок, подлизывался ко мне:

— Против вас создали группу агитаторов во главе с Юозайтисом…

Полистайте нынешние газеты и попробуйте выяснить, кто сегодня ходит в самых смелых, самых умных. Да все те, которые на эту смелость получили долгосрочные разрешения. Поэтому они и бросаются на всех, кто выписал им эти разрешения своей многолетней борьбой и делами. Сейчас самыми активными стали те деятели, которые опоздали в «Саюдис» примерно на десять лет и хотят любой ценой догнать и перегнать проложивших первую борозду. Глядя на этих мотыльков однодневок, я думаю, что до самой смерти останусь старомодным и непопулярным: лучше временное поражение, чем временная победа. Мне кажется, для такой вот борьбы философия создала золотое правило: о людях следует судить не по их взглядам, а по тому, ВО что люди превращаются, отстаивая эти взгляды. Кто считает, что политика и мораль несовместимы, тот никогда не поймет до конца ни той, ни другой: он будет аморален в политике и будет стараться оправдать политической борьбой любую подлость.

Встречаясь в тот период с избирателями, я получил огромное количество различных вопросов, записок, писем, советов и

угроз, которые не поленился просмотреть и подразделить на несколько групп.

Первая — это группа откровенных врагов и запутанных ими людей, которая действовала по указаниям активистов «Саюдиса». В основном, это злобные, желчные, обиженные жизнью люди. Вот типичное письмо: «Я давно не писал вам, наверное, и у вас нервы отдохнули, поэтому еще раз напоминаю, что вы не достойны имени литовца»… А дальше — будто камнем с горы: чем быстрее катится, тем меньше думает… Другое письмо: патриотка уже заказала в костеле заупокойную мессу и «раздала нищим мелочь на гвозди», чтобы они собрали меня в кучу… К таким письмам следует добавить полуночные звонки по телефону. А днем эти патриотки собираются под окнами, каркают: позор, позор! — задирают юбки, показывая место, которым они думают, и после выполнения «священного долга» еще долго обсуждают свой подвиг в ближайшем сосняке. Это организованные акции. За это можно привлекать к суду.

Следующая группа несколько более самостоятельна. В ней начинают писать по полученному образцу, а дальше уже гонят все, что взбредет в голову. Хотя такие записки присланы из разных уголков Литвы, они очень похожи одна на другую: мне сказал сосед, одна учительница видела, ваш сотрудник рассказывал… Факты чаще всего почерпнуты из моих книг, перевернуты с ног на голову и так перевраны, что и сегодня ужас берет.

Третья группа — советчики. «Писатель, что с вами произошло? Прекратите критиковать «Саюдис», вернитесь, и мы опять будем носить вас на руках». Эти люди еще не совсем испорчены, но их занимает не сама идея. Они хотят казаться модными, делать, как делает *«папуля»,* но у них не хватает духу на клевету, оскорбления и издевательства над человеком.

Четвертая группа — сторонники, которые не верят в домыслы ландсбергистов и прекрасно понимают, что любое прошлое своими результатами живет в настоящем, а настоящее непременно будет живо в будущем. С такими людьми я общался, находил в них опору, дружу с ними и сейчас. Одно из писем этой группы, написанное десять лет назад, я процитирую:

«Дорогой писатель, я услышала Ваш голос. Я волнуюсь вместе с *Вами. Спасибо, что Вы такой. Одновременно хочу извиниться перед Вами за то, что я была среди тех фанатично влюбленных в «Саюдис» и не понимающих, что он превратился только в горстку людей, вещающих от имени народа, была среди тех, кто Вас*

осуждает. Как стало больно, когда я поняла, что мы оказались в роли свидетелей зарождения новой диктатуры, от чего Вы хотели уберечь народ.

У меня только один сын. Мне очень хочется верить в будущее Литвы. Мне очень хочется, чтобы она стала землей, на которой моему сыну было бы хорошо жить, на которой человек любил бы человека, чтобы исчезла тень страха.

Дорогой писатель, в Вашем голосе я услышала сильное страдание, боль. Поверьте, Вы очень богаты своим опытом и очень нужны таким, как я — растерянным, подавленным сегодня чувством безысходности. Поэтому прошу: не молчите, говорите своими произведениями, статьями, я их жду. Желаю Вам здоровья и твердости духа.

Диана Болинене».

Любому приятно получать такие письма, они тешат самолюбие, но когда поток таких писем не уменьшается, становится страшновато.

Каждое письмо дышит болью и унынием, предчувствием общей беды: «Писатель, как жить дальше? Писатель, чем мы провинились перед теми политиками? Что сделали эти самозванцы с нами и с Литвой?

Писатель, вся наша семья — без работы, молодежь разбегается по чужим странам, а мы с женой вынуждены жить на пенсию деда». И все извиняются, сожалеют, просят, — пишите, делайте что–нибудь…

Что им ответишь? Повинную голову меч не сечет. Действительно, жалко, больно до слез, что так все вышло, но сокрушаться — не в моих правилах. Как сказал некогда Великий князь Литовский Кястутис, «что испорчено словом, того и мечом не исправишь». Сами виноваты в том, что были чересчур доверчивыми, поэтому давайте вместе нести этот крест — и те, кто был прав, и те, которые заблуждались. Встать сейчас на Крестовой горе[28] и строить из себя мученика эпохи — тоже не в моих правилах. Я виноват, что не хватило терпения и таланта, чтобы доказать свою правоту, поэтому любой из тех, кто наживается на нашем общем несчастье, может спокойно бросать камни в мой огород. За свободу нужно хоть немножко повоевать, а не отдавать ее в качестве приданого первому попавшемуся авантюристу. Ведь у вас были время и возможности для выбора. Перед вами стояли на трибунах проверенные временем благородные люди Литвы, которые горы

свернули бы ради блага народа, а вы, желая все получить даром, побежали к никому не известным горлопанам, у которых не было за душой ничего, кроме проклятий в адрес своего неудавшегося прошлого, кроме глупейших посулов и черной совести.

Вспоминаю, как взбудораженные Юозайтисом «активисты» в Таураге предложили публично сжечь все мои книги. Что я мог тогда сказать?

— Дорогие, — пытался я их урезонить, — каждая сожженная книга освещала мир гораздо ярче, чем тысячи освященных молитвенников.

Не убедило их упоминание о статье профессора Заборскайте в газете «Теса», исполненной боли и страха. Профессор писала, что насилие и ярость фанатиков еще никогда не давали народу ничего хорошего, — а вы аплодировали молодому спортсмену–философу, прикрывающемуся молитвенником, когда он призывал к тотальной мести:

— Все коммунисты, вступившие в партию после войны, — преступники, их нужно судить.

А в Литве таких было свыше 200 тысяч. Прибавьте к ним членов семей и получите треть населения Литвы, которую следует отвергнуть, растоптать или уничтожить. Совершить очищение огнем и кровью.

В другом месте этот, с позволения сказать, демократ излагал, потом даже доказывал в прессе, что Литву может спасти благословенная Богом монархия или какой–нибудь интеллигентный культ. Вы приняли эту чушь за чистую монету и не почувствовали, что рядом с выдуманным, исторически раздутым королем Миндаугасом возник наскоро сколоченный штаб «горбатого музыканта». Почитанием этого самозванца вы практически отказались от самой сути возрождения — возможности оставаться самими собой.

В течение всей избирательной кампании я терпеливо собирал цитаты этого «пророка»: «Сейчас или никогда! Политическая ситуация изменилась, сегодня мы будем диктовать свою волю: все, посещающие ЦК без пропусков, теперь не нужны. Величайшими преступниками нашего народа являются коммунисты и коллаборационисты. Мы поднимали народ не для того, чтобы он задыхался под гнетом сталинистов. Все, сопротивляющиеся «Саюдису», — враги нации. Нам нужно

очищение огнем и кровью… — А несколько позднее уступил: Огнем и молитвой…»

Когда кто–то из учителей сказал Юозайтису, что он очень похож на Гитлера, начинающий философ солдафонской закваски ответил, что Гитлер его абсолютно не интересует, хотя сам по любому случаю повторял его мысли. Я подобрал кое–что из услышанных или прочитанных речей Гитлера: «Сейчас или никогда. Отныне и на все времена. Политическая ситуация в Европе изменилась, теперь мы, немцы, будем диктовать свою волю. Величайшими преступниками нашего народа являются евреи, плутократы и коммунисты. Все, кто до сих пор ходил в Рейхстаг, как к себе домой, нам не нужны. Мы поднимали немецкий народ не для того, чтобы он задыхался в объятиях творцов Версальского мира. Нам нужно очищение огнем и кровью. Наилучший способ сделать это — война, которая истребит все неполноценные народы»… и так без конца.

И еще одна излюбленная цитата Юозайтиса того времени: «Правда сделает вас свободными». Фраза очень не литовская, видимо взятая из плохого перевода Евангелия. Но и ее сущность должна была вам напомнить выражения некоторых «великих» деятелей Европы. Сталин: «Только честная и самоотверженная работа вас сделает свободными». Гитлер: «Warheit macht se frei», что упростили в лагере смерти до «Arbeit macht frei». Доказать сходство не составляло труда, но мои слова почему–то пролетели мимо многих ушей, дескать, не надо сгущать. Всеобщая истерия делала свое. И только к концу избирательной кампании люди начали обходить этого чрезмерно ретивого агитатора. Тогда он стал следовать за мной из коллектива в коллектив, то забегая вперед, то устраивая шум под окнами наших собраний. А вы бежали с ним вместе от своего прошлого и даже не подумали, что оно живет в вас и еще долго будет жить в ваших детях. Поэтому вы и уперлись в пустоту.

Приглашенный на мою встречу с избирателями в Шилуте, он даже не подумал пройти в зал и поспорить со мной как нормальный оппонент, а занял вместе с запуганными людьми балкон и устроил свой митинг перед дверями Дома культуры. Но когда трюк не удался, а в зал битком набились избиратели, его «хунвэйбины» прорвались мимо милиционеров, выстроились перед трибуной со своими похабными плакатами, грубо оборвали мое выступление и зачитали свое обращение «К демократам всего мира». А среди ночи этот всемирный протест завершился тем, что несколько «хунвэйбинов» опростались у

дверей моего номера в гостинице.

После этой «демократической акции» власти других районов запретили «Саюдису» проведение несанкционированных митингов, но Юозайтиса это не остановило, он и далее следовал за нами, представляясь лектором то Академии наук, то общества «Знание», а чтобы привлечь побольше народу, в афишах сообщал, что с ним приезжают знаменитые писатели, политические деятели и просто интересные люди. Это была ложь, которой он нашел философское оправдание:

— Одноразовая ложь — не ложь.

Вместо знаменитых политиков были члены его агитгруппы Вайшвила и Лауринкус. Эти ребята без стеснения врали, что Юозайтис будущий лауреат Нобелевской премии мира, а бедняга Лауринкус сын многострадальной семьи ссыльных, хотя в действительности его мать сидела за крупное хищение и устроила себе ребеночка в тюрьме как способ поскорее получить свободу.

Когда обман раскрылся, они принялись за мою семью. Без запинки лгали, будто мой сын — зять Бразаускаса, старшая дочь заведует санаторием «Бирштонас» и продает белье, предназначенное для отдыхающих, а уж жена… жена! Даже неудобно пересказывать гадости, сыпавшиеся в ее адрес. И, наконец, дочь Брежнева Галина — моя любовница…

В течение всей избирательной кампании я не сказал ни одного резкого или лживого слова. Я разъяснял людям создавшуюся политическую ситуацию и не раз предупреждал, что их ждет, если они поверят хунвэйбинствующим демагогам. Об этом я откровенно говорил по телевидению и написал статью в «Шлуоту». Журнал ее напечатал, но был вынужден сделать приписку: «Публикуя эту статью, редакция не отвечает за последствия. Например, после выступления Народного писателя Юозаса Балтушиса в Верховном Совете ЛССР около его квартиры пришлось поставить милиционера… У редакции, товарищ Петкявичюс, милиции нет. Но мы не пророки».

Наконец и мы переменили тактику. В Арёгалу мы приехали намного раньше, чем было объявлено в наших афишах. В поселке они уже были сорваны, а в занятом А. Висбарасом Доме культуры шла бурная подготовка к нашей встрече. Перепачканные клейстером новые демократы приклеивали к моему изображению головы Сталина и Гитлера с надписью «Мы уже однажды за них голосовали». Юозайтис и тогда куда–то спрятался, «оставив для связи» Вайшвилу и Лауринкуса. Не

обращая внимания на этих хунвэйбинов, я обратился к собравшимся:

— Соотечественники, не из–за клятв мы верим в людей. Смотрите на дела, а не на слова избранных, поскольку зло всегда исполнено обещаний. Но митинговое угодничество толпе вам было приятнее правды. Вы выбрали сладкую ложь, хотя прекрасно знали, что эти мастера посулов ничего приличного не сделали и не могли сделать ни на грош. Прежде всего, им хотелось поживиться.

Даже тем, кто срывал плакаты, я в шутку пожелал:

— Господа джентльмены удачи, вас схватили за руку, но вы не расстраивайтесь. У любого дурака есть одно большое преимущество над человеком разумным: он всегда собой доволен. Это литовцы заметили даже в старину и перефразировали по–своему латинскую поговорку: «постоянные радости глупца». Надолго ли хватит вам этой пустой радости, не понадобится ли однажды ответить перед народом за такие делишки»?

Они героически молчали, опустив головы.

Поэтому у меня и сейчас нет права хныкать. Слово — не слезы. Я сам выбрал такой принцип борьбы: писатель и священник не имеют права сердиться на людей, но не должны и оберегать их от правды. Надо стремиться к правде. Мне очень трудно писать о тех событиях объективно, но все равно рано или поздно кто–то должен будет взвалить на себя эту ношу и разъяснить людям, каким путем мы попали в такое незавидное положение. Другой возможности у меня нет, поэтому прошу прощения, если сквозь мои мысли вырвется один–другой тяжелый стон, а перед взором возникнут незаслуженные обиды. Это ведь тоже свойственно человеку. Я мог бы молчать еще долго, если бы эти обиды были только моими.

Сейчас трудно поверить, что этой предвыборной вакханалией руководил мой коллега, активист «Саюдиса», идеолог «Северных Афин» и организатор Балтийского пути. Я тоже сомневался: возможно, кто–то подкупил этого человека или заставил. Но не будем торопиться с выводами. Давайте посмотрим на его короткие статьи, отрывистые, как генеральский приказ, на их категоричность, безапелляционные претензии на абсолютную истину, посмотрим на чрезмерные старания автора везде, всегда и всех учить полувоенному, подсмотренному у других уставному гуманизму — и без особого труда поймем, что это двуличный человек, влюбленный только в самого себя. Во все

времена своей деятельности он только искал надежного пристанища, политическую крышу, спрятавшись под которой мог бы без всякого риска действовать себе на пользу. Он довольно талантлив и умеет прибиться к какой–нибудь группировке или к политику, но ему не хватает духа, чтобы серьезно завершить начатую работу. Он все переворачивает, пытается пробиться в лидеры, а потерпев неудачу, гордый и неподсудный, как вечный праведник, удирает в сторону.

Во время второго тура президентских выборов своими фельдфебельскими и оскорбительными для оппонентов статьями и комическими клипами он практически развалил огромную работу А. Паулаускаса, а когда его побранили, он смерил всех уничтожающим взглядом и, не говоря ни слова, ушел, за что вторично заслужил титул неудачника. Тогда он прибился к Бразаускасу, которого, действуя в интересах Ландсбергиса, некогда предлагал сгноить в тюрьме. Но, оказалось, они одного поля ягода. Сегодня такой деятель Бразаускасу был очень нужен. Чтобы поставить на место Андрюкайтиса, он недвусмысленно заявляет, что президентом мог бы стать Р. Павилёнис, а когда Паулаускас слишком вырвался вперед, при грозил ему, что и сам Юозайтис не такой уж пустячный кандидат в президенты.

И вот последний его трюк. После победы Р. Паксаса на выборах он в тот же день предает своего патрона и сподвижника по «Сантарве» («Согласию») и публично заявляет, что сторонники Бразаускаса никакие не социал–демократы, что они обманывают избирателей, поэтому он отказывается от поста советника премьер–министра и с удовольствием стал бы министром образования в новом правительстве, формируемом Паксасом… Это напоминает поведение распутной девицы, которая в ресторане подсаживается к вам за столик и, не моргнув, признается в любви, конечно, если у вас имеется достаточная сумма денег.

Мои выборы прошли довольно неплохо. Если бы комиссии по подсчету голосов в Арёгале, Таураге и Шилуте не сфальсифицировали протоколов и не перебросил и часть моих бюллетеней к Лауринкусу, еще неясно, чем бы все это кончилось. Но протесты моих сторонников не рассматривались. Тем не менее, своей главной цели я достиг и доказал всем, что не всякая поддержанная «Саюдисом» и приведенная к урнам горилла может победить на выборах. Люди почувствовали, что можно сопротивляться этому хунвэйбинскому давлению и

успешно бороться за право оставаться самим собой.

Но жизнь есть жизнь. Не остался без заслуженного возмездия и Арвидас Юозайтис. Поняв, что Арвидас очень часто старается паче

1 В 1997 г., когда главными претендентами были В. Адамкус и А. Паулаускас.

меры и выходит из–под контроля, Ландсбергис не только не запретил философу фокусничать, но даже подталкивал его ко всякого рода рискованным авантюрам, а сам старательно регистрировал каждую ошибку своего конкурента. Когда требовалось выдвинуть кандидатуры от «Саюдиса» против Бразаускаса и Березоваса, он без колебаний предложил кандидатуру Юозайтиса:

— Я не вижу среди нас другого человека, который мог бы на равных сразиться с набирающим популярность Бразаускасом. Юозайтис — это наш будущий президент.

Такие речи Арвидасу очень нравились, тем более что телеведущая Стейблене не преминула их озвучить на телевидении и в качестве доказательства показала крупным планом выданное Юозайтису удостоверение кандидата. Она пригласила обоих соперников на новогоднюю передачу для открытого диспута. Бразаускас позвонил мне и попросил совета.

— Не ходи, — ответил я, — там и вопросы, и спрашивающие, и вся обстановка подготовлены против тебя.

Бразаускас не пошел. Скромничая, Юозайтис заявил, что лично он к власти не стремится. По его мнению, «Саюдис» должен передать власть опытным государственникам, а сам оставаться в вечной оппозиции и, благодаря своей популярности и народной поддержке, постоянно контролировать и поправлять действия будущих властей.

Эта идея очень понравилась Ландсбергису. Вместе с Чепайтисом он вовсю ее раздул, а когда приблизились выборы, в совете «Саюдиса» заявил, что в округах, в которых баллотируются Бразаускас и Березовас, «Саюдис» должен отозвать своих кандидатов, ибо в противном случае можно лишиться поддержки Самостоятельной КПЛ. Дескать, последствия такого соперничества трудно предсказать. Оно может погубить и сам «Саюдис». Поскольку Юозайтис является очень прозорливым политиком, он должен правильно оценить создавшееся положение и с честью снять свою кандидатуру, чтобы потом по этому вопросу не нужно было принимать

соответствующего решения другим. Хоть и с большими сомнениями, Арвидас подчинился собственной мудрости.

Только после выборов Юозайтис почувствовал кровную обиду.

Когда Ландсбергиса выбрали председателем Президиума Верховного Совета, он моментально забыл о своем коллеге и «будущем президенте». Чтобы напомнить о себе, Арвидас послал Ландсбергису поздравительную телеграмму, но и это ничего не изменило.

— Пускай он руководит «Саюдисом». — Такой приговор молодому спортсмену–философу передали уже подручные председателя.

После такого достойного Макиавелли ответа lЮозайтису ничего не оставалось, как написать еще одну по–генеральски жесткую статейку — «Историческая ошибка» — и бежать в ДПТЛ за какой–нибудь материальной помощью. А возвеличивший его «вождь нации» на втором съезде «Саюдиса» сам себя предложил председателем этого сборища с правом назначать всех руководителей. Он даже не вспомнил, что в «Саюдисе» все еще дергается никому уже не нужный «будущий президент».

Об этом, может быть, и не стоило бы писать, если бы из–за всей этой истории голова болела только у меня. Болит и у Арвидаса, которого поставили на место его же методами. Получив от коллег по зубам, он в какой–то мере стал сочувствовать другим, но так до конца и не раскусил коварных интриг бывшего шефа. Когда, стремясь к реваншу, он стал активным создателем Форума будущего Литвы (ФБЛ) и снова начал разъезжать по Литве, его встречали натренированные самим же философом хунвэйбины. В Пренай десант Шустаускаса облил бедного философа мочой и высек крапивой, а в Каунасе его забросали тухлыми яйцами. С Шустаускасом, как он тогда себя называл — солдатом Ландсбергиса, шутки были плохи. Вместе со своим соратником Бушкявичюсом он уже прославился подрывом памятника Мать Литва в Крижкальнисе и других памятников. Пиротехник из него тоже был плохой, но тыл и кулак были у него отменные. Сейчас Витаутас Шустаускас жалеет:

— Ошибки молодости.

А тогда он кричал:

— Кто против Ландсбергиса, тот против меня!

Как ни крути, этот унтер Пришибеев из прошлого и нынешний супердемократ попал в *«папулину»* армию, когда начальником

штаба этого средневекового войска был сам Арвидас Оозайтис.

Но и такой исход не отучил молодого философа от врожденного авантюризма. Когда хныкающему в ФБЛ Арвидасу я напомнил, что он сам во всем виноват и что он сам расчищал своему ныне смертельному врагу путь к власти, то на одной из конференций форума он опять мне отомстил и заявил с трибуны, что я подал ему письменное заявление и по неизвестным причинам выхожу из состава президиума. Услышав об этом, я еще раз содрогнулся от такой геббельсовской лжи и на очередном заседании заявил, что никогда никакого письменного заявления ему не давал. Он спокойно выслушал мой протест, вышел на трибуну и предложил восстановить меня в прежних обязанностях. Ставя на голосование, он первый поднял руку и выразил удовлетворение триумфом справедливости. Так сказать, оплевал, вытер ноги, а сверху побрызгал одеколоном.

Сейчас этот человек занимается писаниями о каком–то мистическом единстве «Саюдиса» и нации, которого по его милости никогда не было.

Во время выборов похожие агитбригады действовали не только против меня. На Жебрюнаса натравили его двоюродного брата Казиса Саю, на Бубниса — Сигитаса Геду, а на академика Раяцкаса, как очень сильного соперника Ландсбергиса, — всех прочих. Была создана группа против 10. Марцинкявичюса, было заказано несколько телепередач и грязных статей, но ими воспользовались позднее, так как Юстинас стал недосягаемым: депутатом его выбрал Союз советских писателей.

Кто из писателей не знает Казиса Саю? Прежде всего, это человек с неуравновешенной психикой и необычайным, просто болезненным полетом фантазии, менявший жен, как перчатки. Его фантастический развод с многолетней подругой Милдой превратился в анекдот, который не мешает знать и посторонним, поскольку каждый подобный его подвиг стоил Союзу писателей роскошной квартиры. И в этот раз он потребовал апартаменты из четырех с половиной комнат. Решение Союза было более чем справедливым: отдавай квартиру из трех с половиной комнат, прибавь к ней однокомнатную квартирку новой жены–артистки, тогда и получишь четыре с половиной.

Начались невиданные и неслыханные акции протеста смертельно оскорбленного человека. Что–то неосторожно пообещавшему секретарю Союза Поцюсу этот демократ сломал

нос мраморным пресс–папье. А когда такая скромная просьба попала в суд, Казис решил покончить с собой. Выпил каких–то лекарств, рассыпал оставшиеся на полу и растянулся на диване, конечно, не забыв сообщить о трагедии по телефону соседке.

Поднялся шум. Боже мой, такой талант, такой самородок должен погибать из–за какой–то разнесчастной комнатушки! Какие бессердечные эти писательские руководители!

Когда мне позвонила жена Милюнаса и сообщила о несчастье, я не поверил ни одному ее слову:

— Вы же врач. Пульс проверил и?

— Не прослушивается. — Наверное, У нее дрожали пальцы.

— «Скорую» вызвали?

— Пока нет.

— Так чего шумите? Сая может выморить весь ваш дом, но чтобы отравить себя?!.. Не будьте смешной и еще раз проверьте.

Но были и мягкотелые руководители, которые еще не знали Саю. Прибывший к месту происшествия Браженас по–мужски и очень справедливо возмутился:

— Если человек может травиться из–за квартиры, то так ему и надо!

Услышав такой приговор, «мертвец» подскочил, дал гостю пинка под зад и начал кричать:

— Вон из моей квартиры! Исчезни! — И — бум–бум, тра–ля–ля, урря за русского царя!

Я не записал подробностей того происшествия, поленился. Да простят мне за некоторые накладки и прочие участники этого спектакля, но сама суть прекрасно иллюстрирует, что этот неуравновешенный человек мог вытворять на предвыборных митингах против Жебрюнаса. Практически, все очень просто: хорошим мнением о себе Сая привлекал избирателей, пока сам не уверовал в собственную исключительность, а в состоянии транса он не считался ни с кем. В запале ему все по фигу, и прочие люди уже не люди, а всего лишь участники низкопробного спектакля. Знаменитый режиссер рассказывал о тех встречах, морщась:

— Блуд, он обозвал меня московским сифилитиком. Чтоб ему пусто было, никогда не думал, что в нашем роду есть такие хунвэйбины.

Ощутив себя на вершине транса, *Казюня* все наращивал и наращивал свое политическое ускорение. Пробравшись в прессу,

он извинился перед всей нацией за то, что в одном своем рассказе неверно изобразил, как немец застрелил ни в чем не повинного ребенка. Этот рассказ де не удался потому, что в действительности мальчика застрелил не немец, а русский, а виноваты в этом оккупировавшие нас московские сифилитики. Этот недавно придуманный эпитет он использовал почти на каждом митинге и в своих статьях. Видимо, очень чувствительно давались воспоминания о невинном приключении молодости в Ялте, где на собственной шкуре испытал негативное действие этой болезни. Думаю, никому не нужно дополнительно объяснять, что *Казюня* здесь ни при чем, что в этом несчастье виноваты венерологи Симферополя, Крыма и Москвы и жестокая оккупация его родины.

Почему я пишу таким вульгарным языком? Да потому, что люди такого типа иного языка не понимают. Это закономерно, когда в политику приходят люди с повышенной чувствительностью и неограниченной фантазией.

Следующий трубадур Ландсбергиса — Сигитас Геда, которого за 50 крон какие–то мошенники в Швеции произвели в литовские дворяне, невзирая на его деревенские лапти. Он победил сдержанного Витаутаса Бубниса. Так и должно было случиться – поддерживаемый «Саюдисом» идол побил нового богоискателя, ибо Витаутас даже под угрозой расстрела не сказал бы ничего злобного против своего дерзкого конкурента, никогда, впрочем, не преуспевавшего ни в учебе, ни в писании стихов. Но если блудливость и поэзия еще могут как–то уживаться, то блудливость и взаимоотношения с другими людьми несовместимы.

«Если не выпустить ангела на волю, он превратится в черта», говаривал когда–то этот поэт. Но когда во времена «Саюдиса» он сам сорвался с цепи, ни крылья у него не выросли, ни рога, лишь политического яда этот человек накопил вволю, хватит, чтобы им брызгаться налево и направо до окончательной победы, по собственному его выражению, до Нобелевской премии мира.

Но главное не это. Выбранный депутатом в Верховный Совет СССР Геда так и не смог принять участие ни в одной сессии. Когда его пьяного милиция выбросила из гостиницы «Москва», он начал новую акцию протеста против русской оккупации и не протрезвел, пока русские не вывели из Литвы своего последнего солдата.

Довелось и мне видеть его в самый разгар этой акции в

«Литературном кафе». Брызгая слюной на свою бороду, он пробивался сквозь группу посетителей с патриотическим кличем:

— Депутатам вне очереди!

Вот и вся его защита своих избирателей, так выполнил их наказы этот пророк Ландсбергиса, который теперь по любому случаю кричит:

— Я уже свободен от политики и алкоголя!

От голоса совести его, наверное, еще в младенческом возрасте освободил случайно забредший в село Снайгинас цыган. Табор его жизненный идеал, оправдывающий творчество, образ мыслей и мироощущение.

А поэт Марцинкявичюс получил свою долю в специально организованной Т. Вянцловой и А. Штромасом телепередаче. Не пропала и одна заказная статья. Владас Даутартас смешал поэта с грязью в своем опусе «Бермудский треугольник», объявив, что троица, состоящая из Малдониса, Марцинкявичюса и Балтакиса, была самой черной в руководстве Союзом писателей за весь советский период.

Мне хорошо известно, кто заказал Даутартасу эту кляузную статью и сколько за нее пообещал, но мне и сейчас непонятно, почему никто из друзей Марцинкявичюса так и не сцепился в прессе с этим клеветником. Я не хочу повторять содержание своих статей, только напомню, как Владас таким же способом донес на Йонаса Микелинскаса тогдашнему «идеологическому штыку», редактору газеты «Теса» товарищу Зиманасу, и как Йонас от этого пострадал. Вторую статью я закончил такими словами:

«Дорогой Владас, мы можем друг друга ненавидеть, можно «не переваривать» произведения друг друга… Для людей это нормально, а для некоторых творческих личностей даже необходимо. Но у каждого из нас есть свои читатели и почитатели. У одного больше, у другого меньше. Опять–таки, это от Бога. Поэтому давайте уважать их, поверивших нам, и не швырять в этих людей грязью. Они никогда не простят этого. Оскорбить чувствительного и, пусть Юстинас не сердится, робкого Марцинкявичюса — не такая уж большая заслуга, темболее, когда ты уверен, что он никогда не даст сдачи. Но, поливая грязью его, ты пачкаешь не только его, но и своих читателей. Эточрезвычайно опасно. Запущенный в него такой нечистоплотной рукой бумеранг никогда не достигнет цели и

обязательно возвратится. Согласно Библии — даже в третье поколение Даутартасов. Поэтому не забывай, что перевертышей дерут обе стороны».

В заключение я хотел добавить: не сердись за откровенность… Но передумал. Злись, родименький, но на сей раз сам на себя. Может быть, это поможет твоему творчеству, так как человеческий, нравственный и не мстительный гнев — такое же святое чувство, как и любовь к ближнему. Я горжусь, что судьба прикоснулась ко мне Божьим перстом, желая хоть слегка поставить тебя на место.

Не только Владас Даутартас, многие посредственные писатели, поняв, что они из–за своей недальновидности порядком опаздывают к государственной кормушке, начали какое–то сверх–патриотическое состязание в моральной деградации: кто из них в советское время больше всех пострадал, кого запрещали и кто из них, укрывшись В глубоком подполье, сильнее всех прочих любил родину. Но и здесь, как и в творчестве, за неимением таланта, они ухватились за неслыханную клевету, как будто без проклятий и доносов невозможно любить родину. В писательской прессе того периода пестрили различные выдуманные исповеди, фиктивные клятвы, покаяния, но больше всего — дутые истории о преследованиях и очередных несчастьях посредственностей. Как метко сказал Г. Канович, если ты не ссыльный, то нет никакого смысла писать.

В этом бессмысленном состязании далеко вперед вырвался бывший вечный парторг и доверенное лицо ЦК Римантас Будрис. Некогда нас, двоих молодых писателей, призвали на военную службу. Мы получили звание капитана и готовились стать военкорами в необыкновенно красивом уголке Украины у слияния Десны и Днепра — в Браварах. Учеба наша не была трудной, большую часть времени мы шатались по звонким вековым соснякам, собирали ягоды, бродили по Киеву, заигрывали с веселыми украинками, а не занимались стрельбой и зубрежкой военных наук.

В одном из подразделений, о котором мы должны были написать в окружную газету, нам за такую честь устроили королевский прием. Я израсходовал всю фотопленку, а на последний кадр попросил молодого солдатика из Литвы сфотографировать нас. Мы с Римантасом устроились перед объективом, а он щелкнул. Вернувшись домой, я сделал только два снимка этого торжественного мгновения, больше не смог — нужно было проявить еще множество лент и сделать хотя бы по

одному контрольному отпечатку. Словом, как и обещал, один снимок себе, другой — коллеге.

И вот во время движения возрождения в газете «Летувос айдас» появилась небольшая статейка и половина той подаренной Римантасу фотокарточки. Незнакомый мне автор писал, что я был бравым бойцом комсомольского истребительного отряда, «стрибасом»[29], как таких называли, поэтому он меня незаметно сфотографировал и теперь может документально доказать, каким страшным я был человеком…

Мне не составило труда найти в альбоме вторую фотокарточку, сравнить ее с опубликованной и установить, что Будрис добросовестно вырезал себя и еще более добросовестно исполнил свой патриотический долг. К счастью, на представленной газете фотографии карандашом были затушеваны мои погоны. Но от прикосновения чьих–то пальцев через затушевку проглянули капитанские звездочки… Пятнадцатилетний капитан! Словом, полшага до фельдмаршала «стрибасов».

После сравнения со второй половиной фотографии редакция была вынуждена извиниться, в противном случае ей грозил штраф. Тогда выяснился и подлинный автор статейки. Встретив Римантаса в Обществе охотников, я в присутствии наших общих знакомых спросил этого патриота: почему ты, паскудник, так поступил? Что тебя побудило к этому?

— Я ничего не знаю, — то бледнел, то краснел только что разоблаченный патриот. — Может быть, дети? Может, сотрудники? Может, тебе кто–то мстит моими руками?..

Может, может, может?. Но после этого Римантас, завидев меня, всегда поспешно переходил на другую сторону улицы. Видимо, не только от встреч со мной уклонялся этот человек таким образом, если в спешке попал под колеса троллейбуса. Как знать, возможно, и я здесь ни при чем, видимо, виновато возрождение, развинтившее все гайки человеческой порядочности.

В процессе стычек с кликой Ландсбергиса мне пришлось пережить массу всевозможных приключений, отчего моя жизнь стала очень интересной и забавной. Мой сосед Йонас Апутис в молодости был довольно неуживчивым. Он коллекционировал старые радиоаппараты и писал повесть, рассказывающую, почему пруссы почитали боевой топор. Похоже, культ силы на него основательно подействовал, поэтому в подпитии он довольно часто пускал в ход кулаки. Работая в Союзе писателей,

я не раз защищал его в различных инстанциях от неприятностей не только за крепкие кулаки, но и за распущенный язык. Поэтому, когда начинался «Саюдис», он в благодарность за мои старания тоже всерьез стал тревожиться за меня:

— Все ваши дела очень рискованные. Вам дадут поиграть, выяснят, кто чем дышит, а потом загребут. Поверь, у вас ничего из этого не выйдет. Не те люди у тебя собрались.

— Приходи и ты со своим могучим пером. — Я не такой дурак, подожду.

А когда у нас стало кое–что получаться, ему показалось, что я его сильно обманул. Нет, его пророчество осталось справедливым до конца, но, оказывается, я перестарался, завел людей слишком далеко, поэтому, искренне желая исправить мои ошибки, он публично заявил, что будет голосовать за Ландсбергиса. Потом он пристроился к нему агитатором. Помотался по Жемайтии и получил государственную премию за новеллы, за те самые рассказы, которые он, испытав тяжкие преследования, опубликовал в «кровавые советские годы». Видимо, ему очень понравилась такая высокооплачиваемая патриотическая деятельность. Поэтому однажды, опять будучи в сильном подпитии, он заявился ко мне в гости и сделал очередное двести сорок какое–то китайское предупреждение:

— Не клевещи на благороднейшего человека Литвы…

— Что ты в этом понимаешь? — Теперь уже я предостерег его от грядущего бесславия. — Если ты еще можешь, выпей и отправляйся спать.

Как я жестоко поступил! Человек старался, проявлял заботу, а я не послушал… И вот в один прекрасный день мне позвонил Балтакис:

— Петька, Апутис в нашем доме собирает подписи под требованием исключить тебя из Союза писателей.

Я вышел на улицу. Смотрю, идет «святой Иосиф», выставив вперед свою шкиперскую бороду, его голубые глаза светятся, будто блуждающие огоньки на свалке, под мышкой — небольшая папка с таким важным и священным, как третий Акт независимости, документом сигнаторов — подписантов. Над его огромной, светящейся издали лысиной лучится патриотический желто–зелено–красный нимб… Вдруг возникло острое желание опуститься перед ним на колени и не менее ста раз подписаться под той петицией. Но, завидев меня, новеллист новой волны нырнул в свой подъезд и захлопнул дверь.

Съезд Союза писателей не одобрил новоиспеченного жанра Апутиса. Писатели старой закваски не поняли, что они так бессовестно губят рождение нового жанра новеллы, который критик – трижды иезуит В. Кубилюс — безусловно, назвал бы «Новелла–донос как основной жанр возрождения», а господин Браженас возразил бы: «Если известный новеллист помочился под себя, то это еще не значит, что зародилось новое литературное течение».

В большинстве интеллигенты не столь глупы и хорошо понимают, что, поступая таким образом, они могут уподобиться бесплодным чиновникам–приспособленцам, которые поступать иначе не могут. Все происходит от переизбытка информации. Неспособность обработать эту информацию порождает искусственную экзальтацию, которая стимулирует духовную спекуляцию; далее следуют инфляция, девальвация и, наконец, деградация. После такого падения уже трудно сообразить, что вслед за политическим шантажом идет криминальный, а дурные привычки, приобретенные за несколько лет, не лечатся и веками. Все решает более вкусный край пирога, который и добивает остатки личности.

Пытаясь порой вернуть себе утраченную самостоятельность, а чаще — популярность, тот или иной интеллигент начинает сопротивляться, создавать новые теории, писать очень умные статьи, но попадает в новую беду: слишком умные пророки толпе надоедают, становятся обузой. В конечном итоге толпа следует за теми, которые оказываются на нее наиболее похожими. Начинает действовать простенький механизм отторжения чужеродного тела. Лишившись доверия масс, интеллигенция становится ненужной народу, а без такого важного тыла она попадает в полную зависимость от бюрократии и превращается в мальчика для битья. Но и это еще не все. Рано или поздно это правило губительно сказывается на обеих сторонах: люди, старающиеся быть мудрецами среди бездумных, превращаются в глупцов среди мыслящих. Куда ни поверни, человек, посвятивший себя творчеству, должен понимать, что, открывая истины, выгодные только ему самому, или создавая только ему нужные теории, он оказывается в еще большем тупике. Судьба же тех новых, но никому не нужных истин тоже достаточно плачевна: рождаясь в качестве ереси, они умирают, как сплетни. Любая идея выживает только тогда, когда она подтверждается каждодневным кропотливым трудом или если самоотверженный автор взойдет ради нее на костер. Но времена библейских пророков прошли уже давно. Сегодняшние

мессии рождаются не от непорочного зачатия, а от политической проституции.

Поэтому я не очень виню ни Апутиса, ни Будриса, ни какого–нибудь Саю или Юозайтиса. Это несчастные, не реализовавшие себя до конца люди, которым доставляет удовольствие хоть на несколько минут стать более значимыми, чем все остальные. Я наблюдал на съезде писателей за Чепайтисом. Между ним и другими с обеих сторон оставались незанятыми по три кресла. Все его прежние подхалимы, как прокаженному, не подавали ему руки, и сам он не пристал ни к какой компании…

Как неприятно сознавать, что чьи–то личные неудачи, нехватку таланта кто–то пытается превратить во всеобщую боль. Чужая боль такого бедолагу вдохновляет, возвышает, он мнит себя великим и начинает поучать, так как творить не способен.

Изредка я оглядываюсь, интересуюсь мнением друзей, вчитываюсь в еще тепленькое, состоящее сплошь из претензий произведение какого–либо молодого литератора — и не испытываю никакого удовольствия. Только с каждой книгой постоянно нарастает тревога… Где шедевры, написанные в годы перестройки? Где те запрещенные и годами зревшие книги? Где те обещанные потрясать землю, умы и людское воображение мысли и образы? Их нет, хотя, по правде говоря, мы сейчас пишем очень много, к тому ж, как ни жаль, с постоянно нарастающими злостью и раздражением, но ничуть не лучше в смысле художественности, возвышенных чувств. Заложенное в наши души природой страшное разрушительное начало еще очень живуче и ежедневно напоминает о себе в самых невообразимых формах. Лишь несколько лет мы живем без цензуры, а приличные люди уже затосковали по Закону о печати, поскольку вместе с Главлитом из нашей среды исчезла и какая–то вынужденная, предписанная законом терпимость к иному мнению. А может, у нас ее и не было?

Мы свободны! У людей, лишенных духовности, отсутствуют какие–либо тормоза… И внезапно наша пресса окрашивается весьма подозрительным желтым бульварным цветом, перед которым бледнеет довоенная газета «Двадцать центов». Около одной или другой редакции созданы даже монополии на истину. Мне все это не ново, журналисты никогда не были свободными и самостоятельными. Страшнее всего то, что свободу печати даже некоторые хорошие литераторы понимают как очередную волну сведения счетов. Баталии на газетных страницах — вовсе не состязание талантливых людей,

старающихся превзойти друг друга в красоте, смысле, увлекательности своих произведений. Они мне больше напоминают войну оскорбленных амбиций, дележку должностей, желание унизить друг друга за прежние или будущие грехи, вытереть ноги о своих коллег, чтобы обрести спасение, либо, взбираясь по головам других, излечить собственную духовную немощь. Вся эта макулатура измеряется только деньгами, она оплачена заранее, продается и перепродается. Кто больше заплатит газете, тот и прав. Двуличие политической жизни породило и двуличие прессы. В республике утвердились две истины В. Томкуса и А. Вайнаускаса[30].

Еще страшнее, когда звонит какой–нибудь независимый журналист и сообщает:

— На тебя имеется негативный материал.

— Что делать?

— Сам знаешь, — отвечает он и тихо ждет, когда его спросят: «А сколько за него надо выложить?»

Не помню фамилию классика, который написал прекрасную новеллу о том, как посреди Атлантического океана плененные африканцы восстали против пиратов. Они перебили их, всех до единого, и несколько дней не могли нарадоваться внезапно обретенной свободе. Но первая же буря разнесла в щепки корабль с ничего не смыслящими в морском деле людьми…

При чтении газет и журналов у меня все чаще и чаще создается впечатление, что мы куда–то постепенно погружаемся, что, спасая свои тронутые недомоганием души, мы все чаще и чаще причиняем боль другим… И все это делаем в восторге от внезапно свалившейся на нас демократии. Прискорбно, что многие литераторы свою славу покупают по дешевке за прегрешения других людей и их унижение. Но демократия требует не просто дележа власти. Она заставляет делиться с единомышленниками и политическими конкурентами гражданской ответственностью, без сомнений в их порядочности и неуважения к их идеям. По–моему, свобода слова — это возможность реализовать себя, свой талант, но никак не зарабатывать на чужих несчастьях. Нельзя насилие уничтожать насилием, одну форму духовного рабства заменять другой. «На кой черт победителю нужна победа, если он не умеет или не желает быть великодушным? — вопрошает старая мудрость, и тут же отвечает: — Тогда и его нужно, как порабощенного человека, держать под замком».

Литва — небольшая страна. На своем творческом пути мы не можем обходить друг друга на большом расстоянии, как это могут русские или американские литераторы. Хотя бы и тихо, стиснув зубы, нам приходится проходить одному мимо другого вблизи. Сейчас я часто встречаю около своего дома писателей, которые меня справедливо или несправедливо критиковали, которые меня били и поучали, резали, запрещали, решали судьбу моих произведений… Со всеми ними я здороваюсь, подаю им руку, мне иногда стыдно за ту их неловкость, за извиняющиеся взгляды, но, видимо, так и должно быть. Не раз и я попадал в подобные ситуации. Но мне страшнее всего за тех, которые больше всех «перестроились» И которые опять критикуют и бьют меня за то, что я слишком мало проявляю решительности в словоблудии, только снаружи уже не красном, а в пестро–зеленом, злом и бессмысленном.

Насмотревшись на тех необычайно строгих, но почему–то продолжающих восседать в президиумах перевертышей, сейчас я хорошо понимаю, почему у нас в стране так долго мог держаться сталинизм, почему так внезапно разросся национализм, почему с такой жестокостью покровительствуют великодержавному шовинизму. Это только по той причине, что в душе мы все еще остаемся крепостными. Мы не можем понять своих утрат, своей боли. Видя вокруг себя радостные лица людей, мы непременно хотим их перессорить, заставить морщиться, а лучше всего — расплакаться… Тогда, глядишь, и мы опаиваем, снова начинаем слышать, становимся великими и счастливыми, но улыбаемся мы с большим опозданием, когда другие вокруг плачут. Мы даже свои праздники не умеем уже праздновать без перевязанных черными лентами флагов.

Мне кажется, свобода слова — это возможность экспериментировать, искать, это возможность приносить себя в жертву во имя этой свободы и сложить на жертвенник творчества все, за исключением человека. Ведь только ради него, заблудшего и хорошего, павшего и восставшего, потерянного и будущего, существует наше творчество.

Сейчас очень модно учреждать всевозможные творческие общества, клубы, ассоциации и фонды, которые якобы нас спасут. И опять же, с чего мы начинаем? С возможности поживиться. Еще не создана программа какого–нибудь клуба, еще не продумали, каким будет его вклад в национальное возрождение, в духовный подъем, а в прессе уже пестрят заявления и приговоры лидеров: такого–то примем, тот —

дрянь, а этот наверняка еще скомпрометирует себя… и снова дележ, и снова ярлыки, а если сказать правду, сами заявления такого рода демонстрируют, что у их авторов не все в порядке с душой. Месть и желание возвыситься над другими никогда не были попутчиками талантливых творцов. Это не оправдываемые жизнью привилегии, которые самозванцы и посредственности выписывают себе собственноручно. Действующие согласно таким принципам фельдфебельские союзы таланту не нужны. Прежде всего, плохое он ищет в себе, восстает против него своим творчеством и не разглядывает карманы и несвежее белье своих коллег. Тогда вместо них появляются какие–нибудь соросы, нажившие миллионы на дурмане, и наводят свой порядок.

Отец не раз наставлял меня:

— Сынок, не снимай образа прежнего Бога, пока не нашел нового, но и сняв, не выбрасывай, отдай тому, кто продолжает его почитать.

— Почему? — Был и я молодым и горячим. — С пережитками надо кончать одним махом.

— А потому, что себя вместе с прежним Богом не выбросишь. Только дурак несколько раз в день начинает жизнь сначала.

Вот почему сегодня мне становится смешно, когда какой–то задрипанный самозванец, своим нутром оставшийся закоренелым приспособленцем и карьеристом, во весь голос призывает других начать новую жизнь или, услышав слово «социализм», напускает на себя притворную ярость, словно бык, увидевший на корриде красную тряпку. Он, видите ли, свободный художник, поэтому не признает никаких «измов», хотя прекрасно знает, что безыдейной бывает только монета.

А мне кажется, сколько существует литература, столько существует и будет существовать так называемый социальный заказ. Разве что название этого явления вульгарное и торгашеское. Сейчас все как заразы, как смирительной рубашки боятся этого пресловутого «заказа», но мне он нисколько не мешает. Давайте сформулируем эту проблему несколько иначе — и все встанет на свои места: будет ли литература социальной? Конечно будет, так как подлинное искусство без этого жить не может.

Но — вернемся к той грубейшей форме: так сказать, кто платит, тот и заказывает музыку… Разве искусство не нуждается в меценатах, разве художник не нуждается в пище, в одежде и

даже в рюмочке, не спрашивая на то разрешения общества трезвости имени Валанчюса? Ведь для подлинного искусства неважно, кто заказчик, гораздо важнее, кто и как выполнит этот заказ. На протяжении многих столетий главными заказчиками были церковь и феодалы, потом — капиталисты, а сейчас — государство и опять церковь… и что, сильно лиот этих заказов пострадало искусство? Ничуть. В нашей стране его уничтожали и продолжают уничтожать сами деятели искусства, посредственности, пробравшиеся во всевозможные службы и протежирующие только самим себе и себе подобным. Разве сейчас, в условиях новой демократии, это правило перестало действовать? Разве сейчас не той же самой дубиной, только чуть–чуть перекрашенной, опять перестраивают таланты в другой строй. Если ты не такой, как я, то ты не художник, не писатель, не поэт. Ведь в такой трактовке свободы творчества виноваты не русские и не англичане, а укоренившееся в нас провинциальное зазнайство и стремление с легкостью присвоить себе честь, которую некогда заработали наши старейшины — гиганты духа.

Если не верите мне, почитайте сочинения нового пастыря писательских душ, главного настоятеля «Гражданской хартии», капеллана гвардии «вязаных беретов», трижды иезуита В. Кубилюса или послушайте его проповеди на Трехкрестовой горе1. За подобную деятельность он получил от Вагнорюса полмиллиона литов, но, как истинный католик, не поделился ни с какими организациями культурного направления, зато наказал «всем встать перед Литвой на колени, молиться, бить себя в грудь и каяться». Что такое эта его мистическая Литва? Прежде всего, это люди — Йонасы, Пятрасы, Оны, Марите… Перед кем из них стать на колени? Кто даст отпущение грехов? Конечно, Ландсбергис, пожертвовавший на эту абракадабру профессора заработанные нами деньги. Поэтому, когда мы выпускали сборник «Лирика Грутского парка2», мы не нашли лучшего вступления для советской поэзии, чем сочинение господина Кубилюса, который некогда с большим успехом ставил на колени писателей и вел их в светлое советское завтра. Не изменив ни единого слова, мы напечатали его старую статью и почувствовали себя сидящими вместе с этим перевертышем в почетном президиуме на праздновании дня Октябрьской революции.

Если бы я был художником, то принялся бы за живописный или скульптурный портрет Сталина, но изобразил бы его так, чтобы от взгляда на него бросало в дрожь. Это же можно сделать

и при помощи художественного слова, есть на что посмотреть. Думаю, у Сталина и у В. Кубилюса много схожих черт. Когда во дворе Вильнюсского художественного комбината была обнаружена бронзовая скульптура Сталина, я предлагал не уничтожать ее, не отправлять на переплавку, а установить на площадке перед тюрьмой Лукишкес. Пускай себе стоит, пускай напоминает и осужденным, и судьям, что душу человеческую невозможно заковать ни в коричневую, ни в красную, ни в пестро–зеленую сталь насилия. Ведь не сама идея, а любое ее крайнее проявление является страшнейшим ее врагом. Даже ребенку известно, что дьявол — тот же ангел, изгнанный за самостоятельность с небес, и что не Бог, а человеческая глупость приделала ему рога, хвост и раздвоенные копытца. Но как приятно наводить скверну на других!

В моем понимании, создавая новую, никем не регулируемую литературу, нам следует не ругаться, не проклинать друг друга, а усевшисьвместе, хорошенько изучить и с наибольшей художественной силой показать, какие следы оставили сталинизм и ландсбергизм в нашем сознании, в сознании окружающих нас людей, в образе мыслей, делах и духовном состоянии. Мало признавать ошибки, их следует искупать, но не словами или молитвами, а конкретными делами. Проще всего за прошлые ошибки оторвать другу голову и считать, что ошибок больше не будет.

Словом, у всякого жизненного явления есть свое начало, своя вершина и свой конец. Кончится и этот шум. Но есть и вечные категории, такие, как жизнь, движение, переход материи из одного состояния в другое… Вечно и творчество. Прекраснейший пример этого — сама природа. Если сохранится человек, будет творить и он, только с каждым разом все более осмысленно, совершенно, особенно, пережив нынешний период бездуховного существования.

Ведь по существу мы уже выкричались и выговорились обо всех наших несчастьях. Несомненно, еще найдутся какие–то страшные, неизвестные доселе факты, будет еще что–то выкопано из архивного забвения, но это не сможет нас расстроить, потрясти нас так, как потрясли первые слова правды, поскольку любой раздражитель, если он часто используется, помимо нашей воли становится только нежелательным глушителем. Но и разрушение не вечно…

Не думаю, что совесть можно приобрести на дешевом аукционе, но уверен, что при дележе или какой–то

«прихватизации» она вообще не нужна человеку. Это химера, мешающая бизнесу. Еще никому не доводилось слышать, чтобы где–то в мире объявились честные грабители. Иное дело — патриотизм, жестокий, искусственный, наглый и своекорыстный. Это щит, оправдывающий все, что угодно. Ведь не похвалишься, что грабишь накопленное людьми за пятьдесят лет достояние из ненависти к Литве. Ты ее любишь, боготворишь, только ей приносишь себя в жертву или идешь ее спасать. А если ненароком положишь в свой карман приличный кус, так разве ж это грех? Это честно заработанные тобой проценты, начальное накопление капитала, а ты — апостол. Пока собственность государственная, она — ничто, советский вымысел, а когда она у кого–то в кармане — это уже святое.

Что значат 250 тысяч долларов, которые «приютил» Абишала за простейший урок по обману Литвы, по сравнению с 1,5 миллиарда, которые весь народ должен «Вильямсу»? Слезы! Ведь тот патриот на всю жизнь добровольно взвалил на свои плечи каторжное бремя Иуды, такое тяжкое, что другому не надо. Он не виноват, что сейчас за тридцать сребреников даже конь коня не почешет, а тут, как ни крути, бывший премьер–министр, рулевой нации, не какой–нибудь там Скребис, который «чистыми руками» сгреб шесть миллионов и гноит их в банках Дании. Ведь голенькими нас в Европу никто не примет. Пословам Главяцкаса, только богатые люди могут избавить наших бедных соотечественников от подстерегающих несчастий. За таких посвященных и ратуют вся пресса, бюрократия и Сейм. Так полагается. Хватит уравниловки, разрушившей в советские годы нашу экономику! Только осел не воспользуется мудрым советом Ротшильда: во время революций можно заработать миллиарды. Поэтому давайте любить то, что мы делаем, давайте верить в то, что мы говорим: еще разок возродитесь, восстаньте, порабощенные, и не останется ничего, что можно было бы у вас отнять. Воцарится всеобщее равенство, расцветет восставший народ, женится голый на нагой, штаны подстелят, юбкой прикроются и, счастливые, восславят своих спасителей.

А как живут те, у кого ничего нет?

ЗАКАЗНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

— На каком инструменте лучше играть вождю нации?

— На фортепиозе фирмы «Кагэбэон».

— А кто напишет слова к песням?

— Это будет коллективное творчество: о, могучий кормчий, о, мудрый кормчий, если ты выставил перед народом зад, все же не думай, что шагаешь впереди всех.

Писать о людях правдивую и в какой–то мере удобочитаемую прозу очень трудно, особенно — о возвысившихся и известных многим деятелях. Какими бы они ни были, хорошими или плохими, угадаешь в редком случае, поскольку каждый из них считает, что он гораздо лучше того, кем является на самом деле. Как шутят юмористы, самым прибыльным ремеслом в мире было бы скупать людей по их настоящей цене и продавать по цене, которую они сами себе назначают.

Призвав на помощь художественную интуицию, многолетний опыт, писатель может только приблизиться к объективной истине, поскольку и сам он — живой человек, с собственными убеждениями, критериями оценок, которые почти никогда не совпадают с самооценкой того, кого описывает. Порой мы сами создаем портрет знакомого нам человека, идеализируем его, а потом осуждаем, если он не соответствует воображаемому нами образу. От подобной ошибки не застрахованы даже гении, поэтому я заранее приношу извинения всем, кого я здесь затронул: писать иначе я не умею. Такими я вас встретил на определенном временном отрезке, таких видел, с такими дружил и работал. Кроме того, между нами появился и определенный временной промежуток, который внес существенные поправки. Человек со временем может совершенствоваться. Пожалуй, наиболее объективны в отражении человека — фотографии. Но и здесь есть для нас лазейка: всегда ведь можно сказать, что этот человек просто нефотогеничен, поэтому возникло негативное мнение. У писателя нет такой возможности. Он в ответе за все свои неудачи: слово вылетает воробьем, а возвращается быком…

Листая старые блокноты, прослушивая магнитофонные

записи, анализируя пометки на полях, я снова вспоминаю события тех дней… Память разыгрывается настолько, что могу безошибочно сказать, во что люди были одеты, что было у них в руках, вижу не только их лица, улыбки, но и то, что творится вокруг них. Иногда я сам удивляюсь такой трансформации, но могу поклясться, что это не только воображение, обостренная восприимчивость писателя, это еще что–то другое… И хорошо, что сам не понимаю до конца, откуда все это…

Когда был лишен мандата депутат В. Швед, Бразаускас предложил мне баллотироваться в Ново–Вильне. В тот период ДПТЛ переживала чрезвычайно трудные дни. От Бразаускаса отвернулись все товарищи, которым он покровительствовал, которых, как мы шутили, внесли в ЦК на руках. Из–за них партия стала объектом издевательств и деморализованным козлом отпущения. В Сейме оставалось только десять или одиннадцать верных ему депутатов. Мне следовало принять предложение, но я, не задумываясь, с ходу сердито отказался, а вместо себя предложил М. Високавичюса. Во мне шевельнулось чувство небольшой, но справедливой мести. Я был уверен, что мной опять хотят заткнуть образовавшуюся дыру, а помощи не будет никакой. Один раз так уже было, когда Альгирдас уговорил меня баллотироваться в Тракай. Наверное, он слишком уверовал в мои способности и оставил меня на произвол судьбы. Не выдержав, я несколько раз обращался к нему за помощью, а он только отмахивался, как от назойливой мухи.

— Этими делами занимаются Палецкис и Киркилас.

Из–за таких деятелей в нашей среде воцарился дух обычного литовского недомогания. Они и сейчас не понимают, что народ и созданное им государство без своего особого лица миру не интересны и не нужны, что без него невозможно остановить дальнейшее историческое разложение нации и что слабость нашего нравственного отпора наступающему с Запада вульгарному прагматизму может еще сильнее подтолкнуть нас в сторону деградации, так как Америка скармливает нам только свои дурные привычки.

«Саюдис», как пишет Радовичюс, стал заслуженным историческим наказанием для Самостоятельной компартии Литвы, не сумевшей вовремя перестроиться и начать честно служить народу. Под руководством Бразаускаса и его подручных она даже не попыталась сохранить имевшие немалую ценность наработки советского гуманизма, которые создавал весь народ,

сопротивляясь диктату партократии.

Страх перед своим прошлым, желание спасти только собственную шкуру, погоня за материальной выгодой превратили еще дееспособную организацию в какой–то частный рыдван, хотя по ходу событийу нее было три возможности выпрямиться во весь рост. Первая когда начался раскол в общем движении «Саюдис», вторая – когда дело пошло к кровавому конфликту, третья — когда началась подготовка к государственному перевороту. За все это должна ответить группировка руководивших нами капиталистов, члены которой до сих пор так и не стали настоящими социал–демократами и не сумели остаться настоящими трудовиками.

Такая маргинальная политика продолжается и сегодня.

А тогда я ездил к избирателям, не имея возможности представить им ни предвыборных плакатов, ни буклетов, ни простейших приглашений. За все я платил только из своего кармана, включая плату за бензин, машину, гостиницу. Не раз бывало и так, что ходил по залу с шапкой, чтобы расплатиться за подготовку помещения. При таких обстоятельствах я повстречал министра внутренних дел Мисюкониса.

— Я слышал, у тебя ничего нет? — спросил он у меня, еще не поздоровавшись.

— Бразаускас обещал.

— Не отпечатает.

— Откуда тебе известно?

— Оттуда, где никто ничего делать не будет.

— Не может быть.

— Не может быть только потому, что уже так есть. Разве тебя никто не предупреждал?

— Кто–то что–то говорил.

— Слушай меня внимательно. Осмотрись. Сейчас ты им неудобен, из–за тебя они конфликтовать с Ландсбергисом не станут, им своя шкура дороже. Если у тебя что–нибудь есть, давай я напечатаю.

Так мы и сделали. Плакаты я отвез чуть ли не в канун выборов, а приглашения и буклеты раздать не успел.

— При Шепетисе все было бы уже сделано. Какую огромную ошибку совершил Бразаускас, променяв его на безвольного, бесхребетного Палецкиса, — проводил меня Мисюконис с таким напутствием и помахал рукой.

Отчасти он был прав. Помню, однажды старший Палецкис пригласил меня в ресторан «Локис» поужинать вместе с его добрым другом немецким писателем. Председатель Верховного Совета был весел, много разговаривал:

— Что ты в этом ресторане написал, если моя Генуте (жена Палецкиса) схватила, спрятала под подушку и никому не дает? Сама читает.

— Как всегда, «бичую» власти.

— Не скромничай. Она говорит, что если бы здесь была Америка, то конгресс эту твою «Группу товарищей» закупил бы и раздал гражданам даром.

В то время, когда мы обменивались шутками, быстро подошел вернувшийся откуда–то из–за границы Палецкис–младший. Он второпях о чем–то пошептался с отцом и убежал. Видимо, разговор был не из приятных, так как старший Палецкис притих и долго оставался задумчивым. Из обрывков разговора я понял, что сыну нужна была какая–то срочная помощь.

— Что случилось? — спросил немец.

— Ничего.

— А кто это такой?

— Сын, — коротко ответил Палецкис, а мне, как бы между прочим,

с тревогой и болью бросил: — Вильнюс (старший сын) был парень что надо, а с этим я еще наплачусь…

Эти слова всегда сверлят мне мозг, когда у меня бывают какие–нибудь дела с младшим Палецкисом. Особенно в пору «возрождения». Я их гоню в сторону, а не выходят из головы, как что–то такое мешающее, но важное. И тут же память подсказывает призыв А. Терляцкаса:

— Не отбеливай отцовских костей, они сами побелеют!

Поэтому и сегодня я должен признать, что, отказавшись от Шепетиса, Бразаускас потерял не просто смышленого, энергичного и вдумчивого политика, а специалиста, которому было бы очень легко надетьна Ландсбергиса намордник, так как все вояжи этого музыковеда 110 белу свету получали благословение лишь после подписи председателя Выездной комиссии Л. Шепетиса. Скорее всего, и здесь потрудился Эйсмунтас, а Палецкис–младший ждал моих извинений.

С Ленгинасом Шепетисом я познакомился на комсомольской работе. Он был избран комсоргом строительного факультета

Каунасского политехнического института. Уже в то время Ленгинас на голову выделялся из прочих студентов и очень помог мне во время работы с московской комиссией. Это был вдумчивый, умный, начитанный активист с хорошим политическим нюхом. При разговоре с начальством он умел с большим вниманием выслушивать и постепенно то репликой, то вопросом незаметно переводить разговор в желаемое русло.

— Нет, Шепетис — это бархат, — характеризовал его первый секретарь комсомола Й. Петкявичюс.

Когда Москва не утвердила секретарем комитета комсомола Каунасского политехнического института А. Ференсаса, я представил вместо него Л. Шепетиса. В секретариате вызвали сомнение некоторые детали его биографии, но он так артистично, так дипломатично выкрутился, что довольными остались все — и он, и я, и московские молодежные боссы.

Став министром культуры Литвы, он заслужил огромное доверие министра культуры СССР Е. Фурцевой. Когда скульптор Г. Йокубонис закончил памятник Майронису, возник вопрос, как и где его поставить. Вспыхнули сердитые и неблагодарные разговоры, дескать, нам такой памятник не нужен: почему ксендз, почему в сутане?.. Такие разговоры исходили от второго секретаря ЦК КПЛ Попова, а потом от его преемника Харазрва. При таких довольно напряженных обстоятельствах Шепетис нашел талантливое, просто классическое решение. Фурцева купила скульптуру Йокубониса и подарила ее Литве в качестве экспоната Литературного музея. Так заткнули рты всем правоверным злопыхателям.

Начав работать в ЦК КПЛ секретарем по идеологии, он выручил два моих романа от несправедливых нападок Г. Зиманаса, А. Беляускаса и С. Шимкуса. Чтобы похоронить роман, они пустили слух, будто в одном из действующих лиц я изобразил Г. Зиманаса. По моей просьбе Шепетис устроил очную ставку. В его присутствии я подал редактору «Тесы» Зиманасу красный карандаш и сказал:

— Пожалуйста, вычеркните из текста все, что касается вашей личности, я все уберу.

Зиманас взял карандаш, долго крутил его в руках, потом стал загадочно улыбаться и, поняв, что между нами какой–то сговор, осторожно спросил:

— Вы хотите, чтобы я признался?

Роман сдвинулся с места.

И еще одна деталь, характеризующая Шепетиса. Находясь в Варшаве вместе с поэтом Альбинасом Бернотасом, мы случайно познакомились с выходцем из Литвы Альгирдасом Браздженисом, который в то время работал в британском министерстве торговли, часто бывал в Москве. Он владел фирмой, печатающей ценные бумаги, деньги и почтовые марки. Мы очень мило побеседовали.

— Мне хотелось бы побывать в Литве, — неожиданно признался он. — А что вам мешает?

— Видите ли, занимая такую должность, я не могу попроситься сам… Если бы вы меня пригласили, тогда другое дело.

Мы обменялись адресами, стали переписываться. Оказалось, Альгирдас выехал в Англию в 1921 году, чтобы совершенствоваться по специальности военного летчика. Там он познакомился с молоденькой богатой вдовушкой, только что потерявшей мужа в авиакатастрофе…

Я рассказал об этом Шепетису.

— Правда? — усомнился он.

— А почему я должен врать?

— Не верю потому, что наши люди давно уже его обхаживают, но никак не могут приблизиться.

— Тогда приглашаем его сюда и сблизимся.

— Приглашаем, но и я официально не могу этого сделать. Таковы правила… Протокол! Тебе это ничего не стоит.

Когда ко мне приехал Альгирдас со своей романтичной женушкой поэтессой Олив, Ленгинас выделил нам специальную машину, выхлопотал разрешение на поездки по всей Литве и своей заботой подкупил А. Браздженисса, с которым он заключил договор на издание альбома произведений М. — К. Чюрлениса. Через некоторое время появился и этот удивительный альбом, впервые прекрасно изданный за границей.

Поэтому говорить о Шепетисе как о враге нашей культуры могут только те люди, которые в Литве не ценят ничего, кроме своей ничтожной личной деятельности. Конечно, Шепетис наделал немало ошибок, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Поэтому я и сейчас отношусь с уважением к этому вдумчивому, очень ироничному, но странным образом притихшему человеку. С нетерпением жду, когда он заговорит. Ведь не может такого быть, чтобы мудрость замолчала навек,

если к ней придираются глупость и ложь.

Молчание — золото, но найдите молчаливого политика! Даже сам Ландсбергис до сих пор не понимает, что у него лучше гнется, «пальцы или язык». Совесть и разум в его действиях не обязательны. Политологи давно уже заметили, что средства, при помощи которых утверждается истина, для таких политиков гораздо важнее самой истины. Много говорить или писать о самом себе — вот наилучший способ скрыться от какой–либо правды. Для них цель — никчемная вещь, почти ноль, важно само участие в политике. Для посредственности это главная форма самовыражения, основа ее существования и источник доходов.

В тревожный год XX съезда КПЛ[31], когда в Литве занимался политикой каждый второй человек, я познакомился еще с одним возвышенным человеком, но совершенно иного типа — с Гедиминасом Киркиласом. Он только что ПОЯВИЛСЯ на политическом горизонте. Восходящей политической звездой его еще нельзя было назвать, но планеткой, светящейся чужим отраженным светом, он уже был довольно заметной. По словам В. Балтрунаса, это политическая мышь, способная прогрызть себе удобную норку в любой ситуации. Тихая, пронырливая, если надо — незаметная, но улавливающая запах прогрызенного сыра за несколько километров.

Его товарищи дают ему несколько иные оценки. По их словам, он подобен упавшему в воду мотыльку: дергается, барахтается, очень старается, но никак не может взлететь. Крылышки слишком широки, чтобы утонуть, и слишком мокры, чтобы подняться. Своим трепыханием он часто вызывает у товарищей жалость, за которую они впоследствии платят высокую цену…

Я ближе познакомился с Киркиласом, когда мы вместе готовили документы съезда. Он очень быстро рассказал о себе все, много говорил о своей несчастной юности, о вечной бедности и, переводя дыхание, каждый раз напоминал:

— Я маленький человек, люблю работу, поэтому мне незачем оглядываться на других.

— А как ты, такой малюсенький, попал в ЦК?

— Меня заметили.

— Кто?

— Кому я был нужен.

— Очень идейный?

— Сколько, надо.

— Большое трудолюбие, Гедиминас, уменьшает религиозность и, конечно, фанатизм.

— Как вы правильно это заметили!

На эту маленькую блесенку самоуничижения попался и я. Мы подружились, но меня постоянно останавливала его лакейская готовность унижаться, угождать более сильному. Когда Бразаускас был выбран Президентом, партии потребовался новый лидер. Большинство проголосовало за Киркиласа, а я в числе девяти человек голосовал против: еще слишком рано, пусть пообвыкнет.

Когда Бразаускас увидел, что я голосую «против», он неожиданно мне подмигнул и с большим удовольствием пожал мне руку. Я долго не мог понять причины его благодарности, а когда узнал, похвалил себя: «Есть, у тебя нюх, старина».

В самый трудный год, когда наши люди сидели без зарплат, а Бразаускас всеми правдами и неправдами собирал со всех сторон жалкие копейки на существование нашей партии, бывший партийный работник Бузунас пожертвовал лидеру приличную сумму денег на покупку нескольких костюмов. Один из них нечаянно прибрал к рукам Киркилас. А почему бы и ему не пощеголять? Он больше всех трудился, старался, поэтому его усилия должны получить достойную оценку.

Несколько позднее он привел в президиум и бывшего при деньгах А. Климайтиса, которого Бразаускас принял с распростертыми объятиями. Узнав об этом, Ландсбергис буквально взбесился. Получив от Чеснулявичюса, начальника Службы иммунитета Буткявичюса, заказанный материал, он приказал арестовать Климайтиса как агента «Клюгериса». Дескать, еще во время фестиваля молодежи в Москве он был завербован КГБ и уже тогда вредил Литве.

Как обычно, Бразаускас улизнул от малейшей ответственности. Ландсбергис тоже забыл, что во время первого съезда «Саюдиса» он буквально похитил у нас Климайтиса, оставлял ночевать у себя дома и на его деньги разъезжал с Юозайтисом за рубежом. Я опять подумал иначе: человеку, попавшему в беду, обязательно нужно помочь. Так считал и наш «астероид» Киркилас. Он быстро сориентировался и, отправившись к «соломенной вдове» Крюгериса Тересе, попросил денег, чтобы выручить Климайтиса. На это дело ему потребовалось 1000 марок. На перевод разных документов —

еще 300, на их вывоз за границу — еще 600, на радиопередачу в защиту Климайтиса еще столько же, якобы на гонорар журналиста Р. Линкявичюса… Конечно, не забыл он и самого себя. Очень поскромничал, за такие большие хлопоты выпросил еще пятьсот. Словом, за всю эту операцию «Ы» он положил себе в карман 3400 марок и не пошевелил пальцем, чтобы спасти товарища.

В тюрьме Климайтис заболел, и его перевели в больницу. Когда я туда приехал, главврач стал умолять:

— Петкявичюс, не губи. Тебя все знают, моментально на меня донесут. Знаешь, какие нынче времена? Найди какого–нибудь неприметного человека, и я все улажу.

Я попросил Марийонаса Високавичюса, так как он сам по телефону предлагал себя для этой почетной миссии. Среди сваленных баррикадами железных коек Марийонас поговорил с заключенным, а тот очень беспокоился, почему не появляются статьи в его защиту, почему нет обещанной телепередачи, почему не переводят представленные им документы и не отправляют их за границу.

Нужно было очень осторожно, околичностями дать понять этому романтику Комитета освобождения Литвы, что ничего этого не будет. Разум Климайтиса, воспитанного за границей, никак не мог постичь поведения новых друзей.

— А Бразаускас? Он такой великодушный, ему стоит только пальцем шевельнуть…

— Он об этом ничего не желает слышать.

Когда все выяснилось, за Киркиласа взялись два еще более крупных наших «бессребреника» — Ю. Каросас и К. Яскелявичюс. Они с трудом выбили из «мышонка» 1000 марок на «общее дело» и предусмотрительно умолкли. Пользуясь случаем, Каросас вытеснил Киркиласа почти со всех постов и сам начал взбираться наверх, как по пожарной лестнице. Еще позднее, после победы на выборах, Бразаускас одобрил такие действия философа и, собрав старожилов партии, заявил:

- Этот Киркилас так напачкал, что невозможно отделаться.

Казалось бы, карьере Киркиласа пришел логический конец. С таким положением он, вроде бы, смирился, притих, занялся сочинительством, плагиатом, стал совершенствоваться в подхалимской литературе, поэтому у многих не поднималась рука, чтобы окончательно с ним рассчитаться. За чтением сочинений интересных политиков он, наконец, понял, что в

жизни нет ничего вечного, что его недруги тоже однажды допустят ошибку, тогда, если не форсировать события, опять возвратятся его деньки. Терпения, чтобы выжидать в засаде, у него хватило бы и на трех Каросасов.

Когда после победы на выборах мы порядком оттаяли и стали добрее, он опять вылез из своей норы, но в партийные дела почти не вмешивался. Бразаускас в тот период раздавал активистам портфели. На одном из совещаний он предложил Каросасу пост министра иностранных дел. Но философ остался философом, даже имея большое желание, он начал ломаться:

— Я не уверен, справлюсь ли. Для меня это новая область, я философ, надо постараться…

Когда он, «скромничая» подобным образом, почти уселся в министерское кресло, поднялся Повилас Гилис и сказал:

— Я хочу. Я всегда интересовался внешней политикой. Это мое хобби.

— Хорошо, будешь ты, — слегка рассердившись, уступил Бразаускас.

А это хобби Гилиса в его бытность министром, по меткому замечанию латыша Шкеле[32], так и не вышло за пределы дилетантского уровня и лисьей шапки.

Каросас оказался обделенным, больше ему никто ничего не предлагал. Тогда Киркилас появился в Сейме и без вступлений заявил:

— Я буду председателем комитета, а он — заместителем.

Для поддержки своей кандидатуры Киркилас привел партийного завхоза А. Навицкаса. Никаких иных друзей он тогда найти не мог.

— Постой, ведь надо голосовать. А ты согласовал с Бразаускасом? попытался я остановить его, но Киркилас уже все рассчитал до мелочей и нажимал на нас, пока не прошел шок.

— При голосовании проблем не будет, я уже договорился с правыми.

— А мы что — пустое место?

— Вы должны будете меня поддержать. Без меня в комитете не будет большинства.

— Здесь что–то не так, — усомнился А. Бендинскас.

— Вы сначала приведите в порядок свои дела с КГБ, — величественно заявил Навицкас, и заварилась каша.

Общими усилиями мы послали этого комбинатора подальше, а Киркиласу уступили, пожалели, ибо Бразаускас не предложил ему даже место технического работника. Устроившись в Сейме на посту председателя Комитета по национальной безопасности, Киркилас не преминул продемонстрировать свое заячье нутро. Он стал откровенно опекать правых и подписывать все подсовываемые ими бумаги. Словом, строил из себя демократа нового типа, а в действительности таким способом укреплял свои основательно подорванные тылы. Он настолько вжился в новую роль, что на одной пресс–конференции заявил:

— И среди нас есть такие, которые хотели бы кое–кого поставить к стенке, но я этого не допущу.

Эти слова адресовались мне, Ивашкявичюсу, Юшкису и Бендинскасу в качестве смирительной рубашки.

Получив доступ к некоторым государственным секретам, Киркилас неожиданно сблизился с немецким разведчиком Цетлером, даже погостил у него дома, вернулся из Германии на собственной машине весь разнаряженный, вымытый, и думал, что никто этого не заметит. Однако, на его беду, уже работал глава госбезопасности Юргис Юргялис, который все зарегистрировал. Пришли плохие новости и из другого ведомства. Зять Киркиласа Йонас Басалыкас сблизился с организованной преступной группировкой «Вильнюсская бригада» и на деньги сомнительного происхождения приватизировал несколько птицеферм и рыбных хозяйств. На территории одного из этих хозяйств«братки» из бригады даже оборудовали стрельбище. Сам Киркилас способствовал регистрации банка «Экспресс», учрежденного тремя полковниками КГБ, и за большое вознаграждение нашел для него помещение в универмаге «Детский мир». Назревал огромный скандал, поэтому «демократа нового типа» требовалось срочно отодвинуть в сторону.

Были у Киркиласа и другие заслуги перед партией. Однажды Г. Вагнорюс пригласил его в свое правительство на пост министра без портфеля. Президиум ДПТЛ предложил ему отказаться, но он не послушался совета и стремглав побежал давать согласие. Непонятно, по какой причине правые отказались от его услуг, и вернулся Киркилас из гостей как побитый палками. Теперь уже казалось — все, на его деятельности будет поставлен крест, но этот мышонок с крыльями мотылька опять выбрался на поверхность.

К тому времени, когда начался конфликт Бразаускаса с

Шлежявичюсом, Киркилас опеснил Каросаса и долго не мог решить, на чью сторону ему склониться. Подобно рождественскому колокольчику, он дзинькал между ними — дзинькал, дзинькал, не выдержал и спрятался. Поехал в Германию якобы покататься на лыжах. Оттуда каждый день звонил и терпеливо ждал, чем все это закончится. Но дело затянулось. На требования вернуться и поскорее высказать свое мнение, он ответил, что в горах попал в снежный занос. Если бы немецкие сенбернары не нашли его, Литва потеряла бы собственного Остапа Бендера, но мышонок превратился в крота, откопался, возвратился домой, как следует осмотрелся и прислонился к Юршенасу, потому что Шлежявичюса уже свергли, а нашему парламентскому лису такой как рази был нужен для борьбы с партийными старожилами.

Сумев опеснить соперников, Юршенас стал выглядеть вальяжно, его походка стала более широкой, улыбка — узкой, его постоянный юмор стал настолько тонким, что его понимала только элита. Возле него ожил и Киркилас. Он даже стал издавать книги, а на посвящении одной из них написал мне кучу дифирамбов. Во время работы над этой своей книгой я основательно полистал подаренную мне, поэтому могу утверждать, что социал–демократических идей в его размышлениях и днем с огнем не сыщешь. Если и появляется какая–то светлая мысль, то она либо подсмотрена, либо где–то услышана. Вообще, в делах, рассуждениях и поучениях этого уже сформировавшегося политического хорька нет места, на которое можно было бы приклеить хоть какой–то социальный смысл. Но когда он много говорит, то поневоле пробалтывается:

— Партия нужна нам только для выборов. — Понимай, в качестве какого–то презерватива.

— Все партии не выполняют своих предвыборных обещаний, героически принимает он на себя вину лидеров.

— Значение, авторитет лидера гораздо важнее мнения большинства, — ставит он постаменты под будущие памятники.

Эти процитированные «шедевры» политической мысли тоже принадлежат не ему, но он очень своевременно ими сыплет, когда социал–демократы куда–нибудь вляпываются. Не могу забыть одну оригинальную мысль этого прилипалы:

— Юстинас Каросас — слишком интеллигентная свинья, чтобы кормить его помоями.

Все было бы хорошо, и с его афоризмом можно было бы

согласиться, если бы Киркилас хоть раз победил на выборах в честной борьбе в каком–нибудь одномандатном избирательном округе. Но всякий раз его обходила какая–нибудь христианская или консервативная мелкота, типа Тупикаса, а в Социал–демократической партии оба они ни разу не выпадали из первой по списку десятки. Оказывается, причина тому — не личные качества лидеров; все определяет питательная среда, та наполовину смешанная с навозом среда, в которой произрастают и множатся подобные деятели. Поэтому никак не могу понять, при чем здесь гуманистическая идеология…

С Юстинасом Каросасом я познакомился на Форуме будущего Литвы[33] (ФБЛ). Профессор, философ, габилитированный доктор наук. Этититулы как–то сразу возвышают человека в глазах других. Он необычайно вежлив, к собеседникам обращается, прибегая к уменьшительным словечкам, поэтому, когда хочешь ему возразить, стараешься быть на него похожим, готовишься получше и, конечно, слегка подрастаешь. Но вдруг наступает момент, когда начинаешь чувствовать, что все эти старания напрасны, что достаточно нескольких резких слов, чтобы, как выражается Киркилас, прекратить свинское поведение профессора, обнажить его рафинированную лживость.

Когда пограничники стали жаловаться, что Каросас на заставе организовал свой «шелковый путь» И занялся контрабандой, я чуть не выгнал их из кабинета. Быть того не может! Профессор, доктор наук, философ, изучающий разные тонкости человеческих отношений! Как после такого смотреть в глаза своим студентам? Но, анализируя полученные материалы, я поставил рядом его дружков: непонятно каким образом получившего звание капитана соседа, бывшего председателя колхоза Г. Шмулькштиса, родного или двоюродного брата философа Б. Каросаса, бухгалтершу банка, несколько рядовых граждан и обласканного им учителя Ражукаса. Даже при большом желании не обнаружил между ними большой разницы — все одним миром мазаны, чеканят, бедняги, монету на черный день и на белый пирог.

Если схватишь за руку простого человечка, тот опустит глаза и начнет оправдываться: бес попутал. А тут — человек науки, атеист, поэтому и защищаться стал более изобретательно. Капитан Шмулькштис подговорил пятерых солдат разыграть и записать на кассету советскую комедию: парни ругаются, что–то хлебают, говорят о трудной работе — сколько получили,

сколько набрали — и ежеминутно вспоминают, что часть надо отдать Станчикасу, что он приказал, велел, а если не получит, будет хуже. Станисловас Станчикас- не больше и не меньше, чем полковник, и возглавляет всю литовскую пограничную службу.

Каросас отнес кассету министру внутренних дел Вайтекунасу. Министр пригласил меня и выложил на стол ее расшифровку. Когда я прочитал, он спросил мое мнение.

— Филькина грамота, — ответил я. — Прежде всего, когда и на каком посту сделана запись? Потом, полковник Станчикас не такой идиот, чтобы взимать дань с рядовых солдат.

— И я так думаю, — согласился министр. — Что делать с кассетой? — Неудобно сразу тыкать носом профессора. Отдай ему и пусть не смешит народ.

То же я повторил и Юстинасу.

— Я хотел, как лучше, без шума. Там, на границе, творятся нехорошие дела.

— Возможно. А что это за солдаты?

— Мне они известны, но я обещал не говорить. Их могут наказать. — Но из их разговоров ясно, что они тоже берут?

— Может быть, но им приказали.

— Ю*стинушко,* все это блеф. Втихую катить бочку на человека

такого ранга не получится. Станчикас плох тем, что смешал карты твоим дружкам.

— В*итуленько,* как ты смеешь? Я староста фракции. Ты считаешь меня контрабандистом?

— Пока не считаю. Насколько мне известно, ты даешь контрабандистам хорошую крышу и получаешь свою долю. Если угодно, я могу показать записи с точными датами и номерами автомобилей.

На этом спор мог бы и кончиться. Я даже и не думал принимать против товарища какие–то меры. Предупредил — и точка. Но *Юстинушко* принялся катить другую, более тяжелую бочку, уже на меня. Ему активно помогали некоторые члены нашей фракции, особенно Кунчинас и Грицюс. На тех людей я не сержусь. Они больше верили Каросасу, так как о приключениях лидера я ничего не мог им сказать. Служебное положение не позволяло мне швыряться оперативной информацией.

Это явление стало наблюдаться одновременно с приватизацией и распространилось по стране, словно эпидемия.

Одно время оно даже было легализовано — это, примерно, когда Зингерис представил Ландсбергису новоявленного миллионера Г. Деканидзе. По фотоснимкам трудно понять, был ли это какой–то праздник, юбилей или обычная встреча, долженствующая продемонстрировать прогрессивного и популярного вождя. Словом, праздничное настроение, цветы, подарки и подхалимские улыбки… Не виню особенно и Ландсбергиса, поскольку Деканидзе со своими полуеврейскими и полугрузинскими замашками не составляло труда обвести вокруг пальца или привлечь на свою сторону и не таких деятелей. Он никогда не жалел денег на свой имидж, а Ландсбергис очень любил и продолжает любить тех, кто перед ним пресмыкается или боготворит его.

Как бы там ни было, после того свидания в прессе почему–то появилось заявление «вождя нации» о том, что в Литве мафии нет и не может быть. Под его нажимом министр внутренних дел Валюкас подписал приказ, разрешающий бойцам «Араса» и других подобных служб по два дня в неделю прирабатывать в частных структурах, так сказать, охранять Деканидзе и ему подобных деятелей. А те, в свою очередь, щедро расплачиваясь, хорошо научились пользоваться информацией, которой располагали купленные ими охранники. Так родился очень мощный кулак, направленный против всех правоохранительных органов.

Меня и сейчас приводит в содрогание такой эпизод. Однажды в гостинице «Вильнюс», где Деканидзе устроил свой штаб, нас, депутатов Сейма, задержали бойцы «Араса» и заявили, что наши удостоверения здесь не действуют, так как гостиница — в частной собственности, и, согласно Конституции, она неприкосновенна. Некоторые из охранников мне были знакомы, поскольку они охраняли президента. Иначе говоря, внутри государства появилось еще одно священное государство, наподобие Ватикана. Мириться с таким положением нельзя было ни минуты. Мы отменили приказ Валюкаса, но фундамент, заложенный мафией, не исчез. Подобные полицейско–предпринимательские структуры очень скоро появились не только в Вильнюсе, но и в Клайпеде, Шяуляй, Паневежисе, Каунасе и других крупных городах. В ту пору преступные элементы приватизировали львиную долю государственного имущества. Против некоторых комиссаров полиции были возбуждены уголовные дела в Каунасе, Шяуляй, Кельме, но остановить начавшийся процесс было уже невозможно. Все делалось очень естественно: оборотистые бизнесмены

занимались активным поиском наличных денег, а бандиты нуждались в оборотистых дельцах, умеющих отмывать их награбленные деньги.

Я наивно полагал, что нашел эффективный ключ к решению этой проблемы, верил, что, исполняя наши предвыборные обещания, мы быстро наведем порядок. Но я жестоко ошибался. Неприятно признавать, но и в нашей партии деятелей, покрывающих такое негативное явление, было не меньше, чем в других. Схема приватизации была очень простой. Нужно было довести предприятие до банкротства или иным путем сбить его начальную стоимость. С помощью взяток сделать это было совсем нетрудно, требовалось только соответствующее распоряжение правительства. О различных конкурсах договаривались заранее. На первом этапе вожделенный объект надо было включить в перечень приватизируемых. Далее желающие должны были собрать деньги или получить банковский кредит, аккуратно уплатить все полагающиеся налоги и в предусмотренный срок отчитаться за покупаемое предприятие… И дело в шляпе.

Таким образом, не вкладывая ничего, кроме денег налогоплательщиков, объявилось несколько десятков новых миллионеров. Подобным же образом поступил и Б. Лубис, утверждавший, что он поймал попутный ветер. Он взял из Банка «Вакару» четыре миллиона долларов, загнал банк в банкротство, приобрел предприятие «Ахема», из получаемой прибыли вернул государству долги, банку — кредит, неважно, что после его финансового краха… За это управляющего банком Крафтаса судили, а через некоторое время выкупили. Такой изворотливости Лубиса мог бы позавидовать даже величайший маклер мира Сорос, но это проблема последнего, который никогда не был премьер–министром государства.

Однако действия Лубиса, по–моему, принесли Литве скорее пользу, чем ущерб. Он не дал обанкротиться объединению «Азот», создал много рабочих мест, повысил работникам зарплату, выкупил заводской лагерь отдыха в Швентойи, восстановил бесплатную поликлинику, поддерживает культуру, производит удобрения для литовского села и на экспорт. Его капитал работает в Литве и приносит проценты. А если бы все это развалилось? Кого тогда винить? Таким людям я продавал бы действующие предприятия за несколько литов и спас бы от голода тысячи безработных.

Литовская зависть сейчас часто кликушествует в прессе:

Лубис капиталист, олигарх. Ну и что? Пускай себе работает, пускай создает, строит, сейчас иначе нельзя, такая наступила мода, а в могилу он с собой ничего не заберет.

Разве было бы лучше, если бы «Азот» поставили на грань банкротства высокими акцизами, как компанию «Мажейкю нафта»? Какое удивительное чудо политики «чистых рук» Вагнорюса! Предприятие, приносящее четверть миллиарда доходов, через год–другой оказывается на грани банкротства. Этого не замечает ни президент, не Сейм, ни правительство, а только присосавшийся к этой афере А. Абишала.

Предприятие «Лифоса» в Кедайняй тоже было приватизировано за пять с небольшим миллионов, хотя ежегодно давало государству сотни миллионов дохода. По этому вопросу меня и председателя комиссии по расследованию экономических преступлений Юшкиса пригласил президент Бразаускас.

— Кедайняйский комбинат нельзя приватизировать, поскольку это прибыльное предприятие. Его следует исключить из приватизационного перечня.

— Мы постарались и исключили. Наблюдая за нашими усилиями, министр экономики К. Климашаускас улыбался:

— Романтик вы, писатель. — Он уже что–то знал.

— Почему романтик?

— Потому что руководствуетесь идеями и слишком доверяете людям.

— Разве это плохо?

— Не плохо, но бесполезно.

Через неделю или две нас обоих опять пригласил Бразаускас и дал новые указания:

— Надо включить «Лифосу» в приватизационный перечень. — Почему?

— Этого требует от нас Европейский союз.

— Но ведь вы говорили, что предприятие прибыльное?

— Ну и что? — будто ничего не помнит. — Может быть, после приватизации оно даст государству еще больше пользы.

Логика проста: продаешь корову и еще доплачиваешь за то, чтобы ее доили, а потом, не жравши, задумываешься: может, получится в другом месте?

Оказалось, что мы об этом узнали самыми последними. За

нашими спинами уже была образована комиссия. На приватизацию ей было представлено несколько групп, среди которых доминировало недавно учрежденное закрытое акционерное общество (ЗАО) «Минта». Чувствую, что–то здесь не так. Мы с Юшкисом взялись за эту компанию и обнаружили немало нарушений, один из ее членов даже не был гражданином Литвы. Мы остановили приватизацию. «Минта» перерегистрировалась, вместо «негражданина» появилось несколько новых граждан. Мы с Юшкисом попали в немилость, но продолжали свою политику.

Вникнув в документы, я попросил директора Департамента безопасности Ю. Юргялиса разобраться, что за люди претендуют на приватизацию, откуда у них деньги, так как между конкурирующими группами начались странные состязания — поджоги, взрывы, шантаж. у меня на столе оказалось несколько фамилий и характеристики на тех людей.

Директор комбината Петраускас, собрав своих работников и их приватизационные чеки, пытал свое счастье; бывший директор станкостроительного завода им. Дзержинского К. Дзидоликас стоял по другую сторону баррикады; Д. Тварионавичюс, врач, сын известного профессора, возглавлял «Минту». Вмешалась в приватизацию и кедайняйская знаменитость — Виктор Успаских. Юргялис откопал, что за спиной «Минты» стоит молодой предприниматель Сатурнас Дубининкас, на деле являющийся маховиком этой группы. Характеристика на этого человека вызвала у меня сильнейшие сомнения. О нем было написано такое множество всяких сказок, что его смело можно было ставить в один ряд с Аль Капоне, Л. Берией и любым другим Джеком Динамитом.

— Так почему такая бестия пасется на воле?

— Не можем ничего доказать.

— Знаете и не докажете? Юргялис, это тоже преступление. А если «компра» подброшена с конкурирующей стороны?

— Все может быть.

— Разве это ответ?

— Это функции не нашего учреждения.

— Тогда и не суйся.

Дальнейшее расследование показало: директор комбината сам устраивал взрывы у дверей своей квартиры, поджег свой садовый домик, чтобы привлечь внимание общественности; Успаских на деньги «Газпрома» скупил горы приватизационных

чеков; против Данаса Тварионавичюса было возбуждено уголовное дело в связи с аварией, в которой погиб его отец. Согласно одной из версий, за рулем сидел не отец, а сын. Когда машина перевернулась, сын не растерялся и поменялся с отцом местами… Словом, дальше в лес — больше дров.

Один из участников приватизации, К. Дзидоликас, был хорошо мне знаком. Долгое время этот человек возглавлял крупный станкостроительный завод в Каунасе и представлял нашу промышленность в Германии, поэтому наличных денег мог иметь вволю. Я пригласил его на беседу. Как мне показалось, говорил он очень обтекаемо и что–то от меня скрывал.

— Хорошо, тогда познакомь меня с Дубининкасом.

Они вдвоем приехали ко мне в Бирштонас. Чем дольше разговаривал я с этим парнем, тем больше он мне нравился. Особенно по душе была его откровенность, внимательный взгляд, умная, порой невыгодная даже ему самому аргументация, и прекрасная осведомленность о работе Сейма и Президентуры.

— Отлично, тогда скажи мне, откуда у тебя такие деньги?

Сатурнас признался, что он внебрачный сын знаменитого председателя колхоза Костаса Гликаса. Ему отец оставил около 150 тысяч долларов. С них он и начал свой бизнес.

— Хорошо, я твоего отца немножко знал. У него была ценная реликвия — шестиствольное охотничье ружье, которое не то Геринг, не то Риббентроп подарил Сталину…

— Да, оно у меня, — ответил Сатурнас, — могу показать. Отец хотел подарить его Снечкусу, но тот отказался, так как не имел возможности подарить Гликасу что–нибудь равноценное. Ему подарок показался слишком ценным.

Я знал, что Гликас каждый год вместе с бригадой из 30–40 человек косил сено на полигонах Калининградской области и зарабатывал кучу денег. При выводе российской армии он перепродал огромное количество военной техники и заработал еще больше, поэтому мог сыну оставить и не такие деньги. Все впоследствии подтвердилось до мельчайших деталей.

— Ну как вы собирали материал и не узнали таких подробностей? — спросил я Юргялиса.

— Не может быть! — Я чувствовал, что он знает еще что–то, но не выдает себя. Кто–то уже встал между нами.

— Не может, но так есть.

При анализе первичных материалов выяснилось, что, воспитываясь в детском доме, Сатурнас активно занимался спортом с такими людьми, как Дашкявичюс, был он замечен и в окружении Г. Дактараса, М. Велонскиса и «Пшидзе»[34]. Об этом свидетельствовало несколько фотоснимков, застолья в ресторанах и… ничего больше. Но тогда он был юнцом и не мог предвидеть, куда свернет каждый из его дружков, которые, став «авторитетами» каунасского преступного мира, основательно надули Сатурнаса.

Но события развивались своим чередом. Появилась оперативная информация, что Бразаускас за эту приватизацию снял приличный куш. Я не верил ни одному слову, но решил перепроверить. Взятку якобы передал старый приятель Бразаускаса, известный в Каунасе под прозвищем «главный колбасник Эжерелиса» Сигитас Янушаускас, не раз снабжавший приятеля своей продукцией. Будто бы он со своей женой навестил Бразаускаса в Турнишкес, привез объемистый пластмассовый пакет, а ушел без него.

Я решил, насколько возможно, хотя бы приблизиться и к этой информации, поскольку и с Янушаускасом был немножко знаком. Но случилось странное. Возвращаясь из Турнишкес, Сигитас Янушаускас почувствовал себя плохо, потерял сознание, а через несколько дней умер. Ушел главный свидетель. Юргялис ничего об этом не хотел знать, он строил себе дом в Таранде. Некоторое время спустя похожая судьба постигла и жену Сигитаса. По словам кардиолога профессора Д. Василяускаса, оба случая смерти как будто скопированы, настолько идентичны, что даже специалисту трудно поверить. Подобных случаев в его практике не встречалось. По его мнению, здесь не обошлось без внешних причин.

Не хочу никого подозревать, случаются чудеса и почище. Из всех улик осталась только представленная прокуратуре запись разговора Тварионавичюса и Дубининкаса, в котором последний утверждает, что передал своему сообщнику в Вильнюсе 300 тысяч и что эта сумма должна быть списана в его общие расходы.

Я снова поймал Кястаса Дзидоликаса. Он не стал ни подтверждать, ни отрицать этот факт:

— Ты подумай, объявится какой–нибудь концерн ЭБСВl и все развалит, появятся тысячи безработных, а здесь — надежные люди. Нужно было спасать предприятие, пока оно не потерпело

банкротства. Бразаускас поступил очень хорошо, правильно и своевременно…

- …и ты его не трогай, — разозлился я, но что–то во мне надорвалось, появились сомнения, я вспомнил клан А. Навицкаса. Скажи, он взял? Только без дураков!

— А кто сейчас не берет? — изворачивался старый волк. – Разве что дураки вроде тебя.

— Кястас, это слишком серьезно. Об этом нельзя говорить уклончиво.

1 Действовавшая в Литве фиктивная фирма.

— Я и не говорю.

— Если врешь, от меня добра не жди. И твои усы не сметаной вымазаны. Я все равно докопаюсь.

— Ничего ты не найдешь. Мы с Бразаускасом старые друзья. Если бы он что и взял, я все равно ничего бы не сказал. Успокойся, «Лифоса» оказалась в надежных руках. Я этим очень доволен.

Я успокоился. В самом деле, я не имел никакого права копаться в таких делах. Но неожиданно возникла еще одна загвоздка. Главный двигатель той приватизации С. Дубининкас очутился в тюрьме. Кто дал такое указание, точно не знаю по сей день, но предполагаю. Адвокат Дубининкаса Гаудутис изучил причины ареста и все материалы передал председателю Каунасской судебной коллегии по уголовным делам Смольскасу. Тот не обнаружил в действиях арестованного ни состава преступления, ни преступного деяния и отпустил его домой. Все шло в законном порядке.

Но вдруг, ни с того, ни с сего, президент вызывает заместителя генерального прокурора и, дважды ударив кулаком по столу, строго спрашивает:

— Кто выпустил Сатурнаса?

— Надо выяснить, — осторожно отвечает тот. А я смеюсь:

— Вылезло шило из мешка!

Все это невероятно, но факт остается фактом. Президент почему то очень спешит. Он издает неправомочный декрет с требованием уволить председателя суда Смольскаса. Это тоже комедия. Ведь согласно закону, подготовленному самим Бразаускасом, президент сам должен увольнять судью и представлять это Сейму на утверждение. Какой–то невразумительный кордебалет. Меня охватывает беспокойство.

Узнаю, что Смольскас — зять Витаутаса Эйнорюса. Я тестя предупреждаю:

— Витаутас, если Смольскас подаст в отставку, я перестану его уважать. Это юридически несостоятельный декрет заинтересованного человека.

Беседую с министром юстиции Валисом. И тот смеется:

— В это дело я соваться не буду, хотя мне и приказано.

К Смольскасу выезжает председатель Верховного суда П. Курис и уговаривает судью заболеть, уйти в отпуск, после чего обещает ему лучшую работу, а тот отказывается.

— Не смей, — звоню я ему, — если уйдешь, то забудешь вообще, кем ты был.

Но президент лезет из кожи вон и издает еще один декрет — дескать, он будет советоваться по поводу создавшегося положения с опытными юристами. Это не только наивно! Запахло необычайной заинтересованностью этого человека. Все в его руках, поэтому практически ему придется советоваться самому с собой. Я пытаюсь убедить президента, что он не имеет права вмешиваться в конкретное дело. Мы разговариваем как чужие. Он от всего открещивается, смотрит на меня с подозрительностью, но неожиданно спрашивает:

— Так что делать?

— Ничего, от этого надо отказаться. Разве вам не известно, что Сатурнас — сын вашего близкого товарища по *охоте* Гликаса, что он со своими друзьями защищал парламент?

На это он ничего не ответил, но по его глазам я понял, что между ним и Дубининкасом стоит еще какой–то человек, заходивший в кабинет президента. Скандал понемногу улегся. О ничтожных декретах и сейчас никто не хочет вспоминать. «Лифоса» приватизирована, во главе ее оказывается Данас Тварионавичюс, тоже сын близкого приятеля Бразаускаса, оборотистый докторишка. Я опять отлавливаю К. Дзидоликаса:

— Господин Кястутис, что за чертовщину вы там затеяли?

— А думаешь, я знаю? Может, привезли не все, что обещали. Может, что–то утаили или проболтались. Но, скорее всего, сам Тварионавичюс подобрался через Берёзоваса, не желая возвращать Сатурнасу кредит в два миллиона. Это его почерк. — Он стал более откровенным, так как сам был ему должен. — Не умеют люди трудиться ни на благо народа, ни на собственное благо.

Повторяю еще раз: я не хочу делать никаких резких движений, хотя выводы сами лезут в глаза, как мошки. Я прикидываюсь дурачком и спрашиваю известных теперь юристов: почему только в том единственном случае в поисках стрелочника президент издал даже два компрометирующих его декрета? Будто облигации какого–то активного участника. Они не аннулированы, поэтому еще долго будут колоть глаза не в пользу первого человека республики. Кто *это* может отрицать?.. Поэтому не отрицаю и я, все остается во власти старательно создававшейся, любовно выпестованной всемогущей «ре*пуссации*». Кто не верит, тот не ходит без штанов. Строй из себя великого, благородного, прекрасного, тогда и понимания добьешься, и наворуешься досыта.

Странной была моя работа в Сейме. Для ее характеристики хватает нескольких слов: белая ворона, ни правым товарищ, ни своим друг. Совсем как в «Саюдисе», не пришелся впору, хоть плачь. Здесь следовало дать волю всем свои порокам, только тихо, вежливо, с улыбочками и рукопожатиями подходить даже к самому ненавистному человеку, а за его спиной действовать свободно, без стеснения, как в монгольской степи, — но я все делал открыто, глядя в глаза и порядочному человеку, и негодяю. Мне стыдно лицемерить. Двуличие, как учит древняя литература, — главное оружие и преимущество дипломата, — а у меня от него сводит челюсти. Поэтому, чем дальше, тем яснее я сознаю, что честность здесь совсем не Нужна. К счастью, рядом со мной ТРУДИЛИСЬ такие светлые и разумные личности, как Ю. Пожела, Й. Кубилюс, В. Лютикас, А. Будвитис, А. Байорас и другие, мало известные читателям депутаты, с которыми я чувствовал себя более сильным духовно, морально выросшим, хотя иногда одолевало сумасшедшее желание выйти на трибуну и во весь голос крикнуть: «Горе тебе, Иерусалим, и детям твоим!»

Я сблизился с Казисом Бобялисом, образованным и обладающим огромным политическим опытом деятелем эмиграции, но все его дела, если не считать разумных выступлений и поучений, тоже только в редких случаях продвигались вперед. Он очень старался приспособиться к нам, но пропитывающий его до мозга костей американизм делал этого человека чуть–чуть смешным. Я пытался создать группу для выработки программы, чтобы каким–то образом ориентировать членов Сейма на избирателей, но по тем же причинам все быстро рухнуло. При любой попытке помочь избирателям на меня и моих сторонников смотрели как на

желающих подняться повыше во власти. Поскольку большинство само к этому стремилось, то к нам относились как к соперникам, способным подставить подножку. Такой стереотип мышления, или, напротив, недоумия, царил и слева, и справа, и в центре — кто кого! А на войне, как известно, все средства хороши.

Скажу откровенно: кое–кто пытался меня приручить подачками, пытался вовлечь в деятельность в групповых интересах, соблазнять высокими должностями, но все это ко мне не приставало, я не мог отказываться от своих принципов и присяги, принесенной народу. Чем дальше, тем чаще я задумывался, как с честью выйти из этой игры. Как известно, надежда дуракам заменяет разум, а вера в то, что со временем все изменится, — чепуха не меньшая, чем вера в лотереи. Пожертвует один грош — и ждет, ждет, как будто уже что–то сделал, а результат всегда одинаков: круглый пшик.

Однажды после доброжелательной критики Бразаускас меня упрекнул:

— Ведь ты был нашим товарищем?

— А кто, если не товарищи, скажут тебе правду?

Я не оправдывался, так как был прав, но ответа он не понял. Мы разошлись, жалея друг друга. Оказывается, слушать его — и есть настоящее товарищество, а ему выслушивать других не обязательно. Этовеличайшая ошибка любого возвысившегося «нового демократа», атавизм, не дающий ему понять, что не он выбирал нас в свои слуги, а мы избрали его своим руководителем. Из–за такого отсутствия взаимопонимания и происходят все беды нынешней демократии.

Близились выборы, а в нашей фракции только тол кались, как на блошином рынке, следили друг за другом, делили власть, которой практически не было, пока, наконец, фракция не стала рассыпаться и разбегаться по сторонам. На выборы нужны были средства, поэтому наши лидеры придумали соломоново решение, чтобы их собрать. Поскольку Киркилас был слишком охоч до чужих денег, заняться финансами было поручено Ю. Каросасу, еще большему «копейколюбу», а Киркилас должен был честно руководить всей пропагандой и агитацией за «спасибо». Умнее не придумал бы и сам Франк Крук[36]. Это была мудрость близящихся похорон.

После двух или трех бесед 300 тысяч литов с большой неохотой пожертвовал Б. Лубис, а меморандум о совместных

действиях он подписал с Г. Вагнорюсом. Это было серьезное предупреждение нашим козлодоям, но они прикинулись дурачками, ибо ничего другого не умели.

— Почему вы так? — спросил я щедрого предпринимателя.

— Так у вас нет никакого порядка. Принимайте как мое расположение к прежним товарищам.

А новые товарищи решили, что это расположение относится только к ним лично. Деньги где–то застряли. Оказалось, что они в течениемесяца крутились в банке «Гермис». Кому–то понадобились проценты. После шума и скандалов они наконец нашлись, но драгоценноевремя было уже упущено.

180 тысяч литов Каросас перевел владельцу терпящей банкротство газеты «Дена» (бывший орган компартии «Теса», сменивший название после приватизации), своему близкому приятелю Р. Тарайле, якобы за то, что он будет печатать наши предвыборные материалы. Этот вороватый мужик перевел деньги на имя не то дочери, не то любовницы, окончательно угробил газету, а мы остались ни с чем. Деловое партнерство Тарайлы и Каросаса и сегодня заслуживает внимания прокуратуры. Стоило бы выяснить, за какую сумму Каросас и Киркилас уступили этому выкрутившемуся после аферы в «Республике» бизнесмену 34 процента акций и куда они дели деньги, причинив партии невосполнимый ущерб. Уничтожить популярную газету, расходившуюся стотысячными тиражами, могли только люди с черной совестью, которым деньги заменяют все.

На оставшиеся 120 тысяч, если вообще столько оставалось, наши вождишки смогли только напечатать для себя агитационные календарики и буклеты, а остальная гвардия была брошена на произвол судьбы, их просто голенькими бросили в предвыборную крапиву. Более того, сговорились ввести налог, чтобы каждый, кто желает идти в кандидаты, уплатил в общую кассу не менее тысячи литов, так сказать, контрибуцию на покрытие растранжиренных ими средств. О пожертвовании Лубиса всем, посвященным в дело, было приказаномолчать, чтобы, не дай Бог, об этой благотворительности ничего неузнали правые.

Между тем, сам Б. Лубис, подписавший с Вагнорюсом меморандум о сотрудничестве, ничего не скрывал и признался, что на поддержку консерваторов он дал в пять раз большую сумму. Словом, наши великие стратеги со своим мошенничеством и враньем до того доквакались, что уже сами

не соображали, что они делают и что говорят. Фактически они отвергли все объединяющие нас идеи, не соблюдали никаких принципов организации совместной работы, забыли о какой бы то ни было личной ответственности перед товарищами, променяли ее на какую–то неясную каросасовскую коммерцию, а потом подсунули такую же непонятную программу партии, переписаннуюс прошлых выборов. Ничего лучшего они не могли придумать, поскольку все их мысли были заняты единственной заботой — как–нибудь выкрутиться от заслуженного осуждения и каким–нибудь способом оставаться в единственных праведниках в глазах ничего не ведающихи продолжающих им верить рядовых членов партии. Почти по такому же коммерческому принципу сочиняли наши ликвидаторы и избирательный партийный список.

Ни на что хорошее не надеясь, я предложил простой ход: записать в первую десятку уважаемых в народе членов партии, известных своей творческой деятельностью, так сказать, привлечь избирателей их авторитетом или напомнить им о своем существовании. По этому плану, при успешном исходе выборов, некоторые наиболее уставшие или разочарованные могли бы с честью отойти, уступив место молодым. Каросас с этим согласился, но, с учетом опыта правых, сформировал группу экспертов и коварно затаил другие планы. Члены партии встревожились. Тогда он предложил назначить председателем группы безупречного А. Будвитиса. Недовольные успокоились и сталиждать справедливых решений.

Будущий список тоже скрывали от членов фракции. В конце концов, через силу его вытребовали. Всех партийцев со стажем, авторитетных людей, загнали в конец списка, в лучшем случае — в середину, а впереди оказались никому не известные представители клана Каросаса и, конечно, незаменимый и много знающий Киркилас. В первую десятку включили даже Артура Плокшто, который в нашей партии не состоял. Члены партии опять возмутились, а Каросас, призвав на помощь весь свой ораторский талант, принялся доказывать, что Плокшто очень нужен партии в качестве магнита, который притянет к нам избирателей–поляков. Практически и здесь мы ничего не выиграли, полякиза нас не голосовали, поскольку, оказывается, еще до выборов Плокштобыл исключен из польской фракции. В действительности этот человек был всего лишь нелегальным партнером Каросаса по бизнесу в приграничной зоне Лаздияй с польской стороны.

Список опять надолго исчез. Цель составителей была более чем понятной: при опоздании или большой спешке внимание людей притупляется, они становятся более сговорчивыми и менее наблюдательными. Совет партии список исправил, но уже не так кардинально. Эксперты опять перевернули его вверх ногами. Это перетягивание не прекратилось и на съезде. Когда выявились все допущенные ошибки, Каросас без зазрения совести объявил, что во всем виноват Антанас Будвитис.

— Побойтесь Бога, — со слезами на глазах оправдывался Антанас, — никто меня не слушал и никто со мной не советовался. Все закончилось первым вариантом списка.

Но разгоряченные люди ему уже не верили.

— Мягкотелый, — бросил ему Садаускас.

— Видишь ли, Антанас, горячую тюрю надо перемешивать неголой рукой, а мешалкой, — сглаживал обиду товарища ироничный иочень мирный Пожела.

Юршенас молчал, прижав уши, облизывался и выжидал, когда Каросас завязнет поглубже. Ему что? В списке он первый. Между тем по избирательным округам стали разъезжать эмиссары из клана Каросаса, но тоже втихую, ни с кем не советуясь. В Пакруойисе я неожиданно увидел приехавшую туда Бурбене. Она немножко растерялась и ничего объяснить не могла.

— Так постановил президиум.

— Ну, а меня вы могли предупредить, ведь я пока еще депутат?

— Но вы себя из списка исключили.

— Да, из списка я себя исключил, там засилье вашего клана, но в одномандатном округе остаюсь, — дразнил я ее, а жителям Пакруойиса разъяснил сложившуюся ситуацию. Мои избиратели возмущались, собирались протестовать, а один из благороднейших людей в округе, В. Штуйкис, при грозил, что перейдет в Социалистическую партию.

- И я уйду, — при грозила и моя помощница, председатель районного совета партии Александра.

- Почему вы все делаете за нашими спинами?

Бурбене — хитрюга, она мигом сообразила, что в Пакруойисе ей делать нечего. На ее место, словно какого–то десантника, сбросили шяуляйца Шяджюса, который, конечно же, продул выборы каким–то непонятным христианским демократам. И это в «красном» районе!.. В районе, в котором мы с Александрой

создали самую мощную в республике организацию ДПТЛ! Анекдот…

Сам Каросас поехал в Мариямполе и даже не сообщил об этом местному депутату А. Байорасу. Он прятался до самого начала собрания и даже не предложил ему поучаствовать вместе. Философ самсебя выдвинул, хвалился, что он родом из сувалкийского местечка Сангруда, что ему море по колено, что у него больше опыта, чем у Байораса, что он очень много знает, но еще больше позабыл… Ясно, чтои он продул в довольно благосклонном к нам приходе, который мывместе с Байорасом начали формировать четыре года назад. Избиратели стали более грамотными: если без нашего мнения, то и безнаших голосов. Как аукнулось, так и откликнулось.

Выехав по другим делам в Людвинавас, я навестил своих давних знакомых.

— Почему вы нашего прокатили? — спросил я провинившихся товарищей.

Сельчане улыбались, смотрели на меня изучающим взглядом, что то поняли и, наконец, ответили:

— Он такой же ваш, как и наш.

— Неужто предчувствовал и? — включился в игру и я.

— Писатель, все наше предчувствие у вас на языке.

Лучше не скажешь, но я продолжал:

— Ну, а Байорас, он–то чем провинился перед вами?

— Да не перед нами, а перед вами.

— Да ведь и я среди них — белая ворона.

— Так чего не перекрасишься? — поддразнивали они меня, как сводники.

— Я не умею. Давайте лучше выпьем.

— Выпьем!

И после третьей или четвертой один мне на ушко, как большую тайну, сказал:

— Если он сувалкиец, да еще из Сангруды, такого стоит поостеречься.

Мы не поостереглись, поэтому перед самыми выборами узнали, что Каросас договорился с правыми не выдвигать против их лидеров наших самых сильных кандидатов, а консерваторы за это тоже не останутся в долгу и расплатятся тем же с нашими царьками. Но Ландсбергис остался

Ландсбергисом и выполнять свои обещания не собирался. Сейчас даже смешно вспоминать, как, узнав о таком абсурде, А. Альбертинас в знак протеста сам себя выдвинул в Гарляве против идола консерваторов, будто принес себя в искупительную жертву, и пострадал. А почему Каросас или Юршенас не осмелились честно скрестить шпаги с равным себе соперником? Храбрости не хватило?

Нахальства? Политической воли? Нет, дорогие, все решилось торгашеским сговором между обеими сторонами, что доказали республике такие самоотверженные люди, как Альбертинас.

Это — неслыханное предательство собственных идей и товарищей. Его не останавливал и Бразаускас. Он все еще корчил из себя разгневанного беспартийного. Он был очень не доволен тем, чтов такой ситуации второй срок президентства ему не светит, но вместе с тем вдолбил себе в голову, что без него ДПТЛ ни на что не способна: не хотели быть моими подручными, вот и расхлебывайте эту самостоятельность сами. Думаю, не последнюю роль в такой политикесыграло желание наших верхов избавиться от членов партии, которые мыслят самостоятельно и критикуют лидеров. Верхи хотели остаться в будущем безраздельными хозяевами.

Испугавшись такого безобразия, ко мне приехал В. Великонис.

— Витаутас, помоги! У меня нет никаких плакатов, никаких средств, а Виджюнас буквально сорит своими прокламациями.

— Не понимаю, чего ты лезешь в Шакяй, когда у тебя есть Кедайняй?

— Так никто меня там не выдвигал.

— Так чего молчишь, не сопротивляешься?

— А сам чего сбежал, почему нас бросил?

— С политикой я покончил на все времена, но не понимаю, почему ты меня ругаешь, а сам просишь помощи?

— Когда говоришь правду, гораздо легче просить, хотя гораздо труднее получить что–либо.

Этой фразой он меня обезоружил. Договорившись с каунасским предпринимателем родом из Шакяй Дубининкасом, я напечатал Великонису все предвыборные материалы, но мы порядком запоздали. Все тонуло в омуте Каросаса — Киркиласа. Избирательная кампания ДПТЛ показала, что это было заранее заказанное ее руководством поражение. В Сейм попали только одиннадцать членов нашей партии: девять — по партийному

списку и два — по одномандатным округам. Даже сам Юршенас в Швенченисе был разбит, как швед под Полтавой, но он и не очень старался, ведь в партийном списке он был первым. Застраховался человек еще на несколько выборов, а платила за страховку вся партия.

После выборов у «сеймовского лиса» на руках были все козыри, и он без труда оттеснил в сторону Каросаса. Ущерба от такого маневра Юршенаса никто еще не подсчитывал. Виноватыми остались только не раз ломавшиеся очки, сквозь которые он не видел того, чего не хотел видеть. Вернувшиеся к власти ландсбергисты всю свою радость и желчь излили на рядовых членов ДПТЛ. ИХ вышибали со всех постов, и некому было за них заступиться. Наши царьки втихомолку зализывали свои синяки и шишки. По словам Кунявичене, у консерваторов на такую месть было полное право, так как они вернулись, чтобы править Литвой не менее ста лет.

Иного нечего было и ожидать. Всех тех, кто коллаборационировал с Ландсбергисом, рано или поздно вытаскивали, как муху из борща, досуха обсасывали и выбрасывали вон. *«Папуля»* не раз обходился таким образом с социал–демократами, центристами и всевозможными христианами. Больше всех от него получал Бразаускас, но ничему не научился. Я не понимаю, что влечет его к этому «горбатенькому музыканту»? Страх? Комплекс неполноценности? Такая же мания величия? А может быть, ставшая второй натурой привычка чиновника сидеть на вершине высокооплачиваемых любителей родины?

Ведь прошлое Ландсбергиса, если его сравнивать с прошлым Бразаускаса, гораздо более темное и грязное в любых светских и национальных аспектах. Кому кого следовало бы опасаться? Не будет лиэтому виной упомянутый в «Черном сценарии» принцип качелей, в том смысле, что и враг может быть полезен? Сегодня один, завтра другой, так что и виноватых не будет. Это самый верный способ разорить Литву и заставить людей думать, что при русских было лучше…

Уже тринадцать лет мы бесплодно раскачиваемся на этих качелях. То «мессия» наверху, то Альгирдас внизу, то богоизбранный разрушитель летит вниз, то «тайный католик большевистского периода»взмывает вверх, то освободитель Литвы, то избавитель, то первый миллионер–музыкант, то такой же миллионер–охотник…

Они оба стали равными, оба получили по одинаковому

ордену, но все еще раскачиваются. Так кто кого будет наказывать?. Ведь оба без всякой там конопли задурили, затуманили мозги соотечественников и издеваются, как тот же Робеспьер: чего вы возмущаетесь, чего вы плачете и просите хлеба? Ведь мы оба даровали вам свободу!.. Побойтесь Бога!

Кто же должен бояться: те, кто ничего не делал, потому что ничего не умел, или те, которые трудились на благо народа и совершали ошибки? Кто вел себя правильнее: те, кто издал целую библиотеку литуанистики или те, кто сбежал и позабыл литовский язык? У кого больше заслуг перед литовским народом: у тех, кто строил заводы, поднимал страну из послевоенных руин и создавал современное сельское хозяйство, или у тех, кто занимался саботажем, мешал расцвету отечества, воровал и за это сидел, а нынче строит из себя великомученика? Откуда эта проклятая мода чернить прошлое народа и прививать литовцам комплекс неполноценности? У всякого явления есть свои корни. Из ничего ничто не рождается. А как поднять в народе авторитет бывшего стукача, извлеченного из безвестности царька? Надо каждый день и на каждом углу кричать: «Ландсбергис — Литва!» Это ложь, неправда, но если ее часто повторять, то она становится фактом. После этого уже нетрудно запугать и сомневающихся, а страх это первое, что принуждает человека поклоняться идолам.

Бразаускас — тоже идол, только лучше раскрашенный.

Не спеша, понемногу литовцам начинают вколачивать в головы, что им удобнее быть в своей стране второсортными людьми. Ведь надо же как–то оправдать причину, по которой едва выбравшихся из мешка соотечественников загоняешь в еще более страшную пещеру! Почему со времен Кревской и Люблинской уний[37] мы, повергнутые в нищету и нестроения, с плачем просим чужого приюта. Потому, что в Литве при всех жизненных перипетиях с церковного благословения вперед вылезает посредственность. Почти все ее святые — это юродивые, болезненные фанатики или люди с неустойчивой психикой, поскольку с людьми мыслящими церковь за две тысячи лет так и не научилась договариваться. Она этому еще только учится, поэтому дергаетза веревку качелей, как за церковный колокол.

В эти качели Бразаускас уселся по собственному желанию, никто его не уговаривал и не вынуждал. Это случилось после первых выборов в Верховный Совет. У меня на квартире собралось руководство Самостоятельной КПЛ. Кроме него,

присутствовали Ю. Марцинкявичюс и Ю. Пожела. Мы долго совещались, пока не приняли решение: если Бразаускаса не выберут председателем Президиума Верховного Совета, партия провозгласит себя оппозиционной и дальше будет самостоятельно добиваться своих основных целей. Она любой ценойбудет стараться сохранить единство народа и не позволит разваливать экономику. Лидером оппозиции в таком случае будет объявлен Бразаускас. Мы пожали друг другу руки, Альгирдас взволнованно обнял меня, расцело~ал и поблагодарил за такое доверие.

— Чем больше он волнуется, тем скорее обманет, — сказал после его ухода Пожела. И попал в самую точку.

Состоялась первая сессия Верховного Совета. Еще не начинались никакие выборы, не рассматривались никакие кандидатуры, когда на трибуну поднялся единственный «демократ» Литвы и властно заявил: — Поскольку на выборах победил «Саюдис», я буду председателем. Под управлением Чепайтиса депутаты так и проголосовали, а представители Самостоятельной КПЛ даже не пикнули, они молчали иоглядывались на своего прослезившегося лидера. Люди, которыепервыми осмелились отделиться от Москвы и расчистили своре Ландсбергиса дорогу к власти, молчали и все еще оглядывались на своего растерявшегося лидера. Довольный такой молчаливой поддержкой, Ландсбергис предложил Бразаускасу пост своего заместителя, но тот отказался.

— Вот молодец! — обрадовались мы и были готовы носить его на руках.

Но при формировании правительства наш герой неожиданно предложил сам себя в заместители премьер–министра. Мы его не поняли. Он просто нас обманул.

— А что мне было делать? — оправдывался он. — И мне нужно на что–то жить…

— Если думаешь только о себе, так зачем лезешь в лидеры?

— Надо не идти в коллаборационисты, а создавать оппозицию.

Но на такой шаг у Бразаускаса не было ни смелости, ни желания. Поступок Бразаускаса парализовал всю партию. Его заигрывание с Ландсбергисом обернулось всеобщей бедой. Порядочные и ожидавшие каких–то действий люди стали в массовом порядке покидать нашу партию, а руководящая часть бросилась вслед за лидером в лагерь ландсбергистов. То, что

они ушли, — еще полбеды, но то, что эти хамелеоны, обиженные природой и обделенные талантами, моментально вытеснили из государственного аппарата умелых руководителей и специалистов, — это было началом катастрофы. Бразаускас не защищал их, если не считать нескольких очень близких к нему дружков, поэтому и заслужил прозвище «Старая дева».

— Идейных коммунистов в партии было разве что три процента, искренне, конечно, имея в виду себя, заявил он и выписал всем подленьким людишкам отпущение: были подленькими, не стыдитесь иоставаться такими. — А все прочие были только членами партии.

Такими же, как и он сам: без идей и обязательств перед другими, спаситель по финансовому призванию.

Если бы это не произошло, если бы оппозиция внимательно следила за действиями ландсбергистов, не начался бы такой страшныйразвал экономики. Люди были бы своевременно сориентированы, онизнали бы, что делать, была бы выше поднята планка ответственностиза любые действия правительства, не начались бы хаос и анархия. Приватизация начиналась бы, как в Словении или Чехии, с создания законодательной базы, и только после этого государственную собственность предложили бы поделить «группе товарищей».

Но когда подошло время, господин Ландсбергис разогнал всех героев «блокады»[38] вместе с их председателем и объявил их врагами нации. Бразаускас получил по заслугам и, поджав хвост, опятьвцепился в партийную работу, хотя фракцию уже покинули восемьчеловек из десяти. Благодаря партии он снова поднялся, но на время, только для того, чтобы в очередной раз ее предать, оказавшисьна посту президента. Ему понравилось так раскачиваться, поэтомуон и утверждает, что когда нужен тревожный набат, не обязательнобыть звонарем, а для спасения Литвы нужно по меньшей мере статьпремьером… и с очень широкими карманами, в которые можно складывать нечаянно перепавшую, модную нынче, всякого рода благотворительность.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Корабль, каким бы он ни был — большим или маленьким, где бы он ни был — в открытом море или в гавани, все равно является государством. Тонут корабли — вместе с ними тонут и капитаны, и матросы, здесь под кустом не спрячешься и не поможешь себе прекрасными речами. Если будешь честно служить общему благу, он еще более честно послужит и тебе.

Мичман Миколае Бразае.

Старые истины любят, когда их повторяют, поэтому иногда не будет лишним еще раз вспомнить: история реанимацией не занимаетсяи ничего не делает дважды. Это известно любому гимназисту. Поиски исторических параллелей ведут к трагикомическим результатам. Но как часто забывает об этом едва выросший из детских штанишек провинциальный политик! Ему кажется, что все начинается только с его первого проявления в политике, а после него ничего хорошего уже не произойдет. Это свойственно мелкому, заурядному человеку. Чем меньше его значение, тем более значительными кажутся ему его собственные обязанности, тем более важной — его историческая миссия. Серость не в состоянии понять, что в истории повторяются только ошибки, а учиться на них ему не позволяет его приходское величие. Такой шляхетско–беспорточный образ мышления очень характерен для литовцев, поэтому философ и вынужден был сделап, вывод, что наш народ никогда не был таким, каким он мог бы быть.

Обидно, но приходится честно признать, что каждому нашему шагу к свободе сопутствовала не общая идея, не общая цель, единство и сплоченность, а какая–нибудь буза, заваренная вождем местечкового масштаба. Без образа врага мы жить уже не можем. Мы должны когото бояться. В ходе истории нас объединял страх то перед викингами, топеред крестоносцами, то перед татарами, поляками или русскими. Страх стал уже психическим заболеванием многих политиков. И вдруг чужой армии больше нет. Теперь нас оставили наедине с собой, а смута не исчезает. Сейчас консерваторов объединяет страх передсоциал–демократами, а этих — перед консерваторами. До

чего убогая, постоянно повторяющаяся историческая истина!

Сегодня мы боимся друг друга больше, чем в советский периоД, хотя прекрасно знаем, что в таких войнах смутного времени мы никогда ничего хорошего не выигрывали. Избивая друг друга, мы призывали себе на помощь соседей, а те, вызволив литовца от литовца, всегда забывали вовремя уйти. Вспомним последние выборы президента. Едва только Паксас вырвался вперед, как Ландсбергис призвал все партии создать антифашистскую коалицию имени Адамкуса. Против кого? Против своего, против человека, которого он сампризвал спасать Литву от произвола Вагнорюса и который вдруг… отказался подписать кабальный договор с компанией «Вильямс». Спасители отечества социал–демократы тут же объединяются с торговцами родиной — консерваторами. Опять–таки — против чего? Против молодости, неподкупности обещанных кандидатом перемен. Против него выдвигают своего кандидата — не чурающегося демагогии Витяниса Андрюкайтиса, но Бразаускас шепотом дает команду за него не голосовать и поддержать удобного ему, не разбирающегося в литовских делах американца. Ну чем не конфедераты? Но когда всеих замыслы рушатся, снова оказывается, что виноват народ. Его надо загнать в НАТО, его надо перевоспитать в Европейском союзе, обезличить и подчинить любым авантюрам «мудрых» политиков.

Вот почему наша борьба за свободу становится только малозначимой историей смуты литовского народа. Мы были великими, но нам понадобились поляки, которые очень быстро нас уменьшили так, чтобы и памяти не осталось от возведения на трон короля Литвы. Мыбыли бы еще более великими, но пришли в себя некогда разбитыенами крестоносцы. Когда Речь Посполита переродилась в паразитирующее государство, когда литовская знать, элита утратила национальные черты и достигла высшей стадии самоуничтожения, когда развалились все крепости и каждый второй воин стал сифилитиком, понадобились русские, чтобы мы окончательно лишились национального лица и не исчезли с лица земли… Правда, в наших несчастьях были виноваты еще и шведы, которые много обещали, но ничего не дали. Еще виноваты латыши, пруссы и, разумеется, евреи, только немы сами…

Кто же сеет эту конфедератскую смуту сегодня? Ландсбергис подает в суд на Йонаса Урку за оскорбление его «чести и достоинства». Человек, которому от природы чужды понятия

чести и достоинства, ведет тяжбу с оскорбителем, который тоже по своей природе является комбинатором и иной жизни для себя не представляет… Комедия! Самозваному графу следовало бы знать, что истинному дворянину не пристало вызывать на дуэль первого попавшегося жулика, но куда там, — нужно разжалобить и подурачить избирателей… А почему Ландсбергис не подает в суд на дворянина Бразаускаса, который своим президентским декретом непонятно откуда вытащил этого жулика и посадил в совет Банка Литвы? Потому, что *«папуля»* сам настряпал для Литвы подобных деятелей воз и малую тележку. Почему его достоинства не задевает тот факт, что у государства, которым *«папуля»*

руководил, Урка украл одиннадцать миллионов? Потому что он сам тоже не иным путем попал в миллионеры.

Виноват народ, который не прихлопнул вовремя ни того, ни другого. О каком достоинстве могут говорить люди, страдающие манией величия, приведшие свой народ на первое место в мире по числу самоубийств? Кто возместит материальный ущерб, причиненный вдовам и сиротам? В суд какого государства должны они обращаться за защитой? И вообще, зачем они нужны, эти суды, если руководители управляют нашей страной в обход законов?

Когда А. Шлежявичюс отказался работать вместе с проворовавшимся министром обороны, лидером молодых лейбористов Линасом Линкявичюсом, и потребовал его отставки, юный практик комсомольских переворотов плюнул на все идеи и открыто побежал к Ландсбергисуза сочувствием. Политик, обладающий хотя бы толикой чести и достоинства, сказал бы: возвращайся, парень к своим, возмести ущерб, а тогдамы посмотрим… Но нет, идеолог «чистых рук» принял перебежчика с распростертыми объятиями только для того, чтобы как можно больше подгадить своим соперникам, хотя Линкявичюс обокрал не ДПТЛ, а литовских налогоплательщиков. Он продал десятки тонн стального проката, используемого для укрепления взлетных полос запасных аэродромов. Вывез эти листы в Ригу, а денег не оприходовал, присвоил в качестве личной добычи за вывод российской армии… Подобным же образом он продал на металлолом одиннадцать военных поездов и раздел армию. Один такой поезд с автономной электростанцией, пекарней, госпиталем, операционной, механическими мастерскими во время любого бедствия мог обслужить десятки тысяч человек.

Для жителей какой–нибудь пострадавшей от наводнения Шилуте такие поезда были бы просто спасением, но вместо них на балансе министерства появился десяток домиков неясного назначения, стоимость которых в несколько десятков раз меньше дизельного двигателя подводной лодки, установленного только на одном поезде.

— Линас, зачем тебе нужно это барахло?

— Но должны же офицеры где–то отдыхать? — Вот государственное мышление государственного недоросля.

— Хорошо, десять домиков, а почему актов только девять?

— Один, кажется, двойной. Я проверю. — Он еще будет проверять, хотя и так ясно, что стоимость одного поезда превышает 400 тысяч литов, что посол В. Буловас на переговорах с Россией должен заних отчитаться, а тот деятель, получивший комиссионные, не может отыскать этих поездов на запасных путях Павильниса или Радвилишкиса или где–либо еще.

Такие дела государственных мужей стали традицией, нормой поведения, в таком духе были воспитаны весьма способные молодые члены правительства, хищники, достойные уровня Линкявичюса, Кактиса и Скрябиса. Кто на кого должен сегодня подавать в суд? Когда активисты ДПТЛ потребовали изгнать Линкявичюса из партии и лишить его министерского портфеля, другое аналогичное воплощение чести и достоинства — А. Бразаускас — ответил:

— Кого угодно, только не Линкявичюса! — От такой, уже более чем отеческой любви к этому толстяку мы не на шутку встревожились. А когда лидеру высказали претензию по поводу партийности этого насвинячившего фаворита, он и здесь нашелся, как ответить:

— Я не вижу существенной разницы между ДПТЛ и консерваторами.

В этом он прав. Он разницы не видит, поскольку в Литве правит одна партия жуликов, имеющая множество названий. Лока такая, извиняюсь за выражение, «элита» будет править страной, пока, эти отдельные команды будут играть в политический бейсбол с целью эксплуатации народа, существенных перемен в Литве не произойдет, так как у наших «спасителей» уже заготовлено достаточно крепкое убежище в Брюсселе. Поэтому они и будут гнать нас на Запад, поэтому и будут торопить, пока этот наш Запад еще остается диким.

Теперь давайте внимательно изучим литовскую, разновидность «Пакта Молотова — Риббентропа» ~ кабальный акт Баумгарнера Ландсбергиса по разделу Литвы. Кто первым ездил в Нью–Йорк к совладельцу той фирмы Казицкасу, кто первым встречался с представителями «Вильямса», кто организовал «для большей уверенности» письма Толбота, Олбрайт и других американских политиков их мальчику на побегушках В. Адамкусу? Это идея *«папули»,* это заработанные им за посредничество процентики… Второй пастырь, или «фермер» Литвы — В. Адамкус. Это он созвал Совет обороны и заставил его поднять руки за «Вильямс». По Конституции, решения Совета обороны обязательны для правительства, а Паксас взял и не подписал.

Временно заступила на его пост И. Дегутене, но и эта лисичка, учуяв нехороший запах, замела следы и поручила подписать договор самому глупому члену своей команды С. Кактису, который за доллар готовпешком гнать вшу по шпалам от Мажейкяй до Вильнюса… В благодарность за собственный домик он поставил бы и три подписи… Но «Вильямс» сбежал.

Теперь попробуйте отбить мяч обратно. Не получится! На каждом метре он будет лопаться: слишком много государственных мужей погрело тут руки. Этот пресловутый акт уже не нужен ни Андрюкайтису, ни Бразаускасу, ни Юршенасу. На выборах он сыграл нужную им роль, а потом по требованию Бразаускаса его обменяли на невмешательство Адамкуса в дела премьера.

Главным виновником остался С. Кактис, потому что с него меньше чем с кого–либо можно было взыскать, а дальше, по мере повышения ранга, вина становилась все меньше и меньше, пока не удостоилась трех орденов Витаутаса Великого, изготовленных тоже на средства налогоплательщиков. Не понимаю, почему остался без награды за такую ловкую, унизительную для литовского народа аферу один только Баумгарнер?

Теперь попробуйте по важности или размерам орденов выяснить, что за жители нашей страны являются сегодня самыми популярными после трех великих аферистов, чем они занимались лет пять–шесть назад? Это все те же несостоявшиеся музыканты, ничего приличного не написавшие философы, экономисты, не защитившие никаких работ физики, профессоры–компиляторы, составившие из двадцати брошюр двадцать первую… ну, еще несколько юристов средней руки, не

практикующих врачей… и все. А остальные и того не достигли — патентованные пустышки, вокруг которых еще кружится рой мух, именующихсебя политологами, специалистами по рейтингам, всезнающими журналистами и пророками.

Эта публика якобы формирует нашу политику, хотя прекрасно понимает, что невозможно формировать то, чего нет. Но таков образ их жизни. Такая нынче мода. На это без труда можно прожить, покрасоваться на телевидении, в газете и ни за что не отвечать, поскольку в Литве власть — это не облагаемый налогами капитал, ремесло, безвозвратный кредит. Короче говоря, власть у нас — это деньги.

Для порядочного человека такая деятельность не очень понятна, поэтому подозрительна, поэтому неприемлема, но попытайтесь поговорить об этой ярмарке пустоты с новоиспеченными «политиками»! Свою мизерную цену они будут раздувать всеми допустимыми и недопустимыми средствами, будут превозносить до небес свои заслуги перед народом, хотя нормальному человеку опять–таки трудно представить живое существо, которое с таким бесстыдством старалось бывнушить необычайно хорошее мнение о себе другим. Но кто задерет собаке хвост, если не она сама?.

Это явление нельзя назвать даже моральной распущенностью. Это, скорее, болезнь, порожденный глубоким умственным провинциализмом комплекс неполноценности, возникающий после разглядывания зарубежных витрин. И нисколько не глубже!

— Через два–три года мы будем жить как в Америке. — Это первое обещание Ландсбергиса, добравшегося до власти.

Через тринадцать лет мы живем хуже чернокожих жителей Гарлема. Это тоже Америка. Значит, серьезный политический кризис еще впереди.

Таким вот способом названные политики самими же придуманным «хорошим мнением» о себе, по моему глубокому убеждению, прежде всего совращают доверчивых людей, а потом, в процессе агитации своих последователей, сами начинают верить в эту чепуху. Более снисходительные наблюдатели называют людей, так превозносящих собственную *«репуссацию»,* артистами. Но хороший актерникогда не верит, что он действительно Наполеон, он только его изображает, старается вжиться в образ, а наши «политики» до тех пор уверяют других, пока сами не уверуют в собственное величие и не начнут считать себя мессиями или *яснописающими.*

Такое их поведение меня нисколько не удивляет. Это закономерность, предписанная природой борьба за существование, война заместо под солнцем, борьба посредственности за выживание, закон джунглей, без соблюдения каких–либо границ, без чувства меры, без милосердия, которых требуют наши несовершенные законы или христианская мораль. Это закон выживания вида, части общества, руководствуясь которым наши политиканы–однодневки опутывают, как повилика, здоровое древо нации, сколько–то времени покрасуются над его вершиной, а затем, вытянув из него последние соки, погибают с ним вместе.

Сейчас даже самые большие оптимисты начинают понимать, что у нас политика давно уже стала не средством достижения определенной цели, а модой, инструментом для самовыражения отвратительных и корыстных посредственностей. Большинству участвующих в этой игре «политиков» на конечную цель наплевать, им важнее сам процесс, участие в нем как способ блеснуть, показать, что они чего–то стоят, и, разумеется, как подобает всем статистам, получить за это приличное вознаграждение.

Не могу удержаться, чтобы в завершение этой мысли не процитировать Ф. Ницше, который, наблюдая за подобными событиями и людьми, писал:

«Ничто не вызывает большего отвращения к так называемым «образованным» людям, якобы верующим в *«прогрессивные идеи», как отсутствие совестливости, как спокойная наглость их глаз и рук, которыми они ко всему прикасаются, все хватают и облизывают. Мне кажется,* в *народе,* в *простом крестьянстве сегодня сравнительно больше благородного вкуса и уважительной тактичности, чем* в *читающем газеты мирке «образованных людей»…*

… Сейчас и самые большие моралисты видят, как быстро все проходит, как быстро все вокруг портится и вызывает неполадки, чувствуют, что до послезавтра не останется ничего, кроме одного человеческого свойства — неизлечимой посредственности. Только у посредственности *(сегодня) есть перспектива дальнейшего существования и размножения — это люди будущего, единственные, которые выживут. «Будьте такими, как они! Будьте посредственностями!» — вот что велит единственная (созданная нашими политиками) мораль, еще имеющая (какой–то) смыслм к которой (сегодня) еще прислушиваются. Но как трудно провозглашать эту мораль*

посредственности. Ведь посредственность никогда не осмелится признаться, кто она такая и чего хочет. Поэтому и кричит о чувстве меры достоинстве, о *долге и любви к ближнему».*

Что есть демократия без морали? Это церковь без Бога. Это институты государственной власти без обязанностей по отношению к своимгражданам. В конце концов, это не государство, а только его имитация, пародия. Не человек государству, а государство должно служить человеку. В моральном отношении мы уже несколько раз проиграли периоду большевизма. Этот факт будут изучать грядущие поколения. Идея социализма без ее сталинских или брежневских перегибов была и остается основным условием сохранения человечества. Ее не заменит никакая теория либерализма или социального дарвинизма. Старость должна быть обеспеченной и почитаемой, молодежь надо учить и воспитывать, богатый, хочет он того или нет, обязан делиться с продающим ему свои рабочие руки человеком. Иного пути нет.

Партии, создаваемые посредственностью под одного лидера или на одну избирательную кампанию, суть не что иное, как духовная нищета какого–нибудь рвущегося к власти клана, следствие отсутствия идей. Всевозможные блоки и союзы только подтверждают это правило, так как зло всегда организованно. Глобализация — это та же самая некогда провозглашенная большевиками мировая революцияи диктатура пролетариата или фашистский «новый порядок». Сегодня имя этой аморальной мясорубки — глобализация, более точно американизм, по Библии — Золотой телец, а в нашей обычной жизни дикий капитализм.

Поговорите с каким–нибудь социал–либералом, либерал–демократом или социал–клизматиком — название значения не имеет, — он сам не знает, что это означает, но он очень активно создает такой клан и продумывает, как лучше пробраться к власти. Как это похоже на офицеров, которые сбрасывают погоны и идут служить рядовыми за длинный доллар, изображая из себя патриотов, исполняющих свой долг перед родиной. Они не столь глупы, чтобы идти на помощь малым и слабым, добивающимся свободы, поскольку у них нет денег, чтобы заплатить. Такая извращенная милитаризация государства осуществляется за счет обнищания соотечественников. Это иностранный легион, носящий литовскую униформу.

Американский гангстеризм, империя доллара, насилие, кулы

сверхчеловека (супермена) не спасет от духовной пустоты. (такими «идеями» возникали, росли и распадались все империи, стирая с лица земли только малое. Такому исчезновению может оказать сопротивление только творческое начало в человеке, его желание остаться великим и по своим творческим возможностям уподобиться Богу. Природа не терпит бесцельного накопления. Ей необходимо равновесие. Неумеренный избыток в одной части общества обязательно приводит к взрыву ограбленной.

Духовность — это не какая–то придуманная церковью загробная жизнь. Духовность — это нынешний день, это возможность человека трудиться, созидать, совершенствоваться и совершенствовать все вокруг себя. Это гармония с окружающим миром. Как идеология капитализм обречен, а так называемая циничная западная демократия, с ее доведенным до совершенства культом секса, есть не что иное, как капельница для продления агонии деградирующего человечества. Законы больших чисел не сделали человека более совершенным. В истории все шло наоборот: совершенствуя себя, человек совершенствовал общество.

Подобные мысли владели мной еще после того, как я написал свой первый рассказ. Политика вторглась в мою жизнь силком, каждый раз давая повод проверить справедливость своих убеждений. Я старался от нее избавиться, но, изгнанная в дверь, она часто возвращалась в мою жизнь через окно. Поэтому во время работы в Сейме я не связывал политику с моралью, считал ее чем–то близким к духовной нищете, которую следует лечить общечеловеческими ценностями, а не политическими лозунгами.

Часто, поднявшись на трибуну, я агитировал своих и чужих:

— Уважаемые, какая разница, кто представляет законопроект?

Гораздо важнее знать, нужен ли такой закон обществу, облегчит ли он людям жизнь или, напротив, сделает ее труднее. Если вам не по душе я или мой коллега, будьте справедливыми вы и сами представляйте проект Сейму.

Иногда нам удавалось чего–то добиться, мы начинали думать все вместе, в деловом настрое, но являлся какой–нибудь Ландсбергис или хищная Юкнявичс не, раздавал какие–то записочки, и снова начинался такой балаган, что тошно было слушать. Страсти раскалялись, глаза стекленели, а когда начинали расходиться, ни о чем не договорившись, никто уже не понимал, кому это было нужно и в какой политической

баталии он участвовал. Поэтому к заседаниям Сейма я стал относиться как к какой–то беде. Я уверился в одном: на следующий срок меня сюда никакими калачами не заманишь. Такое решение принесло мне большое облегчение и предоставило какое–то время на творческую работу. Я перестал зависеть от какого–либо клана, стал внимательно наблюдать за своими коллегами, изучать их биографии. Могу поклясться всеми святыми, что ни одна из них не соответствует публикуемой ими в газетах лжи. Чем больше этим людям чего–то недостает в личной жизни, тем больше они придумывают о себе для публики.

Когда правые, защищая «левого» ставленника ДПТЛ Линкявичюса, стали собирать подписи под представлением о моей интерпелляции, у этой новой политической коалиции ничего не вышло. Никто из председателей комитетов под ним не подписался. Но меня пригласил немного *«припалецкисанный»,* несколько «прикаросасованный» и основательно *«подкиркиласованный»* изобретатель той новой политики — Бразаускас. Он в очередной раз подтвердил идентичность желаний и поползновений своих и Ландсбергиса.

Как нарочно, в тот день я получил сборник своих рассказов, изданный на японском языке, очень этому радовался и вовсе не думал, что могу смешать президенту все карты почти сложившегося пасьянса. Он долго шарил взглядом по столу, листал книгу, снова искал то, чего не терял, но «обстоятельства и высокие обязанности» вынуждали его говорить то, чего он пока еще не продумал:

— Ты талантливый, способный, тебя ценят за рубежом… Особенно немцы… Но тебе надо подать в отставку…

— Почему? — Мне стало его жалко, как человека, занимающегося самоистязанием.

— Ты чересчур произвольно интерпретируешь проблемы обороны. — Основные направления по этим проблемам мы обсуждали вместе. — Но ты не вписываешься в наши рамки…

— Что это означает в политическом смысле? Меня выбирали люди, члены комитета… Вы же беспартийный… Значит, появились какието новые, нам еще не известные рамки Президентуры?

— И да, и нет, но ты подавай в отставку.

Словом, ты очень хорош, но для нас будешь еще лучше, если отвалишь в сторону. Это шедевр мышления Бразаускаса,

который требовал одного и того же от Шлежявичюса, Вайтекунаса, Григаравичюса и от меня.

— Я подумаю, хотя Ваша просьба не имеет для меня никакого значения. Я воспринимаю ее как дружеский совет.

Приглашенные им в свидетели Киркилас, от которого он никак не может избавиться, и его поверенный по партийным делам Березовас молчали, как коровы во время дойки. Не дождавшись их мнения, я поднялся и ушел. Березовас вышел следом в приемную и подбодрил: — Ты правильно ответил.

— Чье это мнение?

— Я не знаю, но Линкявичюс становится невыносимым.

— Еще проще, он всех нас сношает, но ему это позволяет Бразаускас.

Киркилас сориентировался только на следующий день и стал прикладывать свои обезболивающие примочки:

— Потерпи, пока все пройдет.

— А если я не хочу больше терпеть?

Он глядел на меня, моргал и не мог понять, как это не потерпеть ради карьеры. Сквозь дым, идущий из его трубки, на его личике можно было прочитать: «Витаутас, ведь небо принадлежит страждущим»! Ну настоящий политический мученик, социал–мазохист. Даже сорвавшись с цепи, не захочешь такому дать оплеуху.

Линкявичюс торжествовал.

— Ну как, жарким был разговор? — спросил он, весь сияя. — Ты за дверью подслушивал?

— Нет, но я…

— Он попросил меня остаться.

— Я так и думал.

— Что ты думал?

— Что нам обоим не хватит решимости. — Так думал фаворит о своем патроне. Такой вседозволенности, такого нахальства встречать еще не приходилось: сидит в чужом навозе, отогрелся и чирикает, как большой.

— Какой решимости? Вместе растаскивать казенное имущество? Этого мальчика, воспитанного комсомолом, словно ветром сдуло. Сейчас, даже если среди ночи меня разбудят, смогу сказать(как эта липучка поступит завтра или послезавтра, но тогда меня волновало совсем другое. Как мог выбранный

нами самими и выдвинутый впервые люди республики товарищ так быстро измениться и обрасти такими тертыми карьеристами и подхалимами? Значит, мы были слепцами… Никто другой, кроме соседского Йонаса, в этом не виноват… Ведь было время, когда нужно было идти на риск. И даже очень. Тогда он только скромничал и каждый свой ответственный шаг начинал с убаюкивающей молитвы:

— Я не политик. Если будет плохо, то отвечать придется сообща. Нет, от ответственности он не отказывался, но и один за все отвечать не хотел. Он нуждался в коллективной мысли и ответственности, в моральной опоре и в людях, которые в трудный час будут рядом.

А сейчас? Во что он превратился сейчас? Но, может, не превратился, а только раскрылся и показал, кто он такой?. Чем дольше изучал я нашу совместную работу, тем яснее сознавал, что безраздельная власть действует на этого человека, как постоянно употребляемый допинг, подавляющий любые тормоза, которые становятся ненужными на пути к еще большей власти. Сама власть, словно свалившаяся с неба, перестала быть средством достижения новых побед, а стала его личным трофеем, медалью и главной целью в жизни. Произошла явная передозировка допинга. Отказаться не хватило сил. Пристрастие превратилось в болезнь.

Конечно, я мог сопротивляться, подобрать дополнительные факты, чтобы его притормозить: тут взял, там подсунул, тому пообещал, другому отдал, того возвысил, другого утопил, — но это было бы попыткой втереться в круг «незаменимых» людей, стремящихся любой ценой доказать свою «полезность», то есть копировать тех, кто дожидался такой аморальной групповой демократии и всеми силами толкал нас в ту сторону. Такая цена не была для меня приемлемой. Пресмыкаться и ждать какого–то вознаграждения за добровольное уничтожение своей личности могли только люди с его характером. Вылавливать в дерьме положительные для своей характеристики фактики и строить из этого навоза неясное будущее — не в моих правилах. Нужно было с честью отступить.

Через несколько дней я уселся за открытое письмо Бразаускасу.

«Уважаемый Президент! Испугавшись очередного визга своих подхалимов, Вы предложили

мне подать в отставку и предъявили два весьма расплывчатых, залитых почти дружескими слезами обвинения:

1. *Ты чересчур произвольно интерпретируешь проблемы безопасности.*

2. *Ты уже не вписываешься в наши рамки.*

Относительно первого обвинения мы договорились почти сразу. Я произвольно интерпретирую, потому что кое–что соображаю. Я изучил оборонительные концепции и доктрины более чем двадцати стран, принимал участие во многих международных семинарах, сам делал на них доклады, поэтому меня не сковывают никакие молитвы НАТО или ЕС, от которых Ваше окружение все еще падает в обморок, как некогда оно падало от звонков из Москвы. На меня не производят чарующего впечатления корыстолюбивые советы всевозможных опытных и все еще обучающихся экспертов. Нам нужны только документы такого рода, которые служат нашему государству, а не отдельным политикам. Они должны обсуждаться и приниматься всем народом, как его волеизъявление, но Вы отказались от такого пути, уступили капризам своих политически незрелых фаворитов и отложили в долгий ящик принятие этих законов. Работу выполняли 27 специалистов. Ее принял Совет обороны. Отказываясь задним числом от их услуг, Вы уничтожили себя в их глазах. Я не могу Вам этого запретить, но не имею права и одобрять Вас.

Относительно второго обвинения я много размышлял, пересмотрел записи, изданные под Вашей фамилией книги, Ваши выступления, статьи и указания и пришел к выводу, что нет никаких ни ваших, ни наших рамок. Есть только Конституция, Статут Сейма, законы, программа ДПТЛ, хотя наряду с ними все еще продолжает пыхтеть плохо Вами замешанная и уже порядком пригоревшая каша из политического флирта, неопределенности, самолюбования и практического бездействия, которую было бы гораздо полезнее отскоблить со дна государственного котла и выбросить вон.

А теперь об этих воображаемых Вами рамках политической деятельности.

Прежде всего, уважаемый, их нет, т. к. из пригоревшей каши невозможно вылепить никаких рамок. Их нет еще и потому, что досих пор Вы играли без каких бы то ни было правил, руководствуясь какими–то неясными, подсмотренными не то у Горбачева, не тоу Гришкявичюса дилетантскими методами работы доброго дяди. Поэтому я не могу, не желаю и не имею права мириться с навязанной Вами и враждебным идеям Трудовой партии окружением тактикой политической агонии.

Отказываясь от избирательной программы и самых реалистичных обещаний, данных избирателям, мы практически лишились социальной базы и объединяющей идеи, которых никогда не сможем заменить никакими авторитетами, тем более сомнительными.

Это политический абсурд, порождающий групповые интересы правовой нигилизм, коррупцию, бесцельное разбазаривание бюджета и государственной собственности и шляхетско–беспорточный, парадный милитаризм. Как бы ни было обидно, мы должны признаться, что большинство честных и порядочных членов фракции ДПТЛ уже оказалось в заложниках этой непристойной и эгоистичной политической игры. Вот почему мы никак не можем поставить на место ландсбергизм, заразивший наше общество злокачественными политическими заболеваниями. Мы заболели уже сами. Таким образом сложилась негативная практика, когда в Высшие эшелоны власти выдвигались не обсуждавшиеся коллективно, недееспособные,

не проверенные в деле, но очень удобные Вам и Вашему окружению люди. Попав в руководство только по Вашей милости, они не стали считаться с мнением фракции и комитетов Сейма, законопроекты, регламентирующие деятельность этих институтов, откладывались в сторону, размывались или проталкивались с большим опозданием «в порядке особой срочности», точнее, в порядке постановки Сейма перед свершившимся фактом.

Такое непозволительное попустительство личным, групповым и ведомственным интересам, его несовместимость с общей политикой государства воспитало большую группу Ваших фаворитов, обласканную сверху, которая своими деструктивными действиями причинила большой ущерб авторитету Сейма и породила остающуюся за рамками закона самодеятельность «своих» людей. Вот почему лоббизм, коррупция и своеволие чиновников стали повседневным явлением, которое высшее руководство то ли не замечает, то ли не может одолеть.

Вы все еще пытаетесь доказать, что это унаследованная беда, но это не так. Вы не справляетесь и никогда не справитесь с ситуацией только потому, что довольствуетесь нереальной, искаженной информацией. Ваши рамки — прокрустово ложе, в котором нужно лежать, свернувшись клубком, поскольку неизвестно, кто и чтотебе отрубит. При одной только мысли о круге лиц, оказывавших и оказывающих на Вас влияние, уже не я

один прихожу в содрогание. С. *и М. Велонскисы, Раяцкас, Високавичюс, Буткявичюс, Норвилас, Езярскас, Садяцкас, Бузунас, Линкявичюс, Гудайтис и, наконец, Андрикис — это советники, достойные внимания не только журналистов. Выбор таких людей ведь не пришел сам по себе, это логичное продолжение Вашей многолетней неопределенной и несамостоятельной деятельности, хотя Вы и часто разводите руками, жалуетесь~ пытаетесь разжалобить зрителей, чтобы понравиться им: я искренний, я хороший, я ваш Президент. Но кроме прозвища «Старая дева»у товарищей Вы ничего не заслужили.*

Как это несерьезно, Ваше Превосходительство! Президент не должен быть ни хорошим, ни плохим, он должен быть справедливым. Президентура — это не Ваше охотничье хозяйство, в нем нельзя править согласно старому клановому принципу: я тебя обласкаю, а ты за это мне отработаешь.

Уходя, я не делаю из этого никакой трагедии или грозных заявлений. Довольно. Хватит! Вы меня очень больно оскорбляете уже в третий раз. Поэтому, не находясь ни под чьим влиянием, не будучи связанным какой–либо присягой или опасением ее *нарушить, я хочу еще раз спокойно проанализировать все накопленные мной факты и перед листом бумаги убедиться, что то, что я писал и что я пишу, не является заблуждением одного человека. Как человеку и как писателю, отдавшему национальному возрождению свои лучшие творческие годы и много потрудившемуся на Вашу победу, мне необходимо, наконец, выяснить, почему, каким образом, получив от своих избирателей абсолютное большинство в Сейме, имея возможность сформировать действенное, деловое, благосклонное к человеку труда правительство, Вы от всего этого отказались. Кто дал Вам такое право? Во имя каких идей, во имя каких целей или богатств Вы отвергли волю и благорасположение большинства и ничего не получили от злобного меньшинства? Почему Вы только маскировались предусмотренной в Конституции аполитичностью, а на практике, за неимением политической воли, собрали вокруг себя отверженных нами корыстных и откровенно враждебных к нам людей?*

Как член президиума совета ДПТЛ я мог бы оставаться на всех своих постах, т. к. это не входит в Вашу компетенцию. Последнее слово должно оставаться за партией и фракцией, но на практике такого не будет. Вы все равно будете давить на послушных себе и ссорить инакомыслящих. Я этого не желаю, я устал от Вашего непостоянства, эгоизма, от Вашей

изворотливости и от Вашего меняющегося по заказу непонятных людей мнения. Признаюсь откровенно, уважаемый Альгирдас, от Вашей воображаемой доброты мы все уже покрыты шрамами. Становиться на старости лет священным верблюдом не желаю».

Передав письмо в редакцию, я шел как заново рожденный и не понимал, какую новую тяжкую ношу взвалил на свои плечи. Да ладно, в тот момент я был счастлив, но меня повстречал еще более счастливый Кястутис Яскелявичюс и похвастался, что уходит работать в редакцию газеты «Пирмаденис».

— Слушай, что за японскую книгу ты подарил «Старой деве»? — Сборник своих рассказов.

— Не хвастай, он по–японски не рубит.

— Честное слово.

— А какое у него название? — продолжал он допрашивать. — «Корабль дураков».

— У тебя есть литовский вариант?

— Даже несколько.

— Тащи мне. Такую, зараза, сенсацию отколем! Подарим японскую книгу человеку, с которым по–литовски договориться уже невозможно!

Завравшись, мне не оставалось ничего другого, как в шутку взять и сочинить такой рассказ.

«Жил–был старый Морской Волк, и была у него еще более старая морская посудина. Такая старая и дырявая, что все крысы с нее разбежались, а вслед за ними — и опытные моряки. Тогда капитан перекрасил свой корабль и вместо названия «Ужас» написал новое — «Демократия», но и тогда не нашлось ни одного добровольца. Наконец Морской Волк собрал всех портовых дураков и каждого из них при помощи кнута и ругательств научил выполнять только по одному из необходимых команде дел.

— Я покажу вам, сволочи, демократию! — рычал *он, словно гром, пока не добился своего.*

По сигналу его свистка каждый дурак стремглав бросался на свое место и старался до тех пор, пока капитан не свистнет снова; после этого он всех их выстраивал и еще долго поучал:

— Я вас, придурошных губошлепов, научу демократии! Я вам, вшам краснопузым, покажу, откуда у той демократии ноги растут!

И только после этого каждый дурак получал порцию каши и бокал кислого вина.

Так и плавал он на той старой калоше, удивляя опытных моряков необычайной дисциплиной и слаженностью своей команды. Изобретательный Морской Волк похвалялся своей мудростью:

— Дурака нужно научить только одной, и то очень короткой, молитве, чтобы его можно было вовремя остановить и чтобы он при молитве не пробил борт корабля.

Но однажды дураки взбунтовались. Они привязали Морского Волка к мачте и принялись кричать, перебивая друг друга:

— Отдавай нам демократию! Куда ты девал нашу демократию? — у меня ее нет.

— Так чего же все время обещаешь?! Лучше отдавай, иначе тебе конец!

Понял Морской Волк, что с дураками надо разговаривать на их языке, однако немного перестарался:

— Выберите из своей среды самого глупого, тогда увидите, от куда у той демократии растут ноги.

Дураки так и сделали.

- Ты будешь капитаном, — сказали они самому большому ротозею.

— Но я не умею свистеть, — ответил он.

— Тогда будешь ты, — предложили они самому толстому.

Но и тот не умел свистеть. Долго выбирали дураки себе командира, пока не договорились, что капитаном будет тот дурак, который лучше всех не умеет свистеть. Тот и приступил к справедливой деятельности. Построил всех дураков как попало и стал их учить:

- Ты будешь поднимать паруса!

— Но я не умею.

— Я не умею лучше тебя поднимать паруса, поэтому выполняй или отведаешь кнута.

- Ты станешь у руля.

— Но я не умею править.

— Я лучше тебя не умею, не спорь, пока я не вытянул тебя кнутом!

Так ничего не умеющий лучше других навел свой порядок, а втихомолку свистеть все равно научился, поэтому и начал свистеть поделу и без дела.

Дуракам быстро надоела пустая беготня. Они уселись перед котлом с кашей и стали ждать. Свистнет новый капитан один раз они сидят и не обращают на него никакого внимания. Свистнет во второй раз — они спокойно стоят, и только после третьего свистка съедают кашу, выпивают вино и снова принимаются ждать. Пока они ждали, поднялся шторм, корабль утонул, а новый капитан захлебнулся первым, поскольку он не умел плавать лучше других.

Когда море, стихнув, выбросило на берег при вязанного к мачте Морского Волка, товарищи его освободили и стали расспрашивать:

— Что стряслось, свисток испортился?

— Нет, свисток цел.

— Кнут сломался?

— Не сломался.

— Револьвер промок?

— Не промок.

— Так что же случилось?

— Не надо было ругаться.

— Но где ты встречал Морского Волка, который не ругается?

— Ругаться, друзья, можно, но и дуракам не надо обещать то, чего не можешь показать.

Тринадцать лет!

Тринадцать лет вместе с критиком Юозазом Степшисом я пишу летопись этого корабля и, как видите, не могу ее закончить…

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ [39]

Авижюс, Йонас — писатель, лауреат Ленинской премии.

Адамкус, Валдас — эколог, бывший государственный служащий США, второй (после *Бразаускаса) п*резидент Литвы.

Андрюкайтис, Витянис — лидер Социал–демократической партии, после слияния с ДПТЛ — заместитель председателя.

Астраускас, Витаутас — председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Бабилюс, Винцас — в советское время — директор Вильнюсского з–да электросчетчиков, министр экономики в правительстве консерваторов, заявивший при обсуждении вопроса о приватизации нефтяного комплекса в Мажейкяй: «Ивана мы к трубе не подпустим».

Балтакис, А. — поэт, однокашник автора этой книги Витаутаса Петкявичюса.

Балтушис, Юозас — писатель, классик литовской литературы, публично отказался поддерживать «Саюдис».

Бартусявичюс, А. — заведующий отделом ЦК КП Литвы.

Басанавичюс, Йонас — видный деятель литовского национального возрождения конца XIX — начала XX века, издатель просветительского журнала «Аушра», организатор Совета (Тарибы), провозгласившего независимостьЛитвы в 1918 году. В Литве его уважительно именуют патриархом.

Баумгарнер — владелец американской посреднической фирмы «Вильямс».

Белинис, Й. — заведующий отделом пропаганды ЦК КПЛ.

Березовас, Владимирас — второй секретарь ЦК КПЛ и ДПТЛ при *Бразаускасе.*

Бернатонис, Ю. — министр внутренних дел в правительстве *Бразаускаса.* **Борута,** Казис — литовский писатель.

Бразаускас, Альгирдас Миколас — политический деятель, бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы, после раскола партии в декабре 1989 г. возглавил так называемую Самостоятельную КПЛ, провозгласившую независимость от

Коммунистической партии Советского Союза. Впоследствии была переименована в Демократическую партию труда Литвы (ДПТЛ). В настоящеевремя слилась с Социал–демократической партией, приняв ее название. В независимой Литве А. Бразаускас был первым президентом станы, в настоящее время возглавляет Социал–демократическую партию и является премьер–министром Литвы.

Бубнис, Витаутас — писатель–прозаик.

Буловас, Виргилиюс — министр внутренних дел Литовской Республики в правительстве *Бразаускаса.*

Буловас, Ю. — профессор, специалист по радиоэлектронике.

Бурокявичюс, Миколас Мартинович — профессор, после раскола Компартии Литвы возглавил КПЛ, оставшуюся в составе КПСС Активно выступал против распада СССР. После августа 1991 года эмигрировал в Белоруссию. В январе 1992 г., в результате сговора со спецслужбами Белоруссии, возглавлявшегося с Шушкевичем, был похищен спецслужбами Литвы и приговорен к 12 годам лишения свободы.

Буткявичюс, Аудрюс — врач–психиатр, деятель «Саюдиса», бывший министр обороны Литовской Республики (в буквальном переводе — министр охраны края). Был осужден за вымогательство и получение взятки в крупных размерах.

Бушкявичюс, С. — деятель радикальной националистической партии, член Сейма.

Вагнорюс, Гедиминас — дважды возглавлял правительство Литовской Республики. Вместо рубля ввел в Литве промежуточные деньги, прозванные в народе «вагнорками».

Вайчюнайте, И. — поэтесса.

Вайшвила, Зигмас — активист «Саюдиса».

Весялка, Юлюс — профессор–экономист, некоторое время был министром экономики Литовской Республики, политик левой ориентации, лидер партийного блока «Засправедливую Литву».

Вилейкис, Альгирдас — председатель Вильнюсского горисполкома.

Вилкас, Эдуардас — академик–экономист, деятель «Саюдиса».

Витас, Юозас — подпольная кличка Юозаса Вайткунаса. Деятель коммунистического подполья, Герой Советского Союза, в 1940 г. был председателем Вильнюсского горисполкома.

Вянцлова, Антанас — известный писатель, возглавлял Союз

писателей Литовской ССР.

Вянцлова, Томас — поэт, переводчик, диссидент. Сын писателя *Антана са ВЯНЦЛОВЫ.*

Геда, Сигитас — поэт, активист «Саюдиса».

Гензялис, Бронюс — профессор философии, активист «Саюдиса».

Григаравичюс, В. — генеральный комиссар полиции, добившийся снижения уровня преступности в Литве.

Гришкявичюс, Пятрас — журналист, первый секретарь ЦК КПЛ (после *Снечкуса).*

Гуряцкас, Йонас — секретарь Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Дапкуте, Р. — бывшая сотрудница цру, перевербованная КГБ, советница Ландсбергиса. В настоящее время — хозяйка ресторана.

Даунорас, В. — певец, солист Литовского театра оперы и балета. **Дрилинга,** Антанас — литовский поэт, саюдист.

Душанскис Н. — бывший руководитель каунасского КГБ. Проживает в Израиле.

Жебрюнас, Альгимантас — известный кинорежиссер.

Зингерис, Эмануэлис — деятель «Саюдиса», пытался выступать от имени еврейской общины, был членом Сейма.

Зуокас, Артурас — мэр города Вильнюса, представляющий правый фланг политики.

Иванов, Валерий Васильевич — лидер вильнюсской городской организации «Единство», объединявшей политических противников движения «Саюдис».

Кайрис, Ксаверас — заместитель председателя Совета Министров Литовской (СР.

Каланта — каунасский школьник, совершивший акт самосожжения в городском сквере.

Канович, Григорий — литовский еврейский писатель. Эмигрировал в Израиль.

Капсукас–Мицкявичюс, Винцас — видный деятель коммунистического движения в Литве в первой половине XX в. Основатель Компартии Литвы, деятель Коминтерна.

Касперавичюс, Эдмундас — просоветский политический деятель, в 1991 г. руководил телевидением, находившимся под контролем Компартии Литвы во главе с *М. Бурокявичюсом.* По

его имени саюдисты называли это телевидение «каспервидением». Из Литвы эмигрировал.

Каукайте, Гедре — певица, солистка Литовского театра оперы и балета. **Каушпедас,** А. — руководитель вокально–инструментального ансамбля «Антис».

Кейдошюс, Пятрас — литовский журналист.

Керосерюс — заурядный деятель, поставленный во главе того, что осталось от «Саюдиса», уже никак не проявляющегося в политической жизни Литвы.

Киркилас, Гедиминас — партийный деятель из круга *Бразаускаса.* **Кубилюнас —** генеральный советник немецких оккупантов. Расстрелян. **Красаускас,** Стасис — известный литовский художник–график.

Кубилюс, Андрюс — после *Ландсбергиса* стал лидером праворадикаль ной партии «Союз Отечества» (консерваторы Литвы), сын профессора *В. Кубилюса.*

Кубилюс, В. — профессор–литуанист, известен панегириками советской литературе, которую в настоящее время яростно ругает.

Кудирка, Винцас — писатель (нач. XX века), видный деятель литовского национального возрождения, подвергался преследованиям со стороны царского режима. Выпускал газету «Варпас» (<<Колокол»). Автор «Национальной песни» — нынешнего Государственного гимна Литовской Республики.

Кузмицкас, Бронюс — ватиканолог. В бытность *Ландсбергиса* председателем Верховного Совета Литвы был его заместителем. Предполагается, чтосотрудничал с КГБ под кличкой «Юргис».

Куолялис, Юозас — заведующий отделом ЦК КПЛ, в ЦК КПЛ, возглавлявшемся *Бурокявичюсом,* — секретарь по идеологии. В независимой Литовской Республике осужден по обвинению в антигосударственной деятельности.

Ландсбергис, Витаутас — музы ковеД, работал преподавателем на кафедре марксизма–ленинизма Литовской консерватории, радикальный деятель «Саюдиса», председатель Верховного Совета Литовской ССР, провозгласившего11 марта 1990 года независимость Литовской Республики, основатель и многолетний руководитель праворадикальной партии «Союз Отечества» (консерваторы Литвы), был председателем Сейма.

Ландсбергис–Жемкальнис — архитектор, член сформированного в 1941 году коллаборационистского

правительства Литвы, после войны некоторое время проживал в эмиграции, затем возвратился в советскую Литву. Отец *В. Ландсбергиса.*

Лауринкус, Мечис — Генеральный директор Департамента государственной безопасности Литвы.

Лауринчукас, А. — председатель Союза журналистов.

Лаурушас, В. — ректор Государственной консерватории и председатель Союза композиторов Литвы.

Линкявичюс, Линас — министр обороны Литвы.

Лисаускас, С. — министр внутренних дел ЛССР.

Лолишвили, Лена **—** прорицательница (ясновидящая) «при дворе» президента *Р. Паксаса.*

Максвитис, Й. — командир дислоцированного в Каунасе отряда Добровольной службы охраны края, возглавивший антигосударственный мятеж добровольцев после избрания в 1992 году президентом «коммуниста» *Бразаускаса.*

Мартинайтис, М. — поэт, активист «Саюдиса».

Марцинкус — генерал, председатель КГБ Литовской ССР. **Медалинекас,** Алвидас — активист «Саюдиса», советник президента *Паксаса* по иностранным делам.

Межелайтис, Эдуардас — известный литовский поэт, лауреат Ленинской премии, после смерти *А. Вянцловы в*озглавлял Союз писателей Литвы.

Минкявичюс, Йокубас — профессор, преподаватель марксистско–ленинской философии, деятель «Саюдиса», связанный с КГБ.

Мисюконис, М. — министр внутренних дел Литовской ССР. После загадочного убийства 1 августа 1991 года таможенников на посту, установленномлитовскими властями в районе Мядининкай на административной границе с Белоруссией, ушел в отставку.

Мисюнас, Ромас — посол Литвы в Израиле. В советское время выпускал журнал «ВаШс Forum», вокруг которого группировались литовские диссиденты.

Митькин, Николай — второй секретарь ЦК КП Литвы, присланный на этот пост в Литву из России.

Мотека, Казимерас — адвокат, видный деятель «Саюдиса», бывший заместитель *Ландсбергиса* на посту Председателя Верховного Совета Литвы. Во время вильнюсских событий

января 1991 года объявил, что Литва находится в состоянии войны с СССР. Председатель комиссии по амнистиям.

Мустейкис, В. — историк, альпинист.

Насвитис, А. — архитектор, деятель «Саюдиса».

Норейка, Виргилиюс — известный оперный солист, директор Литовского театра оперы и балета.

Озолас, Ромуалдас (Ромас) — философ, активист «Саюдиса», зам. председателя Совета Министров в первом правительстве Литвы, провозгласившей независимость. Автор бредовых русофобских «Метафизических дневников», опубликованных в 1989 году в литературном журнале «Пяргале».

Павилёнис, Роландас — ректор Вильнюсского государственного университета, депутат Сейма.

Палецкис, Юстас — видный государственный деятель Литовской ССР, многолетний председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР, поэт.

Палецкис, Юстас Винцас — саюдист, литовский политический деятель, дипломат, сын *Ю. Палецкиса.*

Паксас, Роландас — летчик, инженер–строитель, третий президент Литовской Республики.

Петкявичюс, Ю. — генерал–лейтенант, председатель КГБ ЛССР (предшественник *Эйсмунтаса).*

Паулаускас, Артурас — бывший генеральный прокурор Литовской Республики, лидер Социал–либеральной партии, председатель Сейма.

Паулаускас, Роландас — деятель «Саюдиса». .

Печелюнас, П. — инженер, председатель Демократической партии, член Сейма двух созывов.

Плехавичюс, П. — генерал литовской армии, коллаборационист, создатель вспомогательной армии в период немецкой оккупации («литовский Власов»).

Пожела, Юрас — академик, президент Академии наук ЛССР, сын коммунара, расстрелянного при правлении в Литве Сметоны.

Поцюс, А. — писатель–прозаик, деятель «Саюдиса».

Прунскене Казимира Дануте — профессор–экономист, первый председатель Совета Министров Литовской Республики, провозгласившей независимость Литвы, видная деятельница

«Саюдиса», обвиненная в связях с КГБ на основании сфабрикованного обязательства о сотрудничестве, член Сейма, лидер партии «Новая демократия».

Пяткус, Викторас — литовский диссидент, подвергался репрессиям. **Раманаускас,** А. — комсорг гимназии, в которой учились *В. Ландсбергис* и *А. Сакалас.*

Сабаляускас, Юлюс — замминистра мелиорации Литовской ССР. **Сабутис,** Людвикас — бывший прокурор Литовской ССР, секретарь Президиума Верховного Совета Литовской Республики.

Сакалас, Алоизас — профессор, деятель «Саюдиса» И литовской социал–демократии, в молодости был репрессирован за чтение запрещенных книг.

Сакалаускас, Витаутас — председатель Совета Министров Литовской ССР. **Сая,** Казис — поэт, активист «Саюдиса».

Сикорские, Р. — министр финансов Литовской ССР.

Скучас, А. — активист «Саюдиса», работник госбезопасности.

Сметона, Антанас — президент довоенной Литвы. В 1926 г. возглавил государственный переворот и стал единоличным диктатором. В 1940 г. эмигрировал из Литвы.

Снечкус, Антанас — выдающийся государственный и партийный деятель Литовской ССР, в период немецко–фашистской оккупации руководил партизанским движением в Литве, многолетний бессменный первый секретарь Компартии Литвы.

Сонгайпа, Римвидас — в конце *80–х* годов первый секретарь ЦК КПЛ. Сондецкис, Саул юс — выдающийся деятель литовской культуры, всемирно известный дирижер симфонического оркестра.

Сруога, Балис — литовский писатель, переживший заключение в фашистском концлагере.

Станисповас, отец Станисловас — популярный в Литве католический монах, провозгласивший себя пастырем согнанных со своей земли колхозников.

Статупявичюс, Витаутас — крупный литовский ученый–математик, специалист в области теории вероятностей, академик.

Терпяцкас, Антанас — литовский диссидент, несколько раз подвергавшийся репрессиям, создатель радикально–националистической Лиги свободыЛитвы, известен как

«уличный политию>.

Томкус, Витас — активный деятель «Саюдиса», издатель и владелец литовской газеты «Республика».

Урба, Казис — бывший работник КГБ, ведал финансами «Саюдиса». Урбшис, Юозас — министр иностранных дел довоенной Литвы. Успаских, Виктор — крупный литовский предприниматель.

Ферensас, А. — секретарь ЦК КПЛ по промышленности.

Цидзикас, Пятрас — пропагандист «лечебного голодания», в 1990 году прошел с крестом по Красной площади в Москве.

Чекуопис, Альгимантас — журналист, активист «Саюдиса», бывший редактор газеты «Гимтасис краштас» (<<Родной край»), издававшейся в советскоевремя для литовцев, живущих за рубежом.

Чеснавичюс, А. — бывший первый секретарь ЦК комсомола Литвы, затем — заместитель председателя Совета Министров ЛССР.

Чепайтис, Виргилиюс Юозас — переводчик с литовского на русский, активный деятель «Саюдиса», осведомитель КГБ, работавший под кличкой «Юозас».

Чюрпёнис, Микалоюс Константинас — выдающийся литовский художник и композитор. С. Чюрпените — его дочь.

Шапкаускис, С. — философ, профессор в довоенной Литве.

Швед, Владислав Николаевич — второй секретарь ЦК Компартии Литвы,

оставшейся после раскола партии в составе КПСС, в 1990 году был избран депутатом Верховного Совета Литовской ССР, лишен депутатского мандата за противодействие «Саюдису».

Шепетис, Лёнгинас — партийный и государственный деятель ЛССР, был министром культуры, затем — секретарем ЦК КПЛ по идеологии.

Шкирпа — глава самопровозглашенного в начале гитлеровской оккупации «временного правительства» Литвы.

Шерис, Й. — заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР. Штромас, А. — литовский историк–философ.

Шумаускас, Мотеюс — видный государственный и партийный деятель Литвы, активный член коммунистического подполья в довоенной Литве, бывший председатель Совета Министров Литовской ССР.

Шустаускас, Витаутас — лидер каунасских радикалов, прославившийся скандальными публичными выступлениями, член Сейма.

Эйсмунтас, Э. — генерал–майор, председатель КГБ Литовской ССР.

Эндрюкайтис, А. — бывший колхозный агроном, член Сейма, отличающийся крайне правыми взглядами, считает себя знатоком чеченского вопроса.

Юозайтис, Арвидас — активист «Саюдиса», философ.

Юршенас, Чесловас — журналист, впоследствии — член руководства Социал–демократической партии, заместитель председателя Сейма.

Юозапавичюс — офицер Литовской добровольческой армии, считающийся первой жертвой борьбы за независимость Литвы. Погиб в 1918 годуна мосту через Неман около города Алитус от случайного выстрела литовского красноармейского дозора.

Яцкявичюс–Моркус — киносценарист, общественный деятель.

Примечания

1

Жверинас — престижный район города Вильнюса.

2

Литовская государственная награда.

3

День подписания «Пакта Молотова — Риббентропа» с протоколом о разделе Литвы.

4

Отдаленный район города Вильнюса, в котором находится психиатрическая лечебница.

5

«Национальная песнь» на слова В. Кудирки, вместо которой в советское время после войны был введен Гимн Литовской ССР.

6

Так иногда в Литве называют беллорусов.

7

Поселок около Каунаса.

8

Согласно секретному приложению к «Пакту Молотова — Риббентропа», СССР заплатил Германии за уступку ему части территории Литвы.

9

Министр экономики в правительстве консерваторов Винцас Бабилюс при обсуждении вопроса о приватизации нефтеперерабатывающего комбината в Мажейкяй заявил:

«Ивана мы к трубе не подпустим».

10

Этническая группа литовцев.

11

В 1940 году с согласия правительства Меркиса в Литву были введены советские войска

12

В Правенишкес и Алитусе находятся исправительные колонии для уголовников.

13

После назначения Петничи на должность генерального прокурора Ландсбер гис заявил: «Теперь у нас свой генеральный прокурор».

14

Клерикалы называют Литву «землей Девы Марии».

15

Лидер экстремистов неонацистского толка.

16

После смещения Прунскене до 13 января 1991 года был премьер–министром Литвы.

17

Намек на гражданскую жену, ставшую впоследствии супругой Бразаускаса.

18

Название самолета, на котором отважные литовские авиаторы С. Дарюс и С. Гиренас совершали перелет из США в Литву и были сбиты в небе над фашистской Германией.

19

Через него, главным образом, проходили дела по обвинению политических деятелей советского и переходного периода в антигосударственной деятельности.

20

Одной из официальных регалий Президента Литвы является специальный орден.

21

См. примеч. на стр. 196.

22

Альгирдас Миколас Бразаускас.

23

Имеется в виду политический скандал, связанный с назначениями и увольнениями правительством Бразаускаса высших должностных лиц в органах внутренних дел.

24

Был соперником Зуокаса на выборах мэра Вильнюса. Весь описанный эпизод связан с политическим торгом из–за руководящих мест в полиции и в вильнюсской мэрии.

25

Министр сельского хозяйства.

26

Намек на ведущего популярной сатирической телепередачи Шеренаса, который баллотировался на президентских выборах и занял второе место после Паксаса.

27

Западная область Литвы.

28

Холм В Литве близ г. Шяуляй, на котором в разное время разные люди ставили и продолжают ставить христианские кресты.

29

Стрибас — по–литовски ястреб.

30

Издатели крупнейших газет — «Республика» и «Летувас ритас» («Утро Литвы»).

31

В конце 1989 года Компартия ЛИТВЫ раскололась на Самостоятельную КПЛ и КПЛ–КПСс.

32

Министр иностранных дел Латвии.

33

Организация умеренной социально ориентированной интеллигенции, созданная в 1992 году в противовес оголтелому ландсбергизму.

34

«Авторитеты» каунасского криминального мира.

35

В литовском оригинале автор намеренно искажает слово «имидж», придавая ему похожее неблагозвучное звучание.

36

Герой романа Пятраса Цвирки «Франк Крук».

37

Кревская уния (1385 г.) — договор о польско–литовском

династическом союзе, Люблинская (1569 г.) — о создании единого польско–литовского государства.

38

В ответ на провозглашение Литвой независимости Президент СССР М. С. Горбачев ввел ограничения на поставки в Литву горючего. Эта мера получила здесь название «экономической блокады», которой противодействовало правительство Прунскене и ее заместителя Бразаускаса.

39

Составлен при непосредственном участии автора. Курсивом выделены фамилии, которые уже упоминались или будут упомянуты в настоящем указателе.

Content

Витаутас Петкявичус
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ
ОБ АВТОРЕ (Биографическая справка)
От переводчиков Попранные идеалы
От автора Патриотическое кощунство
ПРИНЮХИВАЕМСЯ
БЕГ В МЕШКАХ
УРОКИ ИСТОРИИ
ДОРОГИ И ТРОПИНКИ
ЖАЖДА НА БОЛОТЕ
ЗАКОН РОБЕСПЬЕРА
ПО ГРИБЫ–ЯГОДЫ
ЗАКАЗНОЕ ПОРАЖЕНИЕ
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ
УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ
Примечания